

Российская Академия наук
Институт языкознания

Пензенский государственный педагогический университет
имени В.Г.Белинского

Администрация г. Пензы

**ЯЗЫК И МЫШЛЕНИЕ:
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ
И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ**

Материалы 4-ой Всероссийской
научной конференции
(Пенза, 12-15 мая 2004 г.)

Москва-Пенза, 2004

УДК 155.5:4
ББК 88.3:81

Язык и мышление: Психологический и лингвистический аспекты. Материалы 4-ой Всероссийской научной конференции (Пенза, 12-15 мая 2004 г.) / Отв. ред. проф. А.В.Пузырев. – М.; Пенза: Институт языкознания РАН; ПГПУ имени В.Г.Белинского; Администрация г. Пензы, 2004. – 216 с.

Печатается по решению оргкомитета Всероссийской научной конференции «Язык и мышление: Психологический и лингвистический аспекты».

Редколлегия: доктор филологических наук, профессор А.В.Пузырев (Пенза; отв. редактор), доктор филологических наук, профессор Ю.А.Сорокин (Москва), доцент, кандидат психологических наук Л.И.Панкова (Пенза).

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

В настоящих материалах отражены проблематика и результаты исследований в области одной из «вечных» для науки тем, как «Язык и мышление», причем в конференции оказались задействованными специалисты-смежники – психологи, лингвисты, педагоги и др.

Объединение усилий учёных-смежников под одной обложкой вызвано несколькими причинами. Самой важной из них является стремление ответить запросу времени преодолеть концептуальную разобщенность учёных различных научных специальностей, их практическое игнорирование друг друга. Думается, что материалы настоящей конференции являются своего рода попыткой синтеза различных подходов по отношению к одной и той же проблеме – проблеме взаимосвязей между мышлением человека и его языком (пусть даже попыткой весьма неполной и несовершенной).

При формировании сборника материалов конференции, при распределении поступивших докладов и сообщений по секциям редколлегия исходила из первого правила Рене Декарта "для руководства ума": "Все науки настолько связаны между собою, что легче изучать их все сразу, нежели какую-либо одну из них в отдельности от всех прочих" (Р.Декарт 1936: 49). Именно поэтому материалы конференции группировались не по принципу рода занятий участников конференции, но по принципу восхождения от абстрактного к конкретному. Методологической базой для распределения докладов конференции по конкретным аспектам стала универсальная схема научного исследования, предложенная в середине 80-х годов 20-го столетия философом (доктором философских наук, профессором) А.А.Гагаевым.

Редколлегия считает своим долгом оговориться, что при подготовке к опубликованию доклады и сообщения подвергались минимальной правке, и ответственность за уровень преподнесения, как это и принято в научном мире, полностью ложится на плечи авторов.

Проводимая в Пензе 4-я Всероссийская научная конференция «Язык и мышление» посвящена 65-летию Пензенского государственного педагогического института (ныне университета) имени В.Г.Белинского, и именно поэтому материалы конференции открываются статьёй кандидата филологических наук, доцента И.Ф.Шувалова «Из истории Пензенского педуниверситета».

Редколлегия

Канд. филол. наук И.Ф.Шувалов (Пенза)

ИЗ ИСТОРИИ ПЕНЗЕНСКОГО ПЕДУНИВЕРСИТЕТА
(основные этапы развития).

2004 год в жизни нашего вуза особенный: десять лет назад Пензенский пединститут был преобразован в педагогический университет, а 65 лет назад в Пензе открылся педагогический вуз. И судьба этого института неразрывно связана с судьбой нашего региона.

Пензенская область как административно-территориальная единица в ее нынешних границах образовалась 4 февраля 1939 года. А через 6 месяцев, 1 июля, был образован и Пензенский учительский институт. В 1941 году распоряжением Совета Народных Комиссаров Союза ССР от 5 июня разрешалось Совнаркому РСФСР «открыть с 1 сентября 1941 года в Пензе педагогический институт на базе существующего учительского института с контингентом приема в 120 человек». Учительский институт существовал до 1 сентября 1953 года, а педагогический вуз живет и развивается по настоящее время.

В истории Пензенского педагогического университета ясно просматриваются три этапа его развития : 1939–1960 гг.; 1961–1985 гг.; с 1986 г. по настоящее время.

Первый период – это время становления института как педагогического вуза (1939–1960 гг.). Несомненно, на столь длительные сроки этого периода оказала большое влияние Великая Отечественная война и ее тяжелые последствия. Отразилось это прежде всего на кадрах профессорско-преподавательского состава и материальной базе института. После войны, располагаясь в двух небольших учебных корпусах, вуз до 1960 года практически не рос. В 1951/52 учебном году на 48 учебных групп дневного отделения приходилось 32 небольших аудитории (класса). Из 14 кафедр ни одна не имела своего помещения. На 1300 студентов, принятых на обучение в основном из районов области, имелось неблагоустроенное общежитие на 85 мест. Количество дипломированных специалистов не превышало 30%. Был лишь один профессор – М. Я. Аксенова. И только в 1956 году защитил докторскую диссертацию И. П. Егоров. Большинство преподавателей пришли в институт из других регионов по конкурсу. Многие из них из-за отсутствия квартир в Пензе долго не задерживались.

И тем не менее институт, хотя и с большим трудом, становился на ноги. Стабилизировался учебно-воспитательный процесс, увеличивался прием. Стали «защищаться» преподаватели, в том числе и выпускники вуза. К трем факультетам, работавшим с первых лет образования института: русского языка и литературы, историческому (1943г.), физико-математическому – добавились факультеты естествознания (1946г.) и физического воспитания (1956 г.). Увеличилось число кафедр. На 1 сентября 1960 года в институте работали 126 преподавателей, в том числе 50 кандидатов наук и 3 профессора, доктора наук.

В конце 50-х годов со всей серьезностью встал вопрос о дальнейшей судьбе института: чтобы развиваться дальше, нужны были новая материальная база и высоко профессиональный преподавательский состав. Эти задачи были решены в основном в 60-70 годы XX столетия, которые составляют второй период истории института – период его интенсивного роста и развития (1961 – 1985 гг.).

У истоков этого периода стоял Б.А.Колчин, работавший директором института с 1957 г. по 1960 г. Но главную роль в «новом рождении института» сыграл его первый ректор В.И.Милосердов (1960-1970 гг.). Именно при нем был спроектирован и построен в основном тот студенческий городок, в котором сейчас располагается университет (два учебных корпуса – физмата и физвоспитания, два общежития, столовая, котельная и др.). В новых учебных корпусах открылись десятки учебных кабинетов и лабораторий, оснащенных современным оборудованием. Институт интенсивно развивался. Были образованы: факультет иностранных языков (1964 г.); факультет художественных (общественных) профессий (ФОП), один из первых в стране (1962 г.); 10 новых кафедр, в том числе три кафедры общественных наук: философии, политэкономии и научного коммунизма. Открылась аспирантура по трем специальностям. Кроме того, десятки молодых преподавателей были посланы в аспирантуру, в основном в Москву и Ленинград. Защитили докторские диссертации В.Д.Бондалетов и С.И.Жаков. Значительно возросло количество «остепененных» преподавателей. Большое внимание уделялось процессу обучения и особенно воспитанию студентов. В результате за десять лет «ректорства» В.И.Милосердова вуз из захудалого провинциального института, стоявшего на грани закрытия в 50-е годы, превратился в современное, быстро растущее и приобретающее известность в стране учебное заведение. Из вуза третьей категории он становится институтом первой категории (1969 г.).

М.В.Еманова (она была ректором института с 1970 г. по 1985 г.) продолжила дело, начатое В.И.Милосердовым. В эти годы были построены: учебный корпус ЕГФ (1972 г.), главный учебный корпус (1974 г.), лыжная база (1976 г.), студенческое общежитие на 1200 мест (1982 г.). В начале 80-х годов институт располагал уже 4-мя учебными корпусами общей площадью более 21000 кв. м и двумя общежитиями на 1800 человек. Большие изменения произошли в кадровом составе преподавателей. Появилась плеяда своих собственных докторов (В.Ф.Морозов, В.Г.Пузырев, И.П.Щеблыкин, К.Д.Вишневский, Н.В.Фарбман, В.Н.Хрянин). Складываются научные школы И.П.Егорова, В.Д.Бондалетова, С.И.Жакова и др. Расширяется аспирантура. Постоянно совершенствуется учебно-воспитательный процесс.

В эти годы в институте действовали 178 учебных кабинетов и лабораторий, в том числе 58, оснащенных ТСО. Имелись, кроме того, 10 кабинетов школьного типа. Действовала телесистема «вуз-школа». Появляются

электронно-вычислительные машины. В 1974 г. первых посетителей принял зоологический музей.

С 1977 года начал работать факультет начальных классов. Под учебные занятия для него было переоборудовано здание студенческого общежития, введенное в строй в 1961 году. Открываются новые специальности, образуются и новые кафедры. К концу 70-х годов на 28 кафедрах (из 31-ой) заведующие были с учеными степенями и званиями. Доля «костепененных» преподавателей выросла до 39%. Почти 60% преподавателей были выпускниками института разных лет. Внушительным был и контингент студентов, достигший 6,3 тыс. человек. Подготовка специалистов шла по 11 специальностям. Велась большая общественно-политическая работа, продуктивно работал ФОП, оказывалась большая шефская помощь селу и городу (и в уборке урожая, и в благоустройстве территории), на подъеме было стройотрядовское движение, спортивная работа.

В 1981 году институт был признан победителем Всесоюзного соревнования среди высших учебных заведений страны с вручением переходящего Красного Знамени. Результатом этого стало проведение на базе института Всероссийского координационного совещания руководителей педагогических учебных заведений, которое проходило 24-26 июня 1981 г. В нем участвовали около 100 ректоров вузов и более 250 директоров педучилищ страны.

Совещание было демонстрацией достижений вуза за последние 20 лет, смотром организационных способностей всего коллектива. Оно стало «звездным часом» М.В.Емановой, женщины-ректора, талантливого, волевого и уважаемого руководителя одного из ведущих педагогических вузов Российской Федерации.

С приходом в институт Н.И.Смоленского (март 1985 г. – декабрь 1989 г.) начался современный этап развития вуза, который можно характеризовать условно как период перемен и перехода вуза в новое качество – педагогический университет. Основное содержание этого периода – целенаправленное и достаточно успешное движение по вхождению вуза в новые политические и социально-экономические условия жизни и развития образования в стране. Назначенный «со стороны» (до Пензы Н.И.Смоленский был проректором по научной работе Горьковского пединститута), он пытался внести в работу института новую струю, придать ему «второе дыхание»: этому способствовала начавшаяся перестройка общественно-политической жизни в стране. Так, было пересмотрено содержание преподавания многих учебных дисциплин и прежде всего обществоведческих курсов. Учебный процесс, общественная жизнь института становятся более демократичными: начался эксперимент по свободному посещению лекций, вводится самоуправление студенческих общежитий, в ученые советы института и факультетов была избрана значительная доля студентов (до этого в них были лишь представители общественных студенческих организаций). Впервые стала выходить газета «Педагог». В учебный процесс

внедряется вычислительная техника. Произошли значительные структурные преобразования: создаются новые лаборатории, кабинеты, кафедры. В 1986 г. историко-филологический факультет был разделен на два: исторический и факультет русского языка и литературы. С 1985 г. начал работать факультет переподготовки и повышения квалификации организаторов народного образования. Факультет общественных профессий (ФОП) был преобразован (1989 г.) в факультет дополнительных педагогических профессий (ФДПП). С 1988 г. начинается работа по обучению иностранных студентов. Была открыта первая в городе студенческая поликлиника. Началось строительство жилого дома для преподавателей, тира и гаража, создается полиграфическая база.

Одной из заслуг Н.И.Смоленского была та, что он, после прихода в институт, сформировал новую команду управления (проректоры, деканы, заведующие кафедрами), вскоре превратившуюся в высокопрофессиональную, работоспособную команду единомышленников, многие из которой продолжают работать на своих местах и в настоящее время. После ухода Н.И.Смоленского из института на работу в Министерство образования России эта команда выдвинула из своей среды нового лидера – декана ФМФ А.Ю.Казакова, который на альтернативной основе 21 декабря 1989 г. был выбран ректором института. Опираясь на эту команду и учитывая складывающуюся непростую социально-экономическую обстановку в стране и в институте (переход на рыночную экономику, резкое сокращение бюджетного финансирования, передел государственной собственности, изменение идеологических установок и т.п.), А.Ю.Казаков сумел сплотить коллектив, не дав ему развалиться на отдельные группировки, и выработать приемлемую для того времени и выполнимую программу действий и без больших потрясений провести вуз через этот бурный период «смутного времени» в жизни страны.

В эти годы вуз продолжал стабильно работать. В нем удалось сохранить те тенденции в развитии и те традиции в жизни коллектива, которые сложились в институте за последние десятилетия. Несмотря на изменившуюся социально-политическую обстановку, не были закрыты ни одна из кафедр общественных дисциплин, ни одна из педагогических специальностей. Более того, исходя из потребностей региона в кадрах нового направления, было решено расширить подготовку специалистов не только педагогического, но и других профилей. Так, с 1990-го года вуз начал подготовку практических психологов, с 1992 г. – специалистов по экономике и менеджменту, с 1993 г. – по юриспруденции, с 1994 г. – по социальной работе. В эти годы были открыты такие специальности, как «Информатика», «Технология и предпринимательство», «Химия», «Экология», «Логопедия», «Музыка», «Журналистика» и др. В вузе появились и получили широкое развитие платные образовательные услуги. Стало налаживаться научное и деловое сотрудничество с российскими и зарубежными центрами,

в том числе и в обучении студентов. Постоянно рос контингент студентов и преподавателей.

Особое внимание обращалось на подготовку кадров высшей квалификации, на работу аспирантуры. Заметно стало расти количество дипломированных специалистов. Увеличился прием в аспирантуру – с 22 человек (в среднем за 1986 г. – 1990 г.) до 100 человек в 1999 году. Открыты советы по защите кандидатских диссертаций: по отечественной истории (1994 г.), по педагогике (1998 г.), по социальной философии (1999 г.). За 15 лет, с 1985 по 2000 гг., было защищено больше докторских диссертаций (14), чем за все предшествующие годы.

Все это привело к большим структурным изменениям в вузе. Были открыты факультеты: экономики и менеджмента (1993 г.), юридический (1994 г.), психологии и социальной работы (1996 г.), довузовской подготовки (1992 г.), по работе с иностранными студентами (1993 г.). Образованы более двух десятков кафедр. Появились новые структурные подразделения: гимназия, межвузовский научный центр, редакционно-издательский отдел, стадион «Труд», биостанция, спортивно-оздоровительная база и др.

Результатом всех этих больших и качественных изменений, а также первой успешной аттестации стало решение Государственного комитета по высшему образованию Российской Федерации от 9 декабря 1994 г. о переименовании института в Пензенский государственный педагогический университет. Это еще раз подтвердило тот факт, что наш вуз не только сохранился в это трудное время, но развивался и рос, превратившись в крупный учебно-научный педагогический комплекс и культурно-гуманитарный центр Пензенской области.

И в новом веке университет интенсивно развивается. На 1 февраля 2004 года в Пензенском педуниверситете на 12 учебных факультетах насчитывается 12850 студентов (в том числе 5260 человек на заочном отделении), функционируют 63 кафедры. Обучение идет по 34 специальностям. Его ведут более 660 преподавателей; 60,6% из них являются дипломированными специалистами, а 8,6% (57 человек) – докторами наук, профессорами. В 2001-2003 гг. защитили кандидатские диссертации 50 человек, а докторские – 9. В 2003 г. опубликовано 1322 научные работы объемом 1566 печатных листов, в том числе 49 учебников и учебных пособий, 16 монографий; проведено 8 научных конференций, прошел V съезд общества физиологов растений России.

Улучшается материальная база университета: растет парк современных компьютеров; увеличивается ассортимент и объем лабораторного оборудования; сделан капитальный ремонт почти всех учебных корпусов университета; переоборудовано под учебный процесс студенческое общежитие, реконструируется стадион «Труд», пополняется постепенно книжный фонд библиотеки.

В университете проводится большая и целенаправленная учебно-воспитательная работа. Огромную роль играют здесь традиции, которые бережно сохраняются и умножаются. Это и день посвящения в студенты, и смотры художественной самодеятельности «Студенческая весна», и зимние лыжные агитпоходы по районам области, и научные студенческие конференции и конкурсы, КВНы, всевозможные спортивные соревнования и праздники, и многие другие мероприятия.

Являясь крупным научным, образовательным и культурным центром, Пензенский государственный педагогический университет оказывает значительное влияние на формирование социокультурной среды города Пензы и области. Высококвалифицированный коллектив университета, творчески используя и развивая опыт предшествующих поколений, уверенно смотрит в будущее.

Используемая литература:

1. И. Ф. Шувалов. Пензенский государственный педагогический институт им. В. Г. Белинского (Хроника становления: 1939 – 1960 г.г.). – Пенза: ПГПУ им. В. Г. Белинского, 2000. – 108 с.

2. И. Ф. Шувалов Пензенский государственный педагогический институт им. В. Г. Белинского (Хроника интенсивного роста и развития. Часть первая: 1961 – 1970 г.г.). – Пенза: ПГПУ им. В. Г. Белинского, 2002. – 150 с.

3. И. Ф. Шувалов. ПГПУ им. В. Г. Белинского:

а) Хроника 2000 г. // «Трамплин», учебная газета ПГПУ им. В. Г. Белинского. – 2000. – Декабрь. – С. 3

б) Хроника 2001 г. // «Педагог», газета ПГПУ им. В. Г. Белинского. – 2002. – Январь-февраль. – С. 5-8.

в) Хроника 2002 г. // «Педагог», газета ПГПУ им. В. Г. Белинского. – 2003. – Май. – С. 10-12.

г) Хроника 2003 г. // «Педагог», газета ПГПУ им. В. Г. Белинского. – 2004. – март-апрель. – С. 5-8.

ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ В ГЕНЕТИЧЕСКОМ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТАХ

Докт. филол. наук А.И.Бахарев (Балаиов)

ГРАММАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ ЧИСЛА В РУССКОМ И УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКАХ

Грамматические категории представляют собой обобщённые типы грамматических значений, которые реализуются в парадигмах словоформ. Грамматические категории через мышление связаны с реальной действительностью, но эта связь носит сложный и нередко противоречивый характер. Грамматические категории разных языков могут самым существенным образом различаться как по своему содержанию, так и по способам выражения.

Рассмотрим в этом аспекте грамматическую категорию числа в русском (флективном) и узбекском (агглютинативном) языках.

В гносеологическом плане понятие числа связано с понятием количества. В обоих сопоставляемых языках число – это грамматическая категория, которая выражает количественные характеристики предметов. Тем не менее между этими языками наблюдаются существенные различия.

В русском языке грамматическая категория числа выражает противопоставление одного предмета раздельному множеству предметов (двум, трём, четырём и т.д.). Это противопоставление представлено прежде всего в именах существительных, обозначающих считаемые предметы, например: друг – друзья, птица – птицы, карандаш – карандаши. Таким образом, в морфологическом строе русского языка четко противопоставлены формы единственного и множественного числа.

Иначе обстоит дело в морфологической системе узбекского языка. Если узбекское имя существительное не имеет показателей числа, то оно обозначает всю совокупность данных предметов в целом и не содержит в себе указаний на грамматическое значение числа.

Узбекское имя существительное, обозначающее предмет (лицо), представляет его в виде нечленимого множества.

Узбекское слово дуст может (в зависимости от контекста) обозначать и «друг», и «друзья», куш – и «птица», и «птицы», калам – и «карандаш», и «карандаши» и т.п.

Для обозначения единичности предмета (лица) используются специальные показатели (числительные, местоимения, аффиксы принадлежности и др), например: бир куш – «какая-то птица» или «одна птица», бу куш – «эта птица», кушим – «моя птица».

Для выражения значения членимого множества используется аффикс – лар: дустлар – «друзья» (известные, конкретные, определённые), китоблар – «книги», каламлар – «карандаши» и т.д.

Таким образом, в узбекском языке имеется в наличии противопоставление «нечленимое множество – членимое множество».

Если в русском языке формы множественного числа слов различных частей речи могут иметь разные флексии, то в узбекском языке множественное число в абсолютном большинстве случаев выражается при помощи аффикса – лар (для разных частей речи), например: Улар китобларни укийдилар – Они читают книги.

Если подлежащее обозначает нечленимую, коллективную множественность, то глагол-сказуемое употребляется в единственном числе при подлежащем, имеющем форму множественного числа, например: Кушлар учади – Птицы (всякие, вообще) летают.

Содержательные и формальные различия грамматической категории числа в разных языках важны не только для сопоставительно-типологических исследований, но и для постижения языковой картины мира и особенностей языкового мышления каждого народа. Языковое сознание носителей русского языка в большей степени стремится расчленить предметы окружающего мира на их составные части, чем языковое сознание носителей узбекского языка, которые склонны к восприятию предметов действительности в их целостности и единстве.

Н.П.Генералова (Саратов)

ОБРАЗ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОЙ НЕМЕЦКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

(На основе метафорических обозначений)

Метафорические обозначения оказываются одним из самых интересных явлений в языке. Они занимают особое место в описании и характеристике образа жизни и особенностей видения мира носителей языка.

Материал для данного исследования метафорических обозначений человека отбирался на базе словаря разговорной лексики немецкого языка Х. Кюппера (Küpper, H. Woerterbuch der deutschen Umgangssprache – Stuttgart, 1994). Объектом исследования являются 188 антропонимических (образованных от личных имен) обозначений человека и 280 лексических единиц, включающих в свою структуру названия животных и также используемых для обозначения человека. В общей сложности отобранные лексические единицы передают 650 значений, соотнесенных с человеком.

Принцип антропоцентричности является ключевым понятием при анализе языковой картины мира. Интересным представляется сравнение антропонимических обозначений и обозначений человека, образованных от названий животных.

В процессе метафорического обозначения человека задействованы *антропонимы (личные имена) двух групп*: 1. *антропонимы реального именика* (напр. Hans, Peter, Minna); 2. *нереальные антропонимы* (Имена героев литературы, кино, мифологии).

Наиболее продуктивно образование новых лексических единиц от имен: Heinrich (16 лексических единиц), Johann (13 лексических единиц) и др.

Следует отметить, что все апеллятивированные антропонимы обладают либо ироничной, либо предельно сниженной **эмоционально-оценочной окраской**. Не выявлены антропонимы, которые служили бы для передачи только положительных или только отрицательных коннотаций.

Названия животных также представляют собой богатейший материал, на основе которого описывается человек, манеры его поведения, обозначаются сферы интересов.

В обозначении человека участвуют названия следующих животных (как самостоятельные лексические единицы, так и в составе сложных слов): Katze f (кошка) – 22 лексических единицы; Schwein n (свинья) – 20 лексических единиц; Hase m (заяц), Loewe m (лев) – по 18 лексических единиц и мн.др.

При обозначении человека используются чаще всего названия животных, которые хорошо известны данному языковому коллективу. Так, глупыми у немцев считаются Ochse m – осел, Kuh f – корова, Huhn n – курица. Причина этого заключается, по мнению Кюппера, в их “неспособности к обучению”. При подобном метафорическом переносе в человеке выделяется не только какая-либо черта характера, но и (за счет яркой образности обозначений животных) отмечается склонность к определенной модели поведения.

Качества, которые выделяются в обозначениях, часто представляют собой совокупность взаимосвязанных черт, которые можно назвать комплексом антиценностей данного общества.

При обозначении человека чаще используются названия животных, чем антропонимы. При характеристике человека, однако, преобладают обозначения с участием имен собственных, т. к. они позволяют подчеркнуть обыденность, типичность отражаемых качеств в силу своей большей соотнесенности со “средним”, ”маленьким” человеком. Важно отметить, что через названия животных не передаются качества человека, не свойственные животным, например, плаксивость (Plaerriese f, Heulsuse f, Heulpeter m и др.).

Канд. филол. наук С.В.Кезина (Пенза)

ОРГАНИЧНОЕ СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ КАК ОПТИМАЛЬНАЯ СИСТЕМА ДЛЯ СЕМАСИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Основные семасиологические проблемы: изучение семантических изменений и выявление семасиологических законов – до сих пор не получили окончательного решения. Понимание того, что семантические процессы происходят не изолированно, а внутри лексической системы, побудило семасиологов к поиску такой системы. С последней четверти XIX века ведется разработка семантического поля. Теория поля широко отражена в научных трудах и позволяет четко представить его эволюцию. В ходе развития семантического поля от И.Трира и до наших дней происходит становление поля как системы. Признаки поля как системы постепенно открывались и тщательно анализировались. Простейшая, статичная и безликая, трировская система постепенно выкристаллизовывалась в современную семантическую систему со всеми присущими ей признаками в соответствии с общей теорией систем. Опираясь на исследования Л.фон Берта-ланфи, И.В.Блауберга и Э.Г.Юдина, А.И.Субетто в области систем, отметим признаки, отличающие семантическое поле как систему:

1. Семантическое поле – совокупность слов, имеющих хотя бы одну общую сему и находящихся по отношению друг к другу в разнообразных связях. **«Связь, целостность и обусловленная ими структура – таковы отличительные свойства любой системы»** [И.В.Блауберг, Э.Г.Юдин 1973: 177]. В системе должно быть не менее двух типов связей (может быть и больше). Семантическое поле пронизано межсловными и внутрисловными связями. Межсловные связи основываются на отношениях включения и пересечения. Внутрисловные связи делятся на импликационные (в основном метонимические), классификационные (гиперо-гипонимические и метафорические) и семиотические.

2. Любая **система является частью другой системы**, а каждый ее **элемент тоже система**. Семантическое поле органично входит в семантическое пространство языка, являясь частью его внутренней формы. В то же время поле представляет собой систему систем: в нем можно выделить микросистемы (синонимы, антонимы, гиперо-гипонимические гнезда, отдельное слово как наименьшую систему).

Слово как элемент системы отличается целостностью, внутренними связями, структурой.

3. Источник изменения системы лежит, как правило, в самой системе. Семантическое поле – **самоорганизующаяся** система. Причины ее эволюции заложены прежде всего в самом поле, имманентно присущи ему.

4. Система выполняет **классифицирующую функцию**: она классифицирует фрагмент мира. Так, выделяя семантическое поле цветообозначений, мы тем самым выделяем фрагмент цветовой картины мира.

5. Система отличается **динамичностью, открытостью, гибкостью**. Лексико-семантическое пространство поля открыто для проникновения в него новых элементов. Подвижность семантического поля обусловлена его способностью к самоорганизации, развитием абстрактного мышления, созданием новых артефактов и открытием новых признаков в предметах

окружающего мира. Гибкость семантического поля связана с «подвижностью, текучестью» [М.В.Никитин 1988: 65] значения. Лексическое значение не является «жестким образованием» [там же, с. 66]. Оно легко откликается на разнообразные ассоциации, отражая их и включая в процесс коммуникации. Семантическое содержание слова пластично, оно может менять свои формы, «успевая» за мыслительными процессами.

Мы выделили признаки семантического поля, присущие любой системе. При синхронном и диахроническом подходах к исследованию поля мы имеем дело с разными системами – **органичной и неорганичной**. Семантическое поле синхронического типа – неорганичная система, семантическое поле диахронического типа – органичная. **«Органичная система есть саморазвивающееся целое, которое в процессе своего индивидуального развития проходит последовательные этапы усложнения и дифференциации»** [И.В.Блауберг, Э.Г.Юдин 1973: 177]. Органичную систему отличают специфические черты:

1. Наличие в ней не только структурных, но и **генетических связей**.
2. Первичные элементы органичной системы **претерпевают трансформации**, которые и обуславливают их современное состояние.
3. Существует **механизм развития структуры целого**, определяющего развитие частей целого.

Семантическое поле диахронического типа отвечает всем требованиям, предъявляемым к органичным системам. Обращение к органичным системам и выявление их среди различных семантических полей продиктовано необходимостью выбора оптимальной системы, которая сделала бы возможным решение основных семасиологических задач – изучить изменения значений и определить причины и закономерности этих изменений. Слово может входить в разные системы, однако исследование его конкретных особенностей, изменений возможно лишь в одной системе. Именно поэтому семасиологи всегда ставили вопрос о критериях выделения поля. Только поместив слово в правильно выбранную систему, мы можем решить те или иные вопросы, связанные с ним. Можно ли решать вопрос, почему у того или иного человека карие глаза, изучая его в кругу людей, имеющих одинаковую профессию. Информация о профессиональных навыках, о коллегах и отношениях с ними никак не поможет определить происхождение цвета глаз. Совершенно очевидно, что такой вопрос решается лишь при исследовании родственных связей и наследственности. Понятно также, что чем больше («глубже») будет информация о наследственности, тем успешнее можно ответить на вопрос. Также обстоит дело с семасиологическими проблемами, связанными с исследованием изменений значений и выявлением закономерностей этих изменений. Названные семасиологические проблемы возможно решать (даже очень приблизительно) только внутри органичного семантического поля. Органичное семантическое поле (поле диахронического типа) позволит изучить глубинные процессы в эволюции внутренней формы слова. Поле для семасиоло-

гических исследований должно быть развернутым, т. е. большим по объему. Чем больше объем поля, тем выше достоверность исследования.

Введем понятия «полное» и «неполное» поле и дадим определение семантическому полю диахронического типа. Полное семантическое поле диахронического типа – этимолого-словообразовательное гнездо в его развитии от этимона до современного состояния во всех родственных языках одной языковой семьи. Неполное поле диахронического типа – это фрагмент этимолого-словообразовательного гнезда любой протяженности. Именно этимолого-словообразовательное гнездо и есть тот пространственно-временной локус, в котором веками раскрывалось, преображалось, приобретало современный облик исконное значение слова (этимона). Семантическое поле диахронического типа является оптимальной системой для решения перечисленных семасиологических задач.

Следует отметить, что этимологический принцип выделения семантического поля не сразу был использован лингвистами. Прежде всего потому, что под системой изначально понималось синхронное состояние языка. Ф. де Соссюр считал, что познать систему языка можно лишь в синхронии, а диахрония разрушает ее. Непонимание направления развития системы и единства ее синхронического и диахронического аспектов побудило И.Трира различать диахронические и исторические изменения. В трудах основоположника теории поля проблема его исторического развития не была решена удовлетворительно. Этому способствовало также смешение концептуальных и лингвистических полей, а также фрагментарный характер семасиологических исследований: поле всегда исследовалось как неполное, на каком-то определенном языковом отрезке (в словаре того или иного языка, в конкретном тексте и т.д.). В настоящее время для всех очевидна необходимость семасиологических разысканий в развернутом поле диахронического типа. Однако на этом пути семасиологов ждут серьезные препятствия, связанные с проблемой семантического и фонетического сближения. Чтобы изучить изменения в значении слов, а также причины и законы этих изменений, необходимо значительно расширить границы семантического поля (этимолого-словообразовательного гнезда). А это значит, что необходимо сблизить гораздо больше слов, чем позволяют словари, этимологическая традиция, данные исторической фонетики и современный уровень фонетической и семантической реконструкции. И тем не менее это единственный путь к продолжению семасиологических исследований. Изучая семантические переходы в диахроническом поле, мы всегда будем опираться на данные синхронных срезов, которые, по мнению О.Н.Трубачева, есть не что иное, как «застывшая диахрония» [О.Н.Трубачев 1976: 162].

Цитируемая литература

Берталанфи Л. фон. Общая теория систем – критический обзор //Исследования по общей теории систем. – М., 1969.

Блауберг И.В. и Юдин Э.Г. Становление и сущность системного подхода. – М., 1973.

Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения. – М., 1988.

Субетто А.И. Спирально-рефлексивная гармония мира // Дзясин Г.Г. Азбука Гермеса Трисмегиста или молекулярная тайнопись мышления. – М., 1998.

Трубачев О.Н. Этимологические исследования и лексическая семантика // Принципы и методы семантических исследований. – М., 1976.

Е.Е.Краснова (Пенза)

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ ЭВФЕМИЗМОВ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ).

Эвфемизмы определяются как слова и выражения, используемые в качестве заменителей прямых наименований отрицательно оцениваемых предметов, явлений и признаков для смягчения эффекта высказывания, что позволяет избежать коммуникативного конфликта и способствует продуктивному общению. В отечественной лингвистике вопросами эвфемизмов занимались такие лингвисты, как Л.А.Булаховский, Ю.С.Маслов (диахронический подход), А.А.Реформатский, И.Р.Гальперин (основы современного подхода), Т.Б.Крючкова, А.А.Стриженко, Т.М.Бережная (проблема общественно-политического эвфемизма), Б.А.Ларин (социолингвистическая концепция), А.М.Кацев (эвфемизмы в английском языке) и другие.

Эвфемизмы представлены во всех стилях речи. По принципу понятийной соотнесённости их можно представить в виде 9 лексико-семантических групп: 1. наименование сверхъестественных сил (old Nick, всемогущий), 2. наименование смерти и болезней (to pass beyond the veil, уйти к праотцам), 3. наименование некоторых частей тела (a rear end, булки), 4. наименование физиологических процессов и состояний (rehearsing lullabies, попудрить носик), 5. наименование интимных отношений (queer, гулять с кем-то), 6. наименование физических и умственных недостатков (to have bats in the belfry, слабослышащий), 7. наименования, относящиеся к сфере асоциального и антисоциального поведения (to send someone to glory, отправить к праотцам), 8. наименование негативных социальных явлений (negative economic growth, социально обездоленные), 9. наименование непрестижных профессий (sanitation engineer, офицеры исправительных учреждений).

По порождающим мотивам все эвфемизмы делятся на 5 групп: 1. эвфемизмы, мотивированные чувством страха (old Harry, уснуть вечным сном), 2. эвфемизмы, мотивированные приличиями (in the family way, мягкое место), 3. эвфемизмы, мотивированные деликатностью (physically challenged, с отклонениями в развитии), 4. маскирующие эвфемизмы (period of economic adjustment, превентивный удар), 5. облагораживающие эвфемизмы (camisole, исправительное учреждение).

Эвфемизмы можно классифицировать по способу образования. Существуют 4 модели образования эвфемизмов и соответствующие им группы наименований: 1. эвфемизмы, образованные по принципу семантического сдвига, лежащего в основе генерализации (to go somewhere, новообразование), метафоризации (the evening of one's days, слететь с катушек), метонимизации (adjustment of the front, дать жизнь) и поляризации (glorious, девица) значения, 2. эвфемизмы, образованные с помощью изменения формы, что объединяет звуковую аналогию (oh, boy!, японский городской) и сокращение (sanpro, ТБ), 3. эвфемизация через отрицание (not much interested in the opposite sex, говорить неправду), 4. заимствованные слова, используемые как эвфемизмы (perspiration, ватерклозет).

Таким образом, становится ясно, что эвфемия является многогранным языковым феноменом, включающим в себя три взаимосвязанных аспекта: социальный, психический и лингвистический. Эвфемистические средства выражения рассматриваются как часть речевой культуры и языковой системы данного общества в определённый исторический период и выступают как источники синонимии в языке.

Соискательница Л.Н.Мирошниченко (Краснодар).

КОНЦЕПТ «ТРУДОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ» В РУССКОМ, ГРЕЧЕСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ.

Языковая картина мира представляет собой иерархию ценностей языковой личности, которые определяют поведение человека в обществе. Различие языков состоит не только в отличиях звуков и знаков, но и в различиях самих мировидений.

В своем исследовании мы проанализировали составляющие концепта «трудовая деятельность» в русском, греческом и английском языках и рассмотрели ценностный аспект данного концепта в картинах мира трех социумов, стремясь выявить и сопоставить стереотипы языкового и культурного сознания.

Материалом исследования послужили данные сплошной выборки из фразеологических и паремиологических словарей (корпус отобранного языкового материала составил около 4200 примеров).

В результате проведенного анализа выделены 30 когнитивных компонентов концепта «трудовая деятельность» в каждом из языков. После сопоставления полученных данных обнаружена понятийно-ценностная специфика национальных картин мира, нашедшая свое выражение во фразеологизмах и поговорках, соотносимых с концептом «трудовая деятельность». Кроме когнитивных компонентов, этноспецифичными явились закономерности использования образов, проведения параллелей, сравнений.

Не следует преувеличивать роль и место национальной специфики. В языковой системе проявляется общечеловеческая, социальная и национальная сущность человека.

При наложении национальных концептов обнаружены и области смещения, и зоны совпадения, что закономерно связано с фиксацией языками не только уникального опыта народа, но и культурного и социального опыта всего человечества. При сопоставлении национальных концептов выявляются универсальные, уникальные и промежуточные категории.

Народная память зафиксировала во фразеологическом и паремиологическом фонде каждого из языков, а, следовательно, в каждой из рассматриваемых картин мира уважительное отношение к труду, который облагораживает человека, возвышает его. Недвусмысленно формулируется отношение народов к лени, подчеркивается, что благосостояние человека зависит от его трудолюбия.

Изучение и сопоставление национальных концептов позволяет выявить общее и особенное в национальных картинах мира, предоставляя возможность учёта выявленных характеристик при взаимодействии представителей различных социумов.

Взаимодействие между языком и реальным миром осуществляет мыслящий человек, носитель языка. Оценки выступают в качестве специфической формы познания и играют важную роль в структуре человеческой личности и человеческого бытия, выполняя стимулирующую, ориентационную, регулирующую и ряд других функций. Национальные концепты отличаются не только своеобразной категоризацией познаваемой действительности, но и её ценностной интерпретацией.

Канд. филол. наук Е.А.Нивина (Тамбов)

**ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ СО СЛОВОМ ГОЛОВА
В ТАМБОВСКИХ ГОВОРАХ**

Голова – важнейшая часть человеческого тела, основной признак восприятия человеком другого лица, реакция на его появление, общение.

На территории Тамбовской области фразеологические сочетания употребимы в большей степени, чем нейтральные лексемы. Они строятся в говорах по основному принципу: ключевая лексема *голова* носит тематический характер, занимает позицию темы (Т) по модели актуального членения [Пискунова 2002], определяющее слово (чаще прилагательное, глагол) занимает позицию ремы (R), актуализирует новые значения. Данное распределение функций можно представить в виде следующей таблицы:

Тип I

Т	Р
(за) голова (-у)	<u>глаголы</u> задирать ухватиться повесить
	<u>эпитеты, прилагательные</u>

	упрямая садовая бедовая
--	-------------------------------

Другой тип составляют нечленимые фразеологические сочетания, которые могут рассматриваться двояко и до сих пор используются в прямом и переносном значении. Позиция темы и ремы меняется: определяющее слово уже становится известным, темой, а слово голова – ремой:

Тип II

Т	Р
человек	с головой, без головы
болит	голова
приставить, свернуть	голову
взять	в голову
садиться	на голову
на мою	голову

Рассмотрим структуру следующих фразеологизмов:

Тип III

Т	Р
покрыть голову	замужество, венчание
с головой не все в порядке	болезнь, чужачество
из головы вылетело	забыть
из головы нейдет	беспокоиться
голову себе свернуть	размышлять
на голове ходить	безобразничать
на свою голову	хлопотать
и т.д.	

Развитие семантики, функциональное расширение фразеологизмов проявляется через поэтизацию с применением их в структуре предложения, текста. То, что эквивалентом данных фразеологизмов является чаще всего глагол, позволяет говорить о преобразовании скрытой ремы в формальной выраженной словесной модели, которая уже представляет рему: Ср.: *голову (Т) покрыть (Р)* – выйти замуж. Данные фразеологизмы могут быть рассмотрены как предложения и одновременно как предикативные части предложений.

Достаточно развитая устойчивая фразеологическая подсистема подтверждает, возможно, интуитивное осознание диалектоносителем научных знаний, представлений о том, что в голове сосредоточены основные органы восприятия информации о внешнем мире.

ВЛИЯНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ НА ЯЗЫКОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОБЩНОСТЕЙ

Язык является одновременно и продуктом культуры, и ее важной составной частью, и условием существования культуры. Это не просто средство общения, это символ национальных общностей, народности, родного очага. Национальные общности – это есть проявление этноса в различных исторических и социальных условиях.

В период формирования и распространения цивилизаций народы и нации постоянно общались друг с другом. В конце XIX – начале XX века внутренняя миграция играла заметную роль в изменении численности колонизируемых регионов, а также городов, особенно столичных. Традиционными формами миграционной подвижности были колонизация и отходничество. Наряду с ними стала набирать темп новая форма миграции – переселение в города. В Петербурге и в Москве в 1900-х годах 2/3 населения не являлись местными уроженцами, но вклад миграции в воспроизводство населения России был большим за счет ее противоречивого взаимодействия с другими демографическими процессами, изображенными на рисунке. С одной стороны, миграция понижала уровень рождаемости, брачности за счет разлучения супругов, нарушений возрастно-половой структуры населения, изменения репродуктивных установок людей вследствие их перехода в более модернизированную среду (города). Но, с другой стороны, миграционные процессы могут содействовать сохранению высоких уровней рождаемости в традиционном обществе, замедлять течение демографического перехода.

Процессы развития наций и национальных отношений протекают при непосредственном воздействии общих для общества социальных факторов, таких как сотрудничество в сфере экономической жизни, распределительных отношений социально-классовой структуры общества, политической системы, процессов демократизации, миграции, культурной и образовательной политики. Все эти факторы создают благоприятные условия для миграции населения.

Территориальное расселение, доминирующее влияние другой, более развитой нации в экономической и социально-политической, духовной сферах жизни в настоящее время служат причиной деградации национального меньшинства, при которой утрачиваются культура, знание родного языка, теряется связь между поколениями, культурными и этническими традициями. На сегодняшний день, на грани исчезновения оказались некоторые языки. В самом деле, если на этих языках не существует письменности, если они не изучаются в школе, не находят поддержки в средствах массовой информации, то они как бы теряют свою престижность. В свою очередь, происходит обогащение языка противоположной стороны за счет заимствований и освоения чужих слов.

Проникновение лексических элементов из одного языка в другой осуществляется в основном двумя путями: устным и письменным. В настоящее время новые иностранные слова попадают в речевое употребление в связи с заимствованием новых понятий и наименований вещей, процессов, явлений и т.п. В этом отношении большую роль играют деятели культуры, науки и искусства.

Современное состояние национальных отношений не может не беспокоить мировое сообщество. В мире то и дело обозначаются очаги напряженности: Алма-Ата, Нагорный Карабах, Эстония, Литва, Молдавия, Грузия. И всякий раз можно заметить, что не на последнем плане оказываются языковые вопросы. Также острые дискуссии идут в Таджикистане, Киргизии, на Украине, в Белоруссии, Литве и Латвии. Подобное положение, несомненно, оказывает огромное влияние на миграцию мирного населения (беженцы), а значит и на языковые и культурные проблемы народов.

Тесная взаимосвязь наций и национальных отношений в экономической и социально-политической, духовной сферах жизни, миграция населения, несомненно, оказывают большое влияние на языковые проблемы народов мира.

ЛОГИКО-СТРУКТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ

Докт. филол. наук *Е.В.Алтабаева (Мичуринск)*
ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
КАТЕГОРИИ ОПТАТИВНОСТИ

В современной лингвистике отчетливо осознается необходимость описания языка как феномена человеческой психики (А.А.Леонтьев, А.А.Залевская, Р.М.Фрумкина и др.). Многие серьезные проблемы, касающиеся психологической стороны языка, не находят решения в пределах науки о языке.

Так, исследование одной из важнейших языковых категорий – оптативности – тесно соприкасается с проблемами, называемыми в числе основных для современной психолингвистики: осмысление сущности языковой коммуникации, процессов порождения и понимания речи, механизмов овладения и пользования языком; исследование образа/картины мира и феномена языковой личности, различных аспектов межкультурной коммуникации и др.(В.В.Красных).

Представляя понятийное содержание желательности, категория оптативности интегрирует комплекс коммуникативных интенций говорящего и систему специальных средств, репрезентирующих эту семантику. Существуют определенные особенности взаимоотношений между областью желаний субъекта и объективной действительностью, между миром «Я» и миром «не-Я». В основе мира желаний как одного из возможных «иных» миров лежит виртуальный нерасчлененный концепт, не имеющий реального референта во внешнем мире.

Мыслимая ситуация, интерпретируемая в индивидуальном сознании как желательная для субъекта, в языковом воплощении предстает в виде некоего положения дел, создающего пропозициональное содержание высказывания. Необходимыми параметрами для описания всякого положения дел служат бытийность, соотнесенность с действительностью, экзистенциальная и модальная оценки. При описании желаемого положения дел все параметры получают маркировку потенциальности и позитивной оценочности: *Вот пошел дождь – Вот бы пошел дождь (хочу, чтобы пошел дождь)* или *Дождь – Дождя бы*.

Специфика отображения желаемого определяется *многоплановым взаимодействием психики индивидуума с внешним миром*, которое, по нашему мнению, выступает в качестве *основы и первопричины* возникновения всех без исключения желаний и желаемых ситуаций. Под взаимодействием нами подразумевается реакция индивидуума на те или иные предметы, явления или события в виде их сравнения, оценки и «приложения, примеривания к себе». Помимо реальных предметов, явлений и событий

объективной действительности в этом процессе могут участвовать и виртуальные предметы, явления, события.

При возникновении желаний между миром реальным и миром виртуальным складываются довольно сложные взаимоотношения: индивидуум может «помещать себя» как в реальную, так и в виртуальную желаемую ситуацию, может мыслить себя отстраненно от нее и при этом желать ее наступления, но в любом случае в его сознании создается идеализированная модель этой ситуации. Таким образом, речь идет о соответствии/несоответствии этих двух миров ценностной иерархии говорящей личности, причем такая иерархия, естественно, является субъективно ориентированной и исключительно индивидуальной.

В докладе представлено более подробное рассмотрение психолингвистического аспекта категории оптативности, а именно механизма взаимодействия психики индивидуума с внешним миром в процессе формирования и языкового воплощения желаний личности.

Докт. филол. наук В.Н.Базылев (Москва)

ВНЕРАЦИОНАЛЬНОЕ ПОСТИЖЕНИЕ ЯЗЫКА

Общность видения научного объекта, представления о нем объединяет теоретические построения в парадигмы данной науки. Но плюралистическая природа мира противоречит монополии на интерпретацию научного объекта. Научная парадигма может стать господствующей только как интеллектуальная мода либо при искусственных условиях, когда законодательный разум подавляет интерпретирующий. Сменяет господствующую парадигму одна из маргинальных, становясь господствующей на новом этапе развития (эволюции) научной мысли. О смене парадигм можно говорить только в отношении господствующих, тогда как маргинальные сосуществуют с господствующими и друг с другом. Четыре условия определяют, как представляется, сосуществование различных научных парадигм – теоретических версий структуры и сущности объекта познания: Слоистость мышления, его нелинейность и неоднородность (парадигма синергетики); слоистость и неоднородность объекта познания, недоступность его сущности *ratio*; зависимость результатов исследования от субъекта познания – его концепции, инструментов и методов; неотменимость научных достижений других эпох и способов освоения действительности, коренящихся в особенностях мышления человека (познание в мире традиций).

Любая научная теория – и господствующая, и маргинальная – включает в себя не только логические схемы известного – достижения *ratio*, – облеченные в термины, суждения, умозаключения, но и сублогические схемы неизвестного – целостные чувственные образы объекта изучения, при вербализации принимающие форму концептуальной метафоры (мета-метафоры) и выступающие в качестве внерациональных коррелятов термина. Сублогические модели языка являются одними из единиц метаязыка

лингвистики, поскольку рациональное только вместе с внерациональным, чувственным характеризует научное направление как самостоятельную научную парадигму.

Сложность, многомерность (по крайней мере, трехмерность) такого объекта, каким является язык, не позволяют описывать его с разных сторон одновременно. Если же отважиться на такое описание, то объект лингвистики предстанет грудой разнородных, ничем между собой не связанных явлений, а лингвистический кубизм научной познавательной ценностью не обладает. Меняется ли модель языка как особого феномена при перемещении фокуса внимания с одной составляющей речевой деятельности на другие? Ответ неоднозначен: и да, и нет. Представляется, что логическая модель языка, извлекаемая из определений в трудах ученых-лингвистов различных направлений – парадигм-доминант – XX века, одна и та же. Различаются же «сублогические модели» (внерациональные аналоги) объекта исследования.

Предопределенность внерационального (сублогического, алогического) познания, в т.ч. познания языка, обусловлено активным функционированием присущих человеку хаотических когнитивных процессов, которые представляют собой наиболее адекватное выражение восприятия окружающего человека мира – природного и социального, – хаотического/синергетического по своей бытийной/онтологической сущности; а также структурирования своего поведения в этом мире.

Возможно исчисление базовых характеристик хаотических когнитивных процессов сублогического познания (моделирования):

- неструктурированная рациональность (относительная трансцендентность): целеустановка – «упорядочение» будущей ситуации;
- реактивность: оппозиция – познание/проектирование/ интерпретация;
- стремление к выходу в изменённые состояния сознания;
- «усложнение» ситуации (вплоть до её «разрушения»); создание «энтропийного накала»; «умножение реальности» (полиреальность → виртуальность); стремление к «разрушению структур» (деконструкция как методический прием);
- языковая игра («обострённое» чувство языка);
- «тропность» (← троп);
- «мимикрия».

Докт. филол. наук А.Г.Баранов (Краснодар)

ВИДЫ ЗНАНИЯ И ПРОБЛЕМЫ ИХ ДИСКУРСИВНОСТИ

Известное положение о знаковой опосредованности сознания требует более тщательного рассмотрения в связи с проблемами концептуализации. Эти проблемы заключаются в том, что эксперты в той или иной предметной области, выполняя задачи ее когнитивной формализации, опираются

не только на научные знания, но и свой жизненный опыт, проявляющийся в интуитивном освоении предметной области, в предзнании, в знании как переживании.

Знание-переживание схватывается только через приемы герменевтического познания текстов. Приемлемое решение этой проблемы мы видим в модели семиозиса Ч. Пирса, в которой существенную позицию занимает интерпретанта. В целом суть этого процесса описывается Р. Якобсоном как *метаязыковая интерпретация* сообщений и состоит в том, что знание (и понимание) определяется как перевод знака в другие знаки внутри данной системы, или даже в знаки других систем. При этом, естественный язык рассматриваем как метаязык последней инстанции, выступающий как средство интерпретации любой другой кодовой системы. Расплывчатость, неопределенность, открытость естественного языка (*fuzziness*) обеспечивает его метаязыковую функцию.

Отсюда вытекают два следствия: кодовые переходы по Н. Жинкину и полевой характер естественного языка, поддерживаемые распределенностью знаний и языковых выражений по предметным областям.

Номенклатура полей включает в себя: языковые поля, отражающие общие характеристики системности вокабуляра; дискурсивные поля, отражающие характеристики массивов текста; ассоциативные поля сознания индивидов, групп населения и этносов. Все три типа полей коррелируют между собой в плане взаимодействия механизмов речи разного уровня. Нас интересуют, конечно, наименее изученные дискурсивные поля, которые представлены набором речевых фрагментов (как единиц речевой памяти) и которые привязаны к определенной предметной области, отражая специфику организации языкового материала в представлении данной предметной области массивом текстов.

Эта фрагментарно обозначенная позиция достаточно широко принята в научном сообществе, тем не менее, в исследовательской практике она ставит ряд вопросов.

Ансамбль разнородных знаний, задействованных в метаязыковой интерпретации текста, обязывает исследователя прибегать к разнообразным герменевтическим эвристикам и техникам понимания. Их назначение сводится к тому, чтобы преодолеть барьер индивидуальности знания-переживания, ввести его в пространство культуры.

Показательна известна мысль Л.Н.Толстого о том, что для него краткое изложение сути романа "Анна Каренина" невозможно. Если он прав, а он прав, то под сомнение попадают методики свертывания текста в макроструктуры, пропозиции, ключевые слова, сведение текста к пословице и т.д., по крайней мере, в части реализации поэтической функции языка.

ВОСПРИЯТИЕ ИНФОРМАЦИИ В АСПЕКТЕ ИСТИННОСТИ

В процессе жизнедеятельности человек постоянно сталкивается с проблемой оценки полученной информации. Воспринимая информацию извне, он решает, что из услышанного является правдой, что преувеличено, приукрашено, а что сказано с чистосердечной искренностью.

Реципиент воспринимает информацию как истину, правду, ложь или обман в зависимости от того, кто говорит, как он выглядит, нравится человек или нет, как давно они знакомы. Доверие иногда возникает, если говорящему верят другие, но чаще доверие появляется к тем фактам действительности, которые были увидены или услышаны им самим. В речевой коммуникации для убеждения реципиента в истинности высказывания используются обороты: "Я Вас уверяю, это правда", "Поверь, это чистая правда", а если есть сомнения в истинности информации: "Твоя идея абсурдна", "Расскажи это кому-нибудь ещё".

К мышлению относится эпистемологическая категория, использующая операторы: «истинно», «ложно», «правдоподобно», «сомнительно», «вероятно», «неопределенно», «корректно», «доказательно», «убедительно» и т.п.

Исследование говорящего и воспринимающего человека, входит в задачу прагма-лингвистики, которая рассматривает отношение человека к положению дел. Лингвистика, тем самым, добавляет косвенные обоснования достоверности информации к базовым концепциям истины, принятым в логике.

Каждый человек индивидуален, и он воспринимает информацию как истину или как ложь, опираясь на "картину мира", зафиксированную в его когнитивной системе.

С проблематикой категорий истины и лжи тесно связаны воздействие на сознание и процесс принятия решений. Важно отметить, что категория лжи рассматривалась в логико-философской литературе прежде всего в аспекте истинности высказывания, понимаемой как соответствие действительности.

Современная лингвистика ставит вопрос: как осуществляется обоснование достоверности в разных текстотипах. Четко выделяется художественная правда, т.е. принципиальный вымысел - "fiction". Поэтому художественный текстотип приобретает статус "как если бы" достоверности (цель – в ярком виде показать добродетели людей, добавив что-то от себя, чтобы сделать факт заметным, ярким), научный текстотип – статус объективной достоверности (цель – доказать гипотезу через интерпретацию фактов), межличностного общения – субъективной достоверности.

В межличностном общении очень важны жесты, мимика, т.е. паралингвистика, а также личные взаимоотношения говорящих. В публицистике используют все средства: вербальные и невербальные. Убедитель-

ным обоснованием достоверности информации является визуальное наблюдение, когда человек сам видел, что произошло.

Таким образом, ложь, намеренная она или по привычке, есть часть большого механизма – правды, лингвистический аспект которой будет рассматриваться в дальнейших исследованиях.

Канд. филол. наук Т.В.Ващекина (Москва)

АЛЛОМОРФНОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ КОРНЯ В СЛОВОИЗМЕНИТЕЛЬНОЙ ПАРАДИГМЕ

Выявление характера связи между звучанием и значением возможно лишь на основе системного подхода к языку путем тщательного исследования межуровневых связей.

Аспектирующий, поуровневый подход к анализу языковых явлений привел к разведению словоизменения и словообразования по разным научным дисциплинам. Соответственно не обращалось должного внимания на зависимость алломорфного варьирования корня в словоизменительной парадигме каждой данной части речи от словообразовательных особенностей последней, что особенно важно для языков с развитым ступенчатым словообразованием, к каким относится русский.

Сказанное, с одной стороны, определяет актуальность изучения алломорфного варьирования корня как целостности с учетом частеречной принадлежности слова, его словоизменительной парадигмы и словообразовательной структуры, а с другой, объясняет выбор в качестве объекта исследования словообразовательной цепи как единицы, в которой однокоренные слова связаны отношениями последовательной мотивированности, и таким образом, наглядно обнаруживается ступенчатый характер русского словообразования.

Предметом настоящего исследования является фонетически и морфологически обусловленное алломорфное варьирование корневых морфем в словоизменительных парадигмах различных частей речи в составе словообразовательных цепей.

Учет автоматических, фонетических альтернатив наряду с морфологическими позволил расширить зону алломорфного варьирования и выделить среди алломорфов корневых морфем не только морфологически обусловленные, но и фонетически обусловленные алломорфы, а также алломорфы, обусловленные как морфологически, так и фонетически.

При анализе инвентаря корневых алломорфов было замечено, что в соответствии с флективно-фузионным строем русского языка уже в исходных словах самыми частотными оказываются морфологически обусловленные алломорфы, а на I, II и V ступенях – морфологически и фонетически обусловленные алломорфы. О ведущей роли фузии свидетельствует и то, что в производных всех ступеней словообразования основные алломорфы занимают последний ранг. Вместе с тем повышение ранга фонети-

чески обусловленных алломорфов от нулевой ступени к третьей может говорить о постепенном ослаблении фузионных тенденций с повышением ступени мотивированности.

Анализ алломорфного варьирования корня в составе словоизменятельных парадигм показал, что существует ряд закономерностей, указывающих на существование явной корреляции между словоизменением и словообразованием. Это выражается в следующем:

1) Сам тип словоизменения с повышением ступени словообразования меняется;

2) одновременно уменьшается число альтернирующих алломорфов в словоизменятельной парадигме с повышением ступени мотивированности;

3) наблюдается упрощение акцентных парадигм с повышением ступени словообразования;

4) параллельно с повышением ступени мотивированности повышается и степень чередования согласного корня.

Докт. пед. наук П.А.Гагаев (Пенза)

О СООТНОШЕНИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫХ И НЕДЕЯТЕЛЬНОСТНЫХ ФОРМ БЫТИЯ ЧЕЛОВЕКА

Выскажем предположение, что в деятельности – расчленении мира на предмет и субъект действия – явлена лишь малая часть человека, преимущественно та, что обусловлена наличием у него интеллекта – не разума, а именно интеллекта – способности на рациональной (через форму общего) основе взаимодействовать с формами живой и неживой природы.

Деятельность предполагает осознание индивидуумом себя как ищущего определенной цели (видящего предмет своего хотения), осуществление им действий, соответствующих цели, корректировка их, осмысление достигнутого. Указанные содержание и структура деятельности вводят ограничения для явления в ней человеческой духовности. Предметом ее – человеческого в ней – может стать лишь то, от чего человек может отстраниться – то есть редуцировать, свести к той или иной абстракции, увидеть как чужое, буквально чужое – отдаленное, во вне себя существующее. Но разве в этом становится, развивается и самоусовершенствуется человеческая духовность? Разве мироздание, разве человеческая жизнь властно не являют себя в самом человеке, в его дыхании, его чувстве, его мысли, его поступке?

Человек являет себя – становится, взрослеет, самоусовершенствуется не в деятельности, не через деятельность. Деятельность лишь есть некое служащее для другой формы земного бытия человека. Той, что назовем в нашей работе метафизическим прозванием человека, или метадеятельностью.

Человек с первых дней своего рождения, вернее, с первых дней своего существования в утробе матери, живет не только своею жизнью, той, каковая удержана и представлена в понятии деятельности, но и не своею – жизнью вселенной. Человек, как и Вселенная, "расширяется" (движется, развивается, совершенствуется): независимо (если не абсолютно, то в огромной степени) от приобретаемого им земного опыта (получаемого посредством деятельностных форм бытия) он в определенные периоды своего бытия прозревает то, как ему свойственно видеть и принимать мир, человеческую историю, себя самое. Он стремится к тому или иному, учит и то, и другое, добивается одного, второго... и в это же время он всем собою, а не только своим интеллектом вбирает в себя – в свой духовный мир – жизнь мира и человека и вдруг осознает себя верующим или атеистом (хотя особо не стремился ни к тому, ни к другому), оптимистом или пессимистом (хотя вся его предшествующая жизнь и отрицала либо первое, либо второе), гуманитарием или математиком (хотя не готовился к этим видам деятельности), славянофилом или западником (хотя и не думал связывать свою жизнь с теми или иными политическими воззрениями) и пр. Иными словами, И.С.Бах с первых дней своего существования потенциально был музыкантом, Ф.Ницше – философом, Л.Н.Толстой – художником (слова), А.Эйнштейн – физиком, И.П.Павлов – физиологом, Ф.Шаляпин – певцом и т.д. Все эти представители человечества не становились философами, учеными, музыкантами, писателями и пр., но приходили к себе как философам, ученым, музыкантам, писателям и совершенствовали свой талант.

Мозг человека, а вернее, весь он – человек – с его нервно-психической и телесной сферами постоянно сосуществует со всей вселенной, сосуществует и перенимает – путями, не ведомыми современной науке, – передаваемые ей ему прообразы тех или иных социокультурных смыслов. Нервно-психическая и телесная организация человека изначально – как живая частица мироздания – несет в себе предрасположенность к тому или иному видению и приятию мира и человеческой истории. В процессе своего земного существования человеческая духовность, взрослея, вбирает в себя адекватные ее аксио-гносеологической природе предсмысловые феномены, трансформирует их в развитые смыслы и в соответствии с ними являет себя в реальной жизни. Интеллект, способность сосредоточиваться на самом себе, способность выйти из самого себя и в этом вернуться к себе прежнему и другому одновременно в осуществлении очерченного процесса становления и развития человеческой духовности, полагаем, решающей или, во всяком случае определяющей, роли не играет. Объем интеллектом пространство и вектор становления и развития всего человека индивиду никогда не удастся. Интеллект участвует лишь в узнавании, прозревании происшедших в человеческой духовности изменений в результате *онтологического общения* ее как единой телесно-нервно-психической реальности со вселенной.

Сформулированное дает основания утверждать, что онтология человека в своей основе не личностна в традиционном смысле этого слова. Человек не творит себя самое, не рождает задуманное им и в этом смысле не есть самостоящая в себе духовность. Человек прозревает себя, возвращается к себе как заданному некими вселенскими силами. Личностное начало представлено в нем деятельностью по исканию себя, не творению, а именно исканию. Степень приближения индивида к себе полному и определяет личностное – собственно человеческое – начало в нем. Иными словами, онтология человека и не личностна, и личностна одновременно.

Какова же роль детища человеческого интеллекта – деятельности? Ее роль сводится к закреплению, упрочению и развитию мгновенно осознанной человеком собственной онтологии, собственного взгляда на мироздание, ценностно-гносеологических констант собственного поведения. В деятельности человек приходит, приближается к себе истинному, полному, становится личностью.

Какова интенсивность явления в бытии человека очерченной метадеятельности, или метапрозревания? Полагаем, особо интенсивно этой формой бытия индивид живет с момента своего рождения и до достижения зрелости. В этот период вселенная властвует над человеком, не отпускает его от себя и последний почти безраздельно, не отдавая впрочем себе в этом отчета, принадлежит ей. В этот период человек ищет себя и от того, угадает ли он свою сущность, зависит, будет ли им потрачено много лишних усилий в его многотрудном человеческом бытии.

В период зрелости человек принадлежит и вселенной, ибо он движется в земном времени и пространстве в соответствии с ему имманентными ценностно-гносеологическими константами, и себе, ибо он в значительной степени постиг себя и подчинил себе свою деятельность. Формально последняя и составляет основание бытия человека в этот период.

Завершая свой этюд, выскажем мысль об актуальности сформулированного нами прежде всего для педагогической науки и практики. В педагогике крайне важно учитывать факторы, влияющие на прозревание индивидом самого себя в юношеском возрасте. К их числу, полагаем, относятся прежде всего культурно-исторические формы бытия человека. В них во всей полноте и цельности представлены возможные варианты всматривания человека в себя самое и вселенную. Обращение к этим формам в воспитании (введение их в содержание образования юношества) создает благоприятную среду для открытия индивидуумом самого себя как истинного.

Аспирант А.А. Гвоздева (Тамбов)

ЯЗЫК ОПРЕДЕЛЯЕТ МЫШЛЕНИЕ ИЛИ МЫШЛЕНИЕ ОПРЕДЕЛЯЕТ ЯЗЫК?

Люди живут не только в объективном мире и не только в мире общественной деятельности, как это обычно полагают, они в значительной мере

находятся под влиянием того конкретного языка, который стал средством выражения для данного общества. Было бы ошибочным полагать, что мы можем полностью осознать реальность, не прибегая к помощи языка, или что язык является побочным средством разрешения некоторых специальных проблем общения и мышления. На самом же деле реальный мир в значительной степени бессознательно строится на основании языковых норм данной группы. Мы видим, слышим и воспринимаем так или иначе те или другие явления главным образом благодаря тому, что языковые нормы нашего общества предполагают данную форму выражения.

Согласно исследованиям Б.Уорфа, в языке хопи множественное число и количественные числительные употребляются только для обозначения предметов, которые могут образовать реальную группу. Выражение *десять дней* не употребляется. Вместо *they stayed ten days* – *они пробыли десять дней* – хопи скажет: *они уехали после десятого дня*. Сказать *десять дней больше, чем девять дней* нельзя, надо сказать *десятый день позже девятого*.

Понятие *время* в европейской культуре есть результат объективизации отношения *раньше-позже* в сочетании с представлением о веществе, субстанции. Мы создаем в своем воображении несуществующие предметы - год, день, секунда, а вещество, из которого они состоят, называем временем. Мы говорим *мало времени, много времени* и просим дать час времени, как если бы мы просили литр молока. У хопи нет основы для термина с таким значением.

Трехвременная система глагола в среднеевропейском стандарте языка непосредственно отражает объективизацию времени. Время представляется бесконечной прямой, по которой передвигается (обычно слева направо) точка. Точка – это настоящее, левее ее – прошлое, правее – будущее. В языке хопи, как и можно было предполагать, все обстоит иначе. Глаголы здесь не имеют времен, подобных европейским. Глагольные формы отражают источник информации и ее характер.

По мнению же российского ученого Л.Б. Ительсона, первичны свойства реального мира и практика людей, которая эти свойства обнаруживает. "Язык лишь отражает в своей структуре определенные действительные свойства и отношения реальности. Он устроен так, как устроен реальный мир. Так что, в конечном счете, не язык, а подлинные свойства реального мира определяют, как его воспринимает и представляет человек" [Л.Б.Ительсон 2000: 629].

А.А.Леонтьев также поддерживает точку зрения Ительсона: "Некоторые ученые, занимающиеся исследованием языков небольших народов Африки, Австралии, нередко утверждают, что у этих народов свой особый склад мышления, отражающийся в их языке... эти утверждения просто ошибочны" [А.А.Леонтьев 1999: 51].

К ВОПРОСУ О ДУАЛИСТИЧЕСКОЙ ПРИРОДЕ ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА

В современной лингвистике язык трактуется как система знаков, и его элементы рассматриваются как знаки особого рода. Понятие знака является одним из основных понятий лингвистики, так как само определение языка базируется на той или иной трактовке знака. Существуют различные подходы к трактовке знака, его природы, классифицированию, поскольку знак обладает множеством свойств, признаков, выполняет разнообразные функции. С этим связано многообразие определений знака.

Рассматривая многочисленные определения знака и знакового процесса, необходимо отметить, что в теории языкового знака в настоящее время существует два основных направления: структурная семиотика (направление, разработанное Ф. де Соссюром и Л.Ельмслевым) и аналитическая семиотика (направление, основоположником которого явился Ч.Пирс) (Parret 1983: 35).

Знак, по Ф. де Соссюру, является двусторонней психической сущностью, которая связывает понятие и акустический образ, соединением означающего (signifiant) и означаемого (signified) (Соссюр 1977: 69)

Ч.Пирс называет знаком некоторую вещь, которая так определена другой какой-то вещью, называемой его объектом, и так определяет некоторое действие на некоторое лицо, что эта последняя оказывается, таким образом, опосредованно определенной первым объектом. Чтобы знак был знаком, он должен быть воспринят как знак и интерпретирован (Пирс 2000).

Знак, таким образом, рассматривается в различных аспектах: как элемент системы и как элемент коммуникативного процесса. Знак как элемент системы является относительно статическим образованием. Его структура состоит из означаемого и означающего, которые одинаковы для всех членов языкового коллектива.

Знак, рассматриваемый в коммуникативной парадигме, представляет собой шестичленное отношение, компонентами которого являются

- отправитель или продуцент знака,
- законодатель,
- объект знака,
- получатель знака или интерпретатор,
- результат интерпретации,
- внешняя ситуация, стимулирующая интерпретацию, и контекст.

Знак как элемент процесса коммуникации динамичен, для него характерна личностная и ситуационная обусловленность.

Таким образом, невозможно говорить о тождественности знака как элемента языка, и знака, функционирующего в процессе коммуникации.

Соискатель М.А.Живокينا (Воронеж)

КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ ОТРАЖЕНИЯ НАИМЕНОВАНИЙ,
ОБОЗНАЧАЮЩИХ СОБИРАТЕЛЬНЫЕ ПОНЯТИЯ
В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ.

Проблемы соотношения языка и мышления, их взаимовлияния, а также анализ мыслительных и языковых единиц и категорий как универсальных, так и национально-специфических представляют большой интерес и широкое поле для исследований как лингвистов, так и специалистов в области психологии, психолингвистики, когнитологии.

Наше мышление, усматривая в окружающем мире разные типы отношений между объектами и явлениями, стремится организовать «калейдоскопический поток впечатлений» благодаря механизмам категоризации, т.е. членения мира на категории посредством языка, что помогает идентифицировать и структурировать получаемую информацию для ее наиболее эффективного освоения и хранения в памяти

Л. Заде, автор теории размытых, нечетких (fuzzy) множеств в математике, считает, что элементами мышления человека являются не числа, а элементы некоторых нечетких множеств или классов объектов, для которых переход от «принадлежности к классу» к «непринадлежности» не скачкообразен, а непрерывен. Такая особенность функции головного мозга помогает человеку оценивать непрерывный поток информации, поступающий по разным каналам восприятия, а также кодировать эту информацию элементами нечетких множеств.

Используя в речи имена совокупностей, человек именуется то количество объектов, которое он решает выделить из неограниченного числа последних. В круг рассматриваемых имен входят существительные типа **a group (of ...)**, **a number (of ...)**, **a set (of ...)**, **a heap (of ...)**, **a bundle (of ...)**, **a clutch (of ...)**, **a variety (of ...)**, **a series (of ...)** и другие. Наименования собирательных понятий, таким образом, нацелены на то, чтобы выделить из огромного числа объектов некие стандартные или типичные группы, с которыми человек часто сталкивается в своей практической или умственной деятельности.

Так, например, элементами коллекции являются предметы, представляющие для людей особую ценность, что часто подчеркивается использованием оценочных прилагательных в номинативной группе: *Janet has a very good collection of foreign coins / There is a valuable collection of Palm trees and exotic plants.* В другом случае, существительные **line**, **row** обозначают совокупность объектов, которые могут быть линейно расположены только на плоскости: *a long line of dancers / a solid row of fenders*, существительные **pile**, **stack** представляют вертикальный порядок организации объектов: *an enormous pile of newspapers / a tall stack of records*, а существительные **mound**, **heap**, **jumble** объединяет общий признак «беспорядочная совокупность предметов»: *a chaotic jumble of motor vehicles / a shape-*

less heap of shredded tobacco. Как видно из примеров, атрибутивные прилагательные имеют немаловажное значение в определении совокупностей.

Докт. филол. наук Л.Г.Зубкова (Москва)

ЯЗЫКОВОЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ В УЧЕНИИ И.А.БОДУЭНА ДЕ КУРТЕНЭ

Зависимость результатов исследования от исходных методологических принципов, в частности от того, насколько познающий субъект соотносится с природой познаваемого объекта, очевидна. Чтобы убедиться в значимости этой зависимости для лингвистики, достаточно сравнить аспектирующую концепцию Ф. де Соссюра с синтезирующей концепцией И.А.Бодуэна де Куртенэ.

Для Бодуэна в лингвистике “реальной величиной является не «язык» в отвлечении от человека, а только человек как носитель языкового мышления” (И.А.Бодуэн де Куртенэ II: 182). Поскольку же “человек в целом как объект для изучения принадлежит одновременно ко всем трем «мирам»: ко вселенной, к органическому миру и к миру психо-социальному” (И.А.Бодуэн де Куртенэ II: 191), то и “все проявления человеческого существа касаются различных областей природы в ее целостности и ..., исходя из этого, их надо рассматривать в тесной связи с общим миропониманием” (И.А.Бодуэн де Куртенэ II: 189). Только такой фундаментальный подход, направленный на то, чтобы “проанализировать объект исследования до конца”, способен приблизить и решение частных проблем языкознания, например разобраться в природе «фонетических законов» (И.А.Бодуэн де Куртенэ II: 189/).

В отличие от Бодуэна, исходящего, как видно, из триединства мира, человека и языка, по мнению Соссюра, внешний мир, “естественные вещи и их отношения вообще не имеют отношения к лингвистике” (Ф. де Соссюр 1977: 114), “единственным и истинным объектом лингвистики является язык, рассматриваемый в самом себе и для себя” (Ф. де Соссюр 1977: 269). Но если “другие науки оперируют заранее данными объектами, которые можно рассматривать под различными углами зрения”, то “в лингвистике объект вовсе не предопределяет точки зрения; напротив, ... здесь точка зрения создает самый объект” (Ф. де Соссюр 1977: 46).

В противоположность этому Бодуэн признает первичность познаваемого объекта, полагая, что “с гносеологической точки зрения результаты наблюдения и теоретического мышления зависят, с одной стороны, от наблюдаемого объекта, а с другой – от ума человека, ведущего наблюдение и формулирующего результаты своих выводов и рассуждений” (И.А.Бодуэн де Куртенэ II: 202).

Соответственно применительно к лингвистическим исследованиям Бодуэн настаивает на различении объективного языкового мышления и

научного языковедного мышления, основывающегося на сравнении языков и на истории языка. Неэквивалентность этих двух мышлений вскрывается Бодуэном на конкретных примерах, касающихся разложения слова на морфемы и определения альтернатив морфем в русском языке (И.А.Бодуэн де Куртенэ II: 288-289).

Более того, мышление может заблуждаться относительно характеристик языкового мышления. Знание других языков и истории языка таит в себе опасность приписать данному языку или данному состоянию языка чуждые категории, о чем Бодуэн неоднократно предупреждает и чем на самом деле грешила и грешит лингвистика.

Бодуэн убежден: “наука не должна навязывать объекту чуждые ему категории и должна отыскивать в нем только то, что в нем живет, обуславливая его строй и состав” (И.А.Бодуэн де Куртенэ II: 68). “Всякий предмет нужно прежде всего исследовать сам по себе, выделяя из него только такие части, какие в нем действительно имеются, и не навязывая ему извне чуждых ему категорий” (И.А.Бодуэн де Куртенэ II: 22). Этот общий для всех наук принцип распространяется и на изучение языка: “исследование языковых фактов должно стать строго объективным, оно должно быть констатацией существенных фактов данной эпохи и данной языковой области без навязывания им чужих категорий” (И.А.Бодуэн де Куртенэ II: 17).

Поэтому в постижении языка Бодуэн призывает руководствоваться не лингвистическим мышлением, а объективным языковым мышлением обыкновенных индивидов, входящих в данное время в состав данного племенного или национального коллектива, считая, что при таком подходе обеспечивается “все большая «демократизация» наших научных приемов и вместе с тем достигается большая научность изложения, коренящаяся в большей согласованности с самим предметом исследования” (И.А.Бодуэн де Куртенэ II: 232). “Задача исследователя состоит только в том, чтобы верно прочесть в душах человеческих, т.е. озарить светом научного сознания то, что в объективном психическом мире сложилось и существует помимо всякой науки” (И.А.Бодуэн де Куртенэ II: 260). Действительно научное языковедное мышление *основано* на языковом мышлении (И.А.Бодуэн де Куртенэ II: 276).

Но нет языкового мышления вообще. Оно существует лишь в форме конкретного языка. И используемый язык так или иначе влияет на лингвистическое мышление исследователя. Такое влияние определенно сказалось, в частности, на разработке Бодуэном понятия фонемы.

По свидетельству самого Бодуэна, исходной точкой для развития мыслей о том, как следует рассматривать отношения звуков, послужили его лекции, в особенности по русской грамматике и по латинской фонетике. В них он выдвинул на первый план звуковые чередования и соответствия разных хронологических слоев, сосуществующих в данном состоянии языка, причем основное внимание было сосредоточено на “замене одного

звука другим не как звука, но как *фонетического компонента морфологической части слова*” (И.А.Бодуэн де Куртенэ II: 125), т.е. на тех чередованиях, при которых “оттенки и различия антропофонические сопровождаются оттенками и различиями морфологическими” (И.А.Бодуэн де Куртенэ II: 119) и которые были названы морфологически подвижными коррелятивами.

Но такие чередования не универсальны. Для языков “с неподвижными, неделимыми односложными словами, вроде китайского”, Бодуэн допускает отсутствие чередований этимологически идентичных звуков (типа г//ж в *могу, можешь..*) (И.А.Бодуэн де Куртенэ I: 163). Отсутствуют психофонетические, морфологически утилизированные альтернации одних и тех же морфем и в агглютинативных языках (И.А.Бодуэн де Куртенэ II: 184). Поэтому-то, противопоставляя звук (как элемент антропофонического деления речи) фонеме (как подвижному компоненту морфемы и признаку известной морфологической категории) в первоначальном варианте двоякого членения человеческой речи, Бодуэн считает последнее актуальным “по крайней мере в применении к языкам ариоевропейским” (И.А.Бодуэн де Куртенэ I: 121).

В последовавших уточнениях двоякого членения Бодуэн подчеркивает, что деление морфем на составные части, также наделенные значением, т.е. фонемы и их признаки, морфологизованные и семантизированные, возможно “по крайней мере в некоторых языках, и то только до некоторой степени и в определенных случаях” (И.А.Бодуэн де Куртенэ I: 183).

К числу тех индоевропейских языков флективно-фузионного синтетического строя, где морфологизация фонем и их признаков достаточно распространена и регулярна, принадлежат едва ли не в первую очередь русский и польский, послужившие И.А. Бодуэну де Куртенэ и Н.В. Крушевскому основным объектом исследования различных типов альтернаций. Таким образом, имеется явная зависимость языковедного мышления этих польско-русских лингвистов от тех языков, которыми они владели. А “раз в одну и ту же голову введены, например, русское и польское языковое мышление, целые ряды одинаковостей и фонетически-морфологических соответствий создают объективно живые корреспонденции и могут вызывать фонетически-морфологические переложения с одного языкового мышления на другое”, что также могло способствовать развитию лингвистической мысли исследователя, “сопоставляющего и сравнивающего как факты одного однородного языкового мышления, так и соответствующие друг другу факты в разных языковых мышлениях” (И.А.Бодуэн де Куртенэ II: 276).

Немаловажное значение для лингвистического кругозора Бодуэна, как и других отечественных ученых, имеют также разнообразные языковые контакты на евразийском пространстве России. Не случайно глава Казанской лингвистической школы неоднократно обращался к сравнительной характеристике флексийных ариоевропейских и агглютинативных туран-

ских языков. Полагая, что “славянский языковой мир достаточно обширен, чтобы его материал мог служить основанием для рассмотрениявсех ... общелингвистических вопросов”, Бодуэн никогда не забывал, “что славянские языки не составляют замкнутой языковой области и что они должны, напротив, рассматриваться всегда в их связях с другими родственными и даже неродственными языками” (И.А.Бодуэн де Куртенэ I: 138).

Цитируемая литература:

Бодуэн де Куртене И.А. Избранные труды по общему языкознанию: В 2-х т. – М.: АН СССР, 1963.

Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1977.

СТРУКТУРА СЛОГА В ЯЗЫКАХ РАЗЛИЧНЫХ ТИПОВ

По В.Гумбольдту, всякое мышление состоит в разделении и соединении, так и язык «вечно разъединяет и связывает» (Гумбольдт, 1984).

Первичное членение языка состоит в разграничении внутренней и внешней формы, по В. Гумбольдту, плана содержания и плана выражения, по Л. Ельмслеву. Согласно И.А Бодуэну де Куртенэ, язык характеризуется двояким иерархическим членением – в содержательной и звуковой сферах.

Изучение типологических особенностей слова, а именно структуры слога в языках различных типов – аналитическом английском, агглютинативном бурятском и изолирующем китайском имеет принципиальное значение и актуальность для цельносистемной типологии языков.

Как известно, фонологический статус и структура слога определяются морфологическим строем языка и зависят от соотношения слога с морфемой (см.: Поливанов, 1971; Гордина, 1966; Касевич, 1983; Зубкова, 1990).

Действие универсальных тенденций в строении слога подтверждается данными исследования. Так, согласно Н.С. Трубецкому (1960), язык немислим без сочетаний типа «согласный +гласный», поэтому слог СГ является универсально допустимым. Во всех трех языках, но особенно в "слоговом" китайском, тип СГ является самым распространенным, охватывая 70,4 % в китайском тексте, 67,2% и 37,1% в английском и бурятском текстах.

Типологические расхождения между этими тремя языками существенно отражаются и на строении слога, и на его роли в дифференциации классов слов. В то время как в китайском и бурятском представлены 4 и 5 типов слогов соответственно, в английском тексте 13 типов слоговых структур. Разнообразие типов слогов в английском диктуется необходимостью дифференцировать в плане выражения функционально различные классы слов в условиях, когда подавляющее большинство слов, в том числе знаменательных, имеет односложную структуру. Слоги с высоким консонантным коэффициентом характерны для собственно-знаменательных, вокалические Г – для служебных. Большая длина бурятских слов, сравнительно высокая частота многосложных слов предполагают более ограниченное количество типов слогов, самые частотные из которых – СГ и СГС – создают достаточно однообразный слоговой строй бурятской речи, покрывая 91,1% всех слогов. Примечательно, что слог ССГ встречается только в собственно-знаменательных словах, а слог ГС более характерен для служебных. В китайском языке слог имеет строгую структуру, вследствие жесткой взаимосвязанности слоговых границ с морфемными. Преобладание слога СГ над всеми остальными говорит, в частности, о противопоставлении местоимений, у которых встречается лишь один этот тип, собственно-знаменательным и служебным словам. А также в китайском тексте в отличие от английского и бурятского отчетливо противопостав-

ляются существительные и глаголы, образующие базовое частеречное противоположение, всем остальным собственно-знаменательным частям речи: все 4 типа слогов – СГ, СГС, ГС, Г – встречаются в слоговой структуре существительных и глаголов.

Канд. филол. наук А.Ф.Калинин (Балашов)

ПРЕДЛОЖЕНИЯ СТРУКТУРНОГО ТИПА
МОЖНО ВЫСТУПАТЬ; ПРИКАЗАНО ЗАДЕРЖАТЬСЯ
В СИСТЕМЕ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Лингвистическая сущность предложений структурного типа *Можно выступить, Приказано задержаться*, их место в системе простого предложения являются недостаточно изученными. Поэтому анализ структуры и семантики этих предложений, исследование их в основных аспектах: грамматическом и семантическом представляется актуальным.

Предложения данного структурного типа в грамматическом аспекте – это односоставные безличные предложения, главный член которых включает в свой состав два компонента: безлично-предикативное слово или страдательное причастие с суффиксами *-т (о), -н (о)* и зависимый инфинитив: *Нельзя раздумывать; Нужно собираться; Положено стучаться*. Позицию первого компонента могут занимать фразеологизмы как *в самый раз, ни к чему, не резон* и др.: *В самый раз ехать; Не резон спорить*, а также наречия *где, как, куда, когда, откуда* в предложениях с модальным значением невозможности: *Куда уж нам спорить; Откуда уж нам знать* (См.: Русская грамматика. В 2-х т. Т.2. Синтаксис. – М., 1980. – С.321).

В данных предложениях в зависимости от способа выражения главного члена и интонации проявляется объективная модальность реальности или ирреальности: *Невозможно улететь; Если б можно было поменьше думать (И.А.Гончаров); Разве надо уже уезжать?*

В этих предложениях проявляются также частные модальные значения возможности, невозможности, желательности, долженствования, целесообразности, нецелесообразности и др., обусловленные вещественным содержанием конкретного предложения. Например, в предложении *Необходимо еще раз всё проверить* выражается частное модальное значение долженствования, а в предложении *Нельзя Вам больше здесь оставаться* выявляется частное модальное значение невозможности с оттенком нецелесообразности.

Вводно-модальные слова и модальные частицы легко разрывают структуру данных предложений и в них на фоне объективной модальности реальности / ирреальности посредством этих слов выражается субъективная модальность. Так, в предложении *Ни к чему, конечно, нам расставаться* выражается субъективная модальность уверенности, а в предложе-

нии *Запланировано, вероятно, скоро наступать* выражается субъективная модальность возможности.

Модально-временная парадигма безличных предложений данного структурного типа семичленна: выявляются формы настоящего, прошедшего и будущего времени (синтаксического) индикатива и синтаксические ирреальные наклонения: сослагательное, условное, желательное и побудительное.

Однако в данных безличных предложениях, как показывает материал, могут выражаться вневременность или расширенное настоящее время, что обусловлено семантикой главного члена и вещественным содержанием конкретного предложения: *Необходимо всегда учиться*.

Синтаксические категории лица, агенса (деятеля) и субъекта являются центральными в теории простого предложения и определяют его грамматическую структуру. Синтаксическая категория лица устанавливает отношение высказывания к говорящему, к собеседнику или к третьему лицу. В безличных предложениях форма главного члена не указывает на синтаксическое лицо. Однако в их структуре, в том числе и исследуемого типа, может быть словоформа, существительное или личное местоимение в дательном падеже, указывающее на определенное лицо: *Вам одеваться было лень и было лень вставать из кресел (М.Цветаева)*.

Агенса, или деятеля – это производитель глагольного действия. Глагольное действие предполагает наличие агенса. Вместе с тем его проявление зависит от ряда условий, и прежде всего от формы глагола. В безличных предложениях, также и данного структурного типа, представлено безагентное действие.

Субъект грамматический понимается нами как словоформа с предметным значением, грамматически господствующая по отношению к словоформе, которая называет признак предмета.

Безличные предложения, исследуемые в грамматическом аспекте, в принципе являются бессубъектными, так как в них отсутствует грамматический (синтаксический) субъект.

В семантическом аспекте предложения структурного типа *Можно выступить; Приказано задержаться* являются двусоставными предложениями, так как в них представлены как семантический предикат (эксплицитный), так и семантический субъект (имплицитный). При этом семантический субъект в зависимости от вещественного содержания предложения, и прежде всего семантики главного члена, может быть обобщенный или неопределенный. Так, в предложении *Необходимо отчитываться* семантический субъект определяется как обобщенный, то есть мыслится, что *каждый, всякий, любой* должен совершать данное действие. В предложении *Лень подняться* семантический субъект мыслится уже как неопределенный, так как предполагается кому-то неопределенному выполнить это действие.

В семантической структуре субъектно распространенных предложений семантический субъект конкретизирован, обычно словоформой в форме дательного падежа: *Сердцу приятно с тихой болью что-нибудь вспомнить из ранних лет (С.Есенин)*.

Компонентный анализ данных предложений выявил, что наиболее продуктивными и распространенными среди них являются двухкомпонентные, трехкомпонентные и четырехкомпонентные семантические структуры.

Итак, исследование предложений структурного типа *Можно выступать, Приказано задержаться* показало, что они являются особым структурным типом безличных односоставных предложений в грамматическом аспекте, однако они представляют собой двусоставные предложения в семантическом аспекте. Следовательно, при решении проблемы типологии и классификации простого предложения должно исходить из аспекта исследования предложения.

О.В. Камнева (Тамбов)

ФАКТОР ИСТИННОСТИ КАК КРИТЕРИЙ СУБЪЕКТИВНОСТИ/ОБЪЕКТИВНОСТИ ОЦЕНКИ

Оценочные суждения можно классифицировать по разным основаниям.

Во-первых, по характеру оценки. Она может быть "эпистемической", т.е. связанной с оценкой достоверности суждения. Помимо "абсолютной" достоверности или недостоверности (Петр уехал – Петр не уехал) могут быть следующие виды эпистемических оценок:

- *относительное утверждение*: Петр, по-видимому, уехал;
- *относительное отрицание*: Петр, по-видимому, не уехал;
- *эмфатическое утверждение (подтверждение утверждения)*: Петр действительно уехал (хотя существуют противоположные мнения);
- *эмфатическое отрицание (подтверждение отрицания)*: Петр не уехал-таки!

Таким образом, здесь действуют два параметра: утверждение (отрицание) и степень нашей уверенности (абсолютное – относительное – эмфатическое). Но оценка может быть также "аксиологической", ценностной. Здесь участвуют три фактора: реальность (ирреальность), положительность (отрицательность) оценки и важность (неважность) события. Реальная оценка: Петр уехал! (т.е. хорошо или плохо, что это произошло). Ирреальная оценка: Уехал бы Петр! Или: Пусть Петр уезжает (он не уехал, но было бы хорошо, если бы он это сделал). С другой стороны, возможны противопоставленные друг другу варианты: Слава Богу, Петр уехал. К сожалению, Петр уехал. Наконец, может быть высказывание с подчеркива-

нием значимости или важности события: Обратите внимание, что Петр уехал.

Важнейшей особенностью оценки является то, что в ней всегда присутствует субъективный фактор, взаимодействующий с объективным. Петр, по-видимому, уехал. Петр, говорят, уехал. (Иван сказал, что) Петр уехал - это оценки объективные, данные кем-то помимо меня. Петр, по моему, уехал. Кажется, Петр уехал - это оценки субъективные, мое личное мнение об отъезде Петра, а не изложение чужих мнений по этому вопросу. Оценочное высказывание, даже если в нем прямо не выражен субъект оценки, подразумевает ценностное отношение между субъектом и объектом. Всякое оценочное суждение предполагает субъект суждения, т.е. то лицо, от которого исходит оценка, и его объект, т.е. тот предмет или явление, к которому оценка относится.

Характер оценки может меняться и в зависимости от "качества" эмоции, выраженной в высказывании. Страшно подумать, что...; Какой стыд, что...; Какое счастье, что...; Радостно слышать, что...; В то же время эмоция имеет свое "количество", связанное со значимостью высказывания (чем более глубокое переживание, тем более значимо высказывание): Радостно, что... – Какое счастье, что... .

Во-вторых, оценочные суждения различаются в зависимости оттого, что именно они оценивают: событие или факт (истинное суждение о событии).

Отсюда возникает вопрос о том, можно ли вообще говорить об истинности/ложности оценки, и на основании чего истинность или ложность приписывается оценочным суждениям. Долгое время было принято считать, что оценочные высказывания не являются ни истинными, ни ложными, т.к. они не могут быть верифицированы путем соотнесения с действительностью. Чем выше степень субъективности в оценке, тем труднее судить об ее истинности.

Как можно видеть, вопрос об истинности оценок ставится в зависимость от отношения субъект-объект и от степени субъективности суждения.

Докт. филол. наук Н.А. Красавский (Волгоград)

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ КОНЦЕПТОСФЕРА: МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Под эмоциональной концептосферой мы понимаем совокупность эмоциональных концептов. Эмоциональный концепт (далее сокращённо – ЭК) – это культурно обусловленное, сложное структурно-смысловое, как правило, лексически и/или фразеологически вербализованное образование, базирующееся на понятийной основе, включающее в себя помимо понятия, образ и оценку, и функционально замещающее человеку в процессе рефлексии и коммуникации множество однопорядковых предметов (в ши-

роком смысле слова), вызывающих пристрастное отношение к ним человека.

Изучение всякого концепта предполагает, с одной стороны, вычленение в его структуре основных (активных) и дополнительных (пассивных) признаков, а с другой – установление этимологии обозначающего его знака (Ю.С.Степанов). Данное понимание сущности концепта подразумевает применение *как минимум* следующих основных методов: 1) метод компонентного (дефиниционного) анализа; 2) психолингвистические методы и 3) метод этимологического анализа.

Использование метода компонентного анализа применительно к эмоциональной концептосфере иллюстрирует высокую степень его технологичности. Применение указанного метода позволяет установить метаязыковые характеристики ЭК. К ним относятся: 1) эмоциональное состояние; 2) эмоциональная реакция; 3) эмоциональное настроение; 4) эмоции, чувства; 5) причина переживания эмоции; 6) условия появления чувства; 7) форма проявления чувств; 8) длительность переживания эмоции; 9) расплывчатость переживаний; 10) внезапность появления эмоций; 11) контролируемость или неконтролируемость эмоций; 12) интенсивность переживания эмоции; 13) положительная или отрицательная знаковая направленность эмоций.

Метод компонентного анализа номинантов ЭК позволяет установить преимущественно их *базисную* смысловую структуру. Стремление же к более полному диахроническому описанию содержания ЭК предполагает использование психолингвистических методов. В отличие от семасиологов психолингвистам «напрямую» в силу специфики используемых ими методов удаётся выявлять не только понятия, являющиеся *базисными* структурами концептов, но и обнаруживать их многочисленные *образные* и *оценочные* характеристики. Ассоциативные признаки, приписываемые языконосителями ЭК, социально релевантны, поскольку они вскрывают особенности языкового сознания на том/ином этапе развития конкретного этноса. Сопоставление ассоциаций, вызываемых именами ЭК в диахронии той/иной культуры, позволяет наблюдать определенные оценочные изменения в сознании *homo loquens*. Попутно заметим, что данные ассоциативных словарей также могут использоваться при интерпретации эмоциональных концептов в толковых словарях, в особенности в их экспликативной (иллюстративной) части.

Если применение метода компонентного анализа и психолингвистических методик оказывается эффективным при изучении сущности концепта преимущественно в *синхронии*, то использование метода этимологического анализа позволяет изучать данный феномен в *диахронии*. Этимологические данные для нас принципиально важны, поскольку они обнаруживают сам механизм формирования того/иного концепта, его первые шаги в вербально-когнитивном поле культуры.

О СУБЪЕКТИВНОСТИ В ЯЗЫКОЗНАНИИ

В принципе любое представление о денотате и наборе содержательных признаков научного понятия есть мнение исследователя, т.е. его субъективная точка зрения. При этом она, безусловно, может совпадать с точкой зрения какого-либо направления. Чаще всего, что и естественно для науки, позиция ученого логически выверена и подтверждается аргументами. Но встречаются терминологические образования, предметная и понятийная отнесенность которых задается субъективным решением исследователя, и функционирование терминов, принадлежащих к этой группе, не оправдывается какой-либо аргументацией, в отличие, например, от функционирования концептуально зависимых терминов. Предметная отнесенность и соответствующие понятийные характеристики приписываются экспоненту в подобных случаях волюнтаристским решением, принудительно, явочным порядком. Логика рассуждения в данной ситуации проста: «Термином X мы обозначаем денотат Y, который имеет понятийные характеристики Z». Хрестоматийный пример – функционирование термина *амплитуда* – полный размах колебания, *амплитуда* – половина размаха. Дефиниция, следовательно, предстает таковой просто в силу употреблений выражений типа «будем считать по определению», «положим по определению», «определим ... как ...», «назовем ...», «будем говорить, что ...» и т.п.

Конечно, такой «явочный» характер введения термина в научные рассуждения может стать одной из причин потери им терминологической строгости и даже в некоторых случаях развития детерминологизации (ср. термины *система*, *структура*, *категория*, *язык* и под.). Неприемлемым, как кажется, является и такое положение вещей, когда введенный в какую-либо концепцию оригинальный термин как бы «подхватывается» исследователями, стоящими вне данной концепции, и употребляется по отношению к иному денотату.

Часто слишком прозрачная внутренняя форма экспонента провоцирует ученых к множественности его трактовок, каждая из которых не противоречит заложенному в этимоне значению экспонента. Термин с экспонентом *мотивированность*, по своей внутренней форме обозначающий «побудительная причина, повод для чего-нибудь», также позволяет использование применительно к разным денотатам. Две из возможностей реализовал Ф. де Соссюр, введя известный тезис о *произвольности* (=немотивированности) языкового знака. При этом, как бы предвидя критику будущих оппонентов, ученый уточнил: «Мы хотим лишь сказать, что означаемое немотивировано, т.е. произвольно по отношению к данному означаемому, с которым у него нет в действительности никакой естественной связи» (Ф. де Соссюр 1977: 101) (Курсив наш. – А.Л.).

Однако, несмотря на это уточнение, указанный тезис подвергся, как представляется, не совсем обоснованной критике. Главный аргумент ее сводился к следующему: языковой знак нельзя считать произвольным, так как огромное количество слов в языке обладает мотивацией. *Пароход* мотивируется двумя словами *пар* и *ходить*, *подснежник* мотивируется сочетанием *под снегом*. «В словах производных (а таких слов в развитых литературных языках большинство) мотивированность их материальной структуры выражаемым значением выявлена в достаточной степени хорошо для того, чтобы ее увидеть: любое сложное слово немецкого языка... говорит и даже кричит о своей большей или меньшей мотивированности...» (Ф.М.Березин, Б.Н.Головин 1979: 113).

Совершенно ясно, что здесь речь идет совсем не о том, о чем говорил Соссюр, которому приписали иной тезис. Произошла тривиальная подмена понятий. Упреки знаменитому лингвисту в связи с положением о произвольности (немотивированности) языкового знака объясняются терминологическим неразличением двух явлений: *немотивированность/мотивированность* системой языка (семантическая, словообразовательная, т.е. происходящее в самом языке) и *немотивированность/мотивированность* физическая (отсутствие общих материальных свойств вещи и ее названия), т.е. то, что при признании данного факта должно приходиться в язык извне. Соссюр, конечно, понимал, что «внутриязыковая» мотивированность существует, и он говорит о ней в другом месте своей книги, называя это явление несколько иным термином: *относительная мотивация* (Ф.М.Березин, Б.Н.Головин 1979: 163.).

Видимо, чтобы избежать здесь недоразумений вообще и недоразумений относительно якобы ошибочности соссюрской характеристики языкового знака в частности, необходимо более строгое терминологическое различие двух явлений.

Разнообразие позиций ученых при анализе многих сложных и нерешенных лингвистических проблем вполне объяснимо и, при наличии серьезной аргументации, абсолютно оправданно. Но, к сожалению, приходится наблюдать и такие случаи, когда по поводу устоявшихся в своем функционировании, предметной и понятийной отнесенности терминов появляются «концепции», разрушающие эту стабильность. Причем аргументация нового понимания термина не выглядит достаточно убедительной. Так, несмотря на многолетнюю традицию использования термина *внутренняя форма слова*, идущую от В.Гумбольдта и А.А.Потебни, закрепленную в отечественном языкознании в лингвистических словарях, пособиях, исследованиях на протяжении целого столетия, появляется точка зрения, изменяющая не только отдельные признаки понятия, фиксируемого данным экспонентом, но и денотативную часть термина. По существу, рассматриваемому термину приписывается совершенно иное содержание без серьезных на то оснований. Ср.: «Исходя из наших рассуждений, можно утверждать, что внутренняя форма языковой единицы не сводится одно-

значно ни к этимологии слова, ни к лексическому значению, ни к мотивированности, ни к простой сумме значений составляющих морфем» (Т.Р.Кияк 1987: 66.). Более того, автор считает внутреннюю форму присущей и непроизводным неметафорическим единицам типа *газета, человек, дерево, дом, птица*. Аргументация здесь такова: «...внутренней формой слова *газета* будет более или менее унифицированный для всех коммуникантов образ, репрезентирующий один или несколько признаков, входящих в соответствующее лексическое значение, которое условно может соответствовать дефиниции, например, «периодическое издание в виде больших листов, обычно ежедневное, посвященное событиям текущей политической и общественной жизни.» (словарь С.И.Ожегова)» (Т.Р.Кияк 1987: 62). Совершенно ясно, что в данном случае под рассматриваемым экспонентом понимается абсолютно иной денотат и этот денотат скорее всего будет являться *понятием*, а не *внутренней формой*.

Цитируемая литература:

Соссюр Ф. Курс общей лингвистики // Фердинанд де Соссюр. Труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1977. – С. 31-269.

Березин Ф.М., Головин Б.Н. Общее языкознание. – М.: Просвещение, 1979. – 416 с.

Кияк Т.Р. О «внутренней форме» лексических единиц // Вопросы языкознания. – 1987. – № 3.

Канд. психол. наук Г.Н.Малюченко (Балашов)

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПОНИМАНИЮ ОБРАЗА МИРА НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА

Национальный язык, играя объединяющую, генеративную функцию для какой либо этнокультурной общности, предопределяет структуру мышления индивида и задаёт лексическое пространство альтернатив при выборе наименования тех или иных явлений и предметов. Каждый национальный язык вмещает в себя такие универсальные категории как «жизнь», «смерть», «мир». И поскольку это смыслообразующие категории, их смыслообразование предполагает лингвистическую «развертку» возможных артикулируемых способов понимания/объяснения того, что есть «жизнь» или того, каков «мир».

Остановимся более подробно на результатах психолингвистического анализа наиболее распространённых экстраполяций лексического и смыслового содержания слова «мир». В русском языке, научном, литературном и обиходном, слово «мир» создаёт основу для создания как минимум, четырёх смысловых рядов/контекстов.

В первом ряду «мир» выступает как некая мыслимая и немислимая *всеобщность, всеохватность*, по своему предельному смыслу и содержанию близкая к понятию «вселенная». Например, это подразумевают, когда говорят о том, что мы *«живём в огромном мире»* или *«семи днях сотворения мира»* Богом.

Второй смысловой ряд тесно связан с первым, но в тоже время привносит принципиально новые содержательно-смысловые оттенки, поскольку предполагает наличие обязательного соотношения, обязательной взаимосвязанности между единицами/объектами указанной «всеобщности». Это означает, что мир понимается как некая *упорядоченная* всеобщность, существование которой поддерживается иерархией определённых законов и закономерностей. Это находит отражение в понятии *«мировая гармония»* или в законе *«всемирного тяготения»*.

В третьем смысловом ряду слово «мир» раскрывается в ракурсе развития человеческого сообщества, общественного устройства, что находит полное или частичное отражение в таких понятиях как *«восточный мир»*, *«западный мир»*, *«мировое сообщество»* и т.п.

Наконец, в четвёртом смысловом контексте слово «мир» употребляется для именованя состояния «не-войны» т.е. того, что противоположно вражде и разладу, например *«договор о перемирии»*. Однако возможность присутствия в мире неких законов и соотношений не означает их абсолютную власть над всеобщностью, а тем более над людьми, наделёнными свободной волей и правом выбора. Иными словами, присутствие в данном смысловом ряду корневого слова «мир» чаще всего означает не всеобщую гармонию, а всего лишь *«мирное сосуществование»*. Достаточно вспомнить исторические реалии, породившие некогда широко употребляемые фразы *«мировая революция»* и *«борьба за мир во всем мире»*, а также проанализировать современные реалии, связанные с тем, что называется *«новый миропорядок»*.

Поскольку в «мире людей» постоянно случается столкновение «индивидуальных» миров с их индивидуальными порядками и «законами», это вполне закономерно время от времени порождает *«всемирный хаос»*. Не случайно столь многократно и многопланово раскрыта эта идея в произведениях русских писателей и философов Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, В.В. Розанова, Н.А. Бердяева, А.М. Ремизова, Е.И. Замятина и многих других.

Соискатель Н.В.Мартемьянова (Воронеж)

КОГНИТИВНЫЕ КЛАССИФИКАТОРЫ КОНЦЕПТА «ИГРУШКА»

Одной из центральных проблем когнитивной лингвистики является категоризация концептов, обозначенных словом или словосочетанием. Ей

посвящено достаточно большое количество работ ученых-лингвистов, а также специалистов в области когнитивной психологии.

Предметом нашего исследования является лексема «игрушка». Словами русского языка определяется денотативное значение слова («*вещь, служащая для игры*»), а также приводится ряд его переносных значений: *нечто легкое для выполнения, нечто красивое, изящное; тот, кто слепо действует чужой воле*.

Примеры из художественной литературы подтверждают эти дефиниции:

... единственными **игрушками** Феди в детстве были три картонные фигурки, которые по воскресеньям разрешалось ему перекладывать с места на место. (И.С.Тургенев. *Дворянское гнездо*) – «*вещь, служащая для игры*».

Федоровская церковь в Царском Селе – как старинная **игрушка**. Убранство ее богато. (В.Пикуль. *Нечистая сила*) – «*нечто красивое, изящное*».

Горько же сознавать, что ты – **игрушка** в чьих-то руках! (Л.Соболев. *Капитальный роман*.) – «*исполняющий чужую волю*».

В ходе исследования были выявлены и другие переносные значения слова «игрушка», не зафиксированные известными нам толковыми словарями:

В сравнении с броненосцами эти суденышки казались маленькими и безобидными **игрушками** (А.С.Новиков –Прибой. *Цусима*) – «*нечто крошечное, маленькое*».

Софья казалась ей подростком, который торопится выдать себя за взрослого, а на людей смотрит, как на любопытные **игрушки** (М.Горький. *Мать*) – «*нечто, вызывающее интерес*».

Федоровская церковь в Царском Селе – как старинная **игрушка**. Убранство ее богато. (В.Пикуль. *Нечистая сила*) – «*что-то красивое, нарядное*».

Иногда в роли «игрушки» могут выступать предметы, весьма далекие от атрибутов игры. Например:

Выбрось ты эту штуковину, Василий, - посоветовал он. – Опасная **игрушка**. (А. Приставкин. *Солдат и мальчик*.) – «*несущий опасность*»;

Граната наподобие пасхального яичка – такая веселая **игрушка**, – бросает иль в горстице ее тискает старшина, а у той пустяшной гранатки и чека пустяшная, что пуговка у штанов. (В.Астафьев. *Пастух и пастушка*) – «*внешне привлекательный, но таящий опасность*».

Интересными являются коннотативные значения понятия «*не игрушка*»:

Таким образом, анализ практического материала позволяет выявить когнитивные классификаторы концепта «игрушка» как мыслительного образования с «размытыми границами» и одновременно отбраковать и вывести из лексико-семантического поля «игрушка» одноименные языковые

единицы, план содержания которых «не схвачен» указанными выше классификаторами.

Аспирант А.А.Мытарева (Москва).

СИНОНИМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ РАЗНОУРОВНЕВЫМИ ЯЗЫКОВЫМИ СРЕДСТВАМИ

В современной лингвистике факт наличия в языке сходных по значению лингвистических единиц одного уровня является признанным. Синонимию находят среди всех основных единиц языка, обладающих семантическим значением: морфем, слов, предложений, фразеологических единиц. Имеется достаточно большое количество работ с детальным анализом проблемы синонимии между одноуровневыми средствами языка, однако несколько иначе обстоит дело с синонимией между разноуровневыми языковыми средствами. Синонимия между языковыми средствами разного уровня остается одной из проблем, нуждающихся в разработке.

В данной статье говорится о возможности передачи одного содержания посредством словообразовательных, лексических и синтаксических средств.

Значения, передаваемые дериватами, возникающими в результате модификационной деривации, обычно могут быть переданы и лексическими средствами. Пример: *медвежонок – детеныш медведя, домик – маленький дом, запеть – начать петь, поплакать – плакать некоторое время.*

Словообразовательные средства в основном обладают способностью выразить абстрактное значение, в отличие от средств лексических, которые могут выразить и абстрактное и конкретное значение (пр.: *поговорить – говорить некоторое время / говорить десять минут* и т.д.). Возможны случаи, когда тот или иной семантический компонент с разной или одинаковой степенью абстрактности выражается и словообразовательными, и лексическими средствами. Пример: сема «незначительная степень» в словосочетании *несколько тяжеловат*, где данная сема выражена дважды – и лексическим и словообразовательным средством (Л.А.Новиков 1992: 368).

Приведем несколько примеров передачи одного содержания словообразовательными, лексическими и синтаксическими средствами среди глаголов, существительных и прилагательных:

значение «вновь совершить действие»

воссоединиться – вновь соединиться

значение «начать действие»

запеть – начать петь

значение «повторно, заново, иногда по-новому»

*перезарядить – зарядить еще раз
реорганизовать – организовать*

	<i>по-новому/ иначе</i>
значение «носитель признака»	<i>старик – старый человек – человек, который состарился</i>
* «градационные значения» умеренная степень	<i>посильнее – более сильный моложавый – выглядит моложе своих лет</i>

В ряде случаев дериватор может заменяться целым словом без ущерба как для самого значения, так и для того узуса, который с таким обозначением связан. Но это не всегда так. Например, теоретически дериват *студентка* от *студент* может быть заменен на *девушка студент*, однако такое сочетание противоречит нормам русского языка (Л.А.Новиков 1992: 368).

Существуют и такие ситуации, когда только словообразовательные средства могут выполнить определенную коммуникативную задачу. Например, в дериватах *построить*, *написать* значение результативности практически невозможно передать с помощью средств лексического уровня языка.

Выше была приведена лишь малая часть примеров синонимии на словообразовательном, лексическом и синтаксическом уровнях. Проблема синонимии продолжает оставаться одной из наиболее актуальных в лингвистической литературе.

О.А.Михайлина (Краснодар)

ГЛАГОЛ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОСТРОЕНИЯ БАЗЫ ЗНАНИЯ

Рассматривая язык как специфический вид обработки информации, мы обратились к предметной области юриспруденции. С этой целью был выявлен корпус глагольных лексических единиц и глагольных фразеологических единиц, которые были распределены по семантическим группам (макрополям) в иерархию от абстрактных к конкретным. Поскольку объектом исследования послужил замкнутый, но не закрытый фрагмент семантического пространства, то “логико-семантические” отношения (Ю.Н.Караулов) данной группы лексических единиц приняли вид определенной системы. Эта система представляет собой единство организованных в тезаурусной форме макрополей, которые имеют мозаичную структуру, выраженную через набор микрополей (лексико-семантических глагольных парадигм). Классификация глаголов и глагольных фразеологических единиц по микрополям (дескрипторным ячейкам) осуществлялась с учетом контекста их употребления

Выделенные дескрипторные ячейки (семантические группы) представляет собой структуру из узлов и отношений, репрезентирующих систему текстов, описывающих **правоотношения между субъектами** – социально-культурные отношения, экономические отношения, политические отношения и власть, юридическая помощь гражданам, исполнение наказания, охрана порядка, судебная система.

На основе работы со специальной литературой и консультациями с экспертами была построена единая блок-схема, обобщающая структуру правоохранительных органов Англии и Америки: судебные органы, прокуратура, полиция, органы службы безопасности, налоговая полиция, таможенные органы, пенитенциарная система, нотариат адвокатура.

Сравнительный анализ блок-схемы и схемы дескрипторных ячеек показал, что выделенные дескрипторные ячейки перекликаются с задачами правоохранительной системы. На основании этого можно утверждать, что в результате распределения глаголов и глагольных фразеологических единиц по семантическим группам (дескрипторным ячейкам) в иерархию от абстрактных к конкретным, удалось построить когнитивную модель (фрейм) предметной области – “юриспруденция”. Полученная схема была построена из единиц естественного языка (глаголов и глагольных фразеологических единиц), что дает право рассматривать язык как когнитивный процесс, сущность которого заключается в переработке информации, закодированной в любом речевом произведении. Языковые структуры, подлежащие обработке, репрезентируют в памяти человека внешний мир и представляют собой его ментальные модели.

Аспирант Н.В. Павлова (Тверь)

КОМИЧЕСКОЕ КАК СПОСОБ ОТРАЖЕНИЯ МЫШЛЕНИЯ В ЯЗЫКЕ

Изучение специфики мышления, имеющей место в ситуации комического осмысления действительности, допускает ее рассмотрение с разных точек зрения, в том числе и с когнитивной позиции. Впервые идея о необходимости описания когнитивных структур, обеспечивающих протекание мыслительных процессов в ситуации, где возникает «комическое», была высказана М.Минским (Минский М. Структура для представления знаний // Психология машинного знания. – М.: Мир, 1978. – С. 249-339). Для него «комическое», понимаемое как «юмор», представляет собой некую «сетевидную модель», возникшую в результате срастания в единую сеть механизмов различных по своей направленности. Эта модель генетически восходит к системе «цензоров», которые охватывают аспекты человеческого мышления, служащие для распознавания ошибочных и противоречивых умозаключений. Процесс мышления взаимосвязан с механизмами возникновения комического эффекта, которые у Минского изучаются в терминах фреймовой теории. Понятие «фрейм» впервые было использовано М.Минским для объяснения скорости человеческого восприятия и осо-

бенностей мышления. Под фреймом понимается структура данных, предназначенных для представления стереотипной визуальной ситуации, причем образ, стоящий за фреймом, представляет собой не живое зрительное впечатление, а некое типизированное мыслительное представление, «стереотип» объекта или ситуации. По мнению М. Минского, неожиданная смена фреймов является самым общим элементом для всех видов юмора. Из этого следует, что специфика процесса мышления, направленного на осмысление юмористической ситуации, определяется следующими моментами. Во-первых, это ассоциирование несовместимых фреймов, создающих эффект двуплановости, благодаря которой возникает возможность воспринимать одну и ту же ситуацию по-разному. Это наводит на мысль о том, что юмор можно рассматривать в связи с аспектами мышления, которые осуществляют контроль над правильностью построения умозаключений. Возможность возникновения эффекта «неожиданности» в рамках фреймовой теории обуславливается тем, что «с каждым фреймом ассоциируется несколько видов информации, в том числе информация о том, как пользоваться данным фреймом, что можно ожидать в следующий момент, что сделать, если эти ожидания не подтвердятся» (М. Минский 1978: 250).

Концепция М. Минского является еще одним способом объяснения содержательных особенностей комического, на этот раз в рамках когнитивных представлений.

Канд. филол. наук Т.А. Полукарова (Пенза)

СИНТАКСИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ, ВЫРАЖАЮЩИЕ СРАВНЕНИЕ, В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Существование в языке структур, выражающих сравнение, обусловлено объективной необходимостью сопоставления предметов, явлений жизни по их сходству. Установлено, что непосредственное эмоциональное отождествление различных явлений действительности возникло ещё на ранней стадии развития общества. Позже возникло уже сознательное сравнение – сближение одного познаваемого явления с другим для осмысления и оценки его существенных свойств.

В отечественной лингвистике бытует точка зрения, согласно которой сравнение – синтаксическая структура, схема построения сложного знака, выполняющего компаративную функцию независимо от внешнего окружения. Такие синтаксические структуры обладают различной степенью сложности (от простых до сложноподчиненных предложений) и спаянности их частей; могут быть сравнениями-параллелизмами и образными сравнениями. Показателем сравнения считается слово или сочетание слов, соединяющее оба компонента сравнения. Таким показателем чаще всего выступает союз.

В английском языке союзами, оформляющими сравнение, являются *as, like, as if, as though*. Последние два союза также служат для выражения значения нереальности и предположения. В придаточных предложениях, вводимых указанными союзами, как правило, употребляются косвенные наклонения. Союзы, оформляющие сравнения, имеют стилистическую дифференциацию. Союз *as* стилистически наиболее нейтральный, *as if* характерен для разговорной речи, для языка научной и публицистической прозы, *as though* – для авторского повествования, возвышенного стиля. В настоящее время наблюдается тенденция к вытеснению *as, as if, as though* союзом *like*, хотя такое употребление союза *like* противоречит литературным нормам. Больше развитие данная тенденция получила в американском варианте современного английского языка.

Е.В.Полянина (Саратов)

ПРОИЗВОДНЫЕ ГЛАГОЛЫ С МЕТАФОРИЧЕСКОЙ МОТИВАЦИЕЙ

Семантика производного слова давно является объектом пристального внимания лингвистов. Однако многие проблемы семантических отношений между производным и производящим до сих пор остаются неизученными.

В частности, только намеченной (несмотря на большое количество работ, так или иначе касающихся этого вопроса) следует признать проблему не прямых мотивационных отношений в словообразовании. Большинство исследователей только констатировали наличие таковых отношений, а в некоторых случаях пытались создать классификацию различных типов семантической связи между производным и производящим (В.В.Лопатин, Г.Н.Плотникова, О.П.Ермакова, Е.А.Земская, И.С.Улуханов, И.А.Ширшов). Все многообразие типов можно свести к трем основным: а) производное усваивает и прямое и переносное значение производящего: *змея* “*пресмыкающееся*” и *перен.* “*коварный человек–змеиный*” “*относящийся к змее*” и *перен.* “*коварный, злобный*”; б) производное усваивает только переносное значение производящего: *рвать* *перен.* *прост.* “*получать, приобретать незаконным путем*” – *рвач* *разг.* “*тот, кто стремится извлечь для себя как можно больше выгоды*”; в) переносное значение образуется непосредственно в про-изводном: *крыло* “*орган летания*” – *окрылить* “*привести в состояние душевного подъёма*”; *ишак* “*осел*” – *ишачить* “*много и тяжело работать*” – это наиболее интересный и наименее изученный тип смысловых отношений, который получил наименование “*метафорическая мотивация*” (В.В.Лопатин).

В настоящей статье исследуются метафорически мотивированные приставочные и приставочно-постфиксальные глаголы. Такое сужение объекта исследования вызвано, во-первых, его сложностью, а во-вторых, тем, что метафорическая мотивация между производными одной части речи должна иметь свои особенности.

Прежде всего отметим то, что метафорическая мотивация не очень характерна для внутрислогового словообразования. Мы обнаружили 10 приставочных образований и 12 приставочно-суффиксальных: *ломать* – *уломать* “убедить”, *греть* – *огреть* “ударить”, *дуть* – *вздуть* “избить”, *чихать* – *начихать* “отнестись с пренебрежением”; *ходить* – *уходиться* “устать”, *резать* – *нарезаться* “напиться пьяным”, *рапортовать* – *зарапортоваться* “запутавшись, наговорить лишнего” и под.

Семантическая связь между членами словообразовательной пары в большинстве случаев очень слабая: значение производного базируется на потенциальных семах производящего или опирается на его ассоциативное окружение. Например, значение глагола *намахать* “написать, нарисовать быстро и небрежно” образовалось за счет актуализации потенциальной семы “руки” значения “делать движения, взмахи по воздуху” глагола *махать*.

Очень часто основную смысловую нагрузку в производном несет на себе формант. В этом случае семантика производного подчинена значению словообразовательного типа: *доиграться* “легкомысленным, неосторожным поведением довести себя до неприятностей” (ср.: *довертеться*, *допрыгаться*, *добежаться*, *дошалиться*); *нарезаться* “напиться пьяным” (*напиться*, *надраться*, *налимониться*); *уесть* “уязвить замечанием, репликой” (*уколоть*, *уязвить*); *проморгать* “упустить, не заметить” (*прозевать*, *пропустить*, *проворонить*, *прошляпить*), *разъесть* “нарушать целостность чего-л.” (*разрушать*, *раздирать*, *разрывать*).

Как видим, смысловую поддержку метафорически мотивированным глаголам оказывают прежде всего слова сниженного употребления, поскольку и сами подобные глаголы в большинстве случаев относятся к разговорной или просторечной лексике.

Докт. филол. наук А.А.Пузырев (Пенза)

ЗАКОН ЭКОНОМИИ УСИЛИЙ В АСПЕКТЕ ТЕТРАХОТОМИИ ВСЕОБЩЕЕ – ОБЩЕЕ – ОСОБЕННОЕ – ЕДИНИЧНОЕ

Закон экономии усилий (А.Мартине) известен каждому лингвисту. Наиболее очевидно этот закон проявляется в фонетических изменениях: фонетические изменения в различных языках часто подчинены довольно ярко выраженной тенденции к ликвидации «участков напряжения». Это всевозможные ассимиляции согласных, упрощение групп согласных, превращение полных гласных в редуцированные, ликвидация слоговых плавных и носовых, вокализация твёрдого «л», превращение твёрдого «г» в [γ] и т.д. (см.: Б.А.Серебренников 1990: 159).

Как выглядит закон экономии усилий в аспекте обычно используемой нами тетрахотомии *всеобщее-общее-особенное-единичное*? Ответу на этот

вопрос предположительно краткую характеристику используемой нами методологии.

Тетрахотомия *всеобщее-общее-особенное-единичное* составляет одну из несущих конструкций универсальной схемы научного исследования, предложенной русским философом А.А.Гагаевым (А.А.Гагаев 1991; А.А.Гагаев 1994). Пользуясь этой схемой, исследователь обязан выделять в собственном предмете четыре одновременно сосуществующих предмета (исходный предмет; развитый предмет в собственном смысле слова; то, во что он превращается; будущий предмет).

В терминах логики такое разделение предстаёт как разграничение четырех степеней отвлечённости-конкретности (*всеобщее, общее, особенное, единичное*).

В понятиях онтологии такое разграничение выступает как различение четырех ступеней сущности предмета – его *бытия, сущности, явления и действительности*.

Все указанные четыре грани выглядят как разграничение 4-х моментов: 1) исходных причин и условий какого-либо явления; 2) внутреннего закона развития данного явления; 3) материального факта как проявления указанного закона; 4) интерпретации, восприятия данного материального факта.

Операционализируя универсальную схему научного исследования применительно к категориальному аппарату лингвистики, ранее мы пришли к выводу, что четырём ступеням сущности языка соответствуют уровни мышления, языка (в собственном смысле слова), речи и коммуникации (см.: А.В.Пузырёв 1995; А.В.Пузырёв 2002).

В соответствии с выделением четырёх ипостасей языка (уровней мышления, языка, речи и коммуникации) следует говорить о существовании закона экономии: 1) мыслительных усилий; 2) языковых усилий; 3) речевых усилий; 4) коммуникативных усилий. Вполне допускаем мысль о том, что для достижения максимальной точности лучше говорить о существовании четырёх законов экономии (закон экономии в мышлении; закон экономии в языке; закон экономии в речи; закон экономии в коммуникации). Если смотреть детальней и выделить уровень психофизиологии, то можно дополнительно говорить и о законе экономии психофизиологических затрат.

Мы уже писали о том (А.В.Пузырёв 1999; 2002), что можно вычертить следующий ряд понятий, соответствующих основным единицам мышления, языка, речи и коммуникации: рефлексорный акт (психофизиологический аспект) – мысль (психологический аспект, уровень мышления) – предложение (уровень языка) – высказывание (уровень речи) – коммуникативный акт (уровень коммуникации).

Соответственно, закон экономии усилий проявляется в рефлексорных актах человека, в его мыслях, предложениях, высказываниях и в его коммуникативных актах.

Закон экономии в мышлении. Основанием этого закона является закон экономии физиологических затрат. Стереотипность человеческого мышления имеет психофизиологические основания.

Благодаря исследованиям акад. И.П.Павлова общим местом в науке стало представление о различении безусловных и условных рефлексов, представление о чрезвычайной устойчивости рефлексов. Чрезвычайная устойчивость системы рефлексов у человека позволяет экономить силы и не растрчивать их без особой нужды. Фиксация этого момента, повторимся, в науке является общим местом.

Особенно заметен закон экономии психофизиологических затрат при обучении ребёнка ходьбе. Первые шаги человек делает чрезвычайно неуверенно, с большими энергетическими затратами. Выработка (обычно к концу первого года жизни) автоматизированных навыков ходьбы позволяет ребёнку экономить свои силы и использовать их для решения более актуальных задач.

Здесь обратим внимание на такой достаточно тонкий момент, который имеет прямое отношение к самой жизни. Сделать первый шаг очень трудно – всё равно что сделать шаг в пропасть. И чаще всего эти первые шаги от кресла к дивану мы делаем успешно тогда, когда там, у дивана, нас ждут любящие руки мамы или папы. Можно сделать даже предварительный вывод о том, что наиболее успешно мы выходим за рамки закона экономии усилий тогда, когда там, на другом краю, нас ждут любящие руки.

Наиболее ярким проявлением закона экономии психофизиологических затрат является наличие у каждого человека динамических стереотипов, обязательным признаком которых является их устойчивость: динамический стереотип – это система условных рефлексов, образующихся в ответ на устойчиво повторяющуюся систему условных раздражителей. Динамические стереотипы бывают настолько устойчивы, что порою все ответы нервной системы воспроизводятся даже при предъявлении лишь одного из стимулов (см.: Словарь практического психолога 1998: 648).

В рамках психологических подходов к закону экономии мыслительных усилий исследователи вслед за З.Фрейдом обращают внимание на существование у человека различных способов психологической защиты (см.: Г.С.Абрамова 1999: 201-205; Л.Д.Столяренко 2001: 60-62; Психологическая энциклопедия 2003: 215-218 и мн. др.), вслед за Д.Н.Узнадзе говорят об огромном влиянии на поведение человека феномена установки.

Зачем личности нужны различные способы психологической защиты?

Защитное поведение позволяет человеку «уйти от угрожающей реальности» (потеря близкого человека, любимой игрушки, потеря любви со стороны других людей, потеря любви к себе и т.п.), иногда преобразовать эту угрозу. Различные способы психологической защиты позволяют человеку «уходить» от окружающей реальности в режиме экономии мыслительных усилий.

На какое-то время защитный механизм необходим, поскольку человек в данный момент не может решить свою проблему. Но если человек проблему так и не решает, то этот защитный механизм становится препятствием для полноценного существования человека во внутреннем и внешнем пространстве. В таком случае сами защитные механизмы порождают всё новые и новые проблемы, и жизнь человека становится всё более и более проблематичной. Иногда она становится проблематичной настолько, что он предпочитает умереть.

О каких именно защитных механизмах говорится в психологических исследованиях?

Идентификация – бессознательное уподобление себя какому-либо привлекательному в том или ином отношении субъекту (графу Монте Кристо, Дону Жуану, Дракуле, Фантомасу, А.Шварценегеру, М.Тайсону и т.п.). Именно идентификация лежит в основе того часто замечавшегося журналистами факта, что при смене руководства стремительно меняются привычки, образ мыслей и поведения подчинённых. Именно идентификация лежит в основе известного феномена повторения детьми сценариев судьбы их родителей: срабатывает установка «буду как папа (мама)». Достоинства идентификации – в принятии готовых норм поведения и в значительной экономии мыслительных усилий (задумываться о характере принимаемых норм субъекту не требуется). Недостатки – в том, что человек становится рабом присвоенных норм, т.е. теряет всякую возможность стать внутренне гибким и свободным.

Вытеснение – произвольное удаление из сферы сознания (в глубины подсознания), избирательное забывание неприятных или недозволенных желаний, мыслей, чувств и переживаний. Достоинства вытеснения – в возможности достичь какого-то внутреннего спокойствия и сделать это в режиме экономии мыслительных усилий. Недостатки вытеснения заключаются в том, что возникшая эмоциональная проблема игнорируется, не решается и становится угрозой психическому и физическому здоровью (психогенные головные боли, артриты, язва, астма, сердечные болезни, гипертония ит.д. – см.: Л.Д.Столяренко 2001: 61).

Близким к вытеснению является **подавление** – избегание человеком вызывающих эмоциональное напряжение мыслей, стараясь не думать о них (иногда такое мышление называется избегающим). Подавление отличается от вытеснения тем, что при нём вызывающая напряжение мысль в принципе доступна, но игнорируется и блокируется другой мыслью, тогда как при вытеснении она недоступна полностью. При неоднократном использовании этого способа психологической защиты реакция избегания становится привычной и уже используется вне рамок сознания. Как и все другие способы психологической защиты, подавление экономит массу мыслительных усилий (хотя в конечном счёте ведёт к саморазрушению).

Проекция – бессознательное стремление избавиться от навязчивых идей или желаний с помощью приписывания собственных качеств, мыс-

лей и чувств другому лицу. Достоинства проекции – в том, что можно не видеть бревна в собственном глазу и критиковать соломинку в глазу другого, что можно бороться с собственными ошибками, ничего не делая с самим собой и опять же экономить свои мыслительные усилия. Недостатки – в том, что объективное восприятие внешнего мира становится невозможным, что у человека теряется реалистичность восприятия и возникают различные эмоциональные и физические проблемы.

Образование симптомов – это бессознательный уход в болезнь или даже в смерть. Достоинства этого способа психологической защиты заключаются в том, что человек не решает своих проблем, а уход в болезнь позволяет – в рамках режима экономии мыслительных усилий – искать понимания или сочувствия у окружающих. Особенно хорошо осознают это достоинство ухода в болезнь дети: «Когда я болею, мама меня любит». Недостатки этого способа психологической защиты очевидны: болезни становятся хроническими и приближают уход из жизни.

Рационализация – бессознательная попытка найти правдоподобное обоснование своему неправильному или абсурдному поведению, причём истинная причина собственных поступков человеком может не осознаваться. Достоинства рационализации – в том, что становится возможным сохранение самоуважения и самоутверждение против внешней критики. Недостатки – в том, что в стремлении выглядеть лучше в глазах других людей человек, экономя мыслительные усилия, исключает деловое и конструктивное обсуждение возникающих и множасьихся проблем.

Оглушение – бессознательный уход от возникших проблем с помощью принятия алкоголя или наркотиков. Достоинства этого способа психологической защиты заключаются в том, что на короткое время возникает ощущение внутренней силы и внутреннего покоя. Никаких мыслительных усилий для решения возникшей эмоциональной проблемы при этом не предпринимается, что позволяет сэкономить свои силы. Недостатки такого способа психологической защиты настолько очевидны, что говорить о них особой необходимости, вероятней всего, просто нет.

К **оглушению** можно отнести и чрезмерное увлечение компьютерными играми или игральными автоматами, теми или иными азартными играми. Достоинства этого способа психологической защиты те же: он позволяет экономить мыслительные усилия. Недостатки же несколько иные – или перерасход электричества (если человек играет дома), или перерасход денежных средств. В то же время отказ от решения насущных психологических проблем не может не сказаться на психическом и физическом здоровье.

Экранирование – способ психологического отгораживания от психических нагрузок, беспокойства, страхов с помощью внутреннего экрана, «зеркала». Достоинства этого способа – в возникновении кратковременного чувства покоя, стабильности, расслабления и уравновешенности. Недостатки заключаются в том, что хотя мыслительные усилия и экономятся,

но симптомы исчезают без устранения причин, а это приводит к накоплению отрицательных переживаний и отклонений в здоровье психогенного характера.

Толкование бессилием – способ психологической защиты, при котором человек избегает решения своих проблем под предлогом того, что от него ничего не зависит. Самое большое преимущество такого способа – в том, что когда человек говорит: «Я ничего не могу сделать – таковы обстоятельства» – то он провоцирует окружающих на участие в его судьбе, а сам он при этом экономит массу сил. Даже если данная манипуляция не возымеет действия, то человек – избегая решения своих проблем – продолжает жить в режиме экономии мыслительных усилий.

Сублимация – преобразование энергии подавленных, запретных желаний в другие виды деятельности, которые разрешены или даже поощряются в обществе. При сублимировании человек экономит свои мыслительные усилия, поскольку своих истинных психологических проблем он не решает. В чём достоинство такого способа экономии мыслительных усилий? – В том, что энергия напряжения воплощается в социально полезной деятельности (спорт, творчество, наука и т.д.). В чём основной недостаток? – В том, что причины возникшего напряжения упускаются, сублимированное напряжение не исчезает, поэтому возникает более или менее осознанное состояние фрустрации.

Замещение – перевод эмоционального импульса с более опасного объекта или субъекта на менее опасный. Например, мужчина, которого наказали на работе, устраивает скандалы дома, перенося свою агрессию против начальника на своих близких. В некоторых случаях специалисты говорят о такой форме замещения, когда замещение направляется против самого себя: агрессивные импульсы, адресованные другим, переводятся на себя, что вызывает подавленность и самоосуждение. Замещение также является способом экономии мыслительных усилий, поскольку позволяет не задумываться об истинных психологических проблемах. Достоинства данного способа психологической защиты заключаются в том, что человек, избегая возмездия, освобождается от переполняющей его негативной энергии. С этим достоинством напрямую связаны и недостатки данного способа психологической защиты: замещающий объект часто страдает. Замещение может иметь социально-негативные последствия, в результате которых субъект получит новую фрустрацию – круг замкнётся, и бумеранг вернется к нему.

Образование реакций (или **реактивное образование**) – способ маскировки имеющихся чувств проявлением реакций противоположного характера: щедрость в таком случае является защитой от скупости, чистоплотность – защитой от неряшливости. Достоинство этого проявления закона экономии мыслительных усилий заключается в том, что за счет новых видов взаимодействия появляется возможность уменьшить имеющее-

ся напряжение. Недостаток – в том, что образование реакций приводит к лжи, которая затягивает самого человека и окружающих его людей.

Бегство – такой способ психологической защиты, при котором человек избегает психотравмирующих раздражителей (в том числе и личностей). Основное достоинство этого способа психологической защиты несомненно: этот способ помогает экономить мыслительные усилия и не обращать внимания на имеющиеся психологические проблемы. Настолько же очевидны и недостатки этого способа психологической защиты: психологические проблемы человека остаются нерешёнными, что впоследствии рождает проблемы с саморегуляцией.

Играние ролей – своего рода надевание маски той или иной роли (*Весельчака, Шута, Тигра, Начальника* и т.п.). Достоинство этого способа психологической защиты – в том, что маска роли приносит безопасность, а это позволяет экономить мыслительные усилия. Недостаток – в том, что блокируется свобода самовыражения, что человек теряет возможность быть понятым окружающими и общаться искренне и открыто.

Регрессия – психологическое возвращение человека к более ранней стадии жизни, в которой он чувствовал себя в безопасности. Например, покинутый любовник может искать внимания у своих бывших партнёров или даже своей матери. При этом типе поведения человек может неожиданно «впасть в детство». Достоинство этого способа психологической защиты очевидно – оно тоже позволяет экономить мыслительные усилия. Недостатки столь же очевидны: человек демонстрирует более примитивное поведение, нежели раньше, и теряет свою привлекательность как для окружающих, так и для самого себя (а с потерей радости жизни уходит и она сама).

Окаменение, притупление чувств – своего рода внутренний запрет на выражение чувств. Достоинства этого способа психологической защиты лежат на поверхности: ориентируясь на поведение автомата, создавая картину полной безэмоциональности и невозмутимости, человек экономит значительные мыслительные и эмоциональные ресурсы. В то же самое время панцирь, надетый на чувства, наращивает «депо мышечного напряжения», и человек, не позволяющий себе быть эмоциональным, становится больным телесно и психически.

Не останавливаясь подробно на всех известных способах психологической защиты, отметим их общие свойства: 1) они на какое-то время снижают уровень эмоционального напряжения; 2) из-за них человек теряет адекватное (точное) восприятие реальности; 3) люди обычно не осознают используемых ими способов психологической защиты и, в результате этого, сокращают продолжительность собственной жизни.

Несколько иной характер носит такой способ психологической защиты, как компенсация. Когда человек чувствует себя в каком-то отношении хуже других, он, стремясь преодолеть чувство собственной неполноценности и связанную с ним тревогу, может приложить дополнительные усилия

для достижения успеха в той области, где чувствует свою неполноценность.

Различают собственно компенсацию и гиперкомпенсацию. При компенсации в собственном смысле слова человек добивается успеха не в той области, где он неуспешен, а в других областях и тем самым удовлетворяет своё самолюбие. При гиперкомпенсации человек добивается успеха именно в той области, которая у него до сих пор вызывала тревогу и внутренние сомнения.

Гиперкомпенсация – это способ скорее не психологической защиты, а психологического нападения. Это способ психологического нападения на собственную нерешительность, неуспешность. Этот способ представляет собой эффективную и адекватную реакцию (примером именно такого поведения может служить Демосфен, ставший выдающимся греческим оратором, хотя в детстве страдал недостатками дикции). При гиперкомпенсации, однако, об экономии мыслительных усилий говорить не приходится: человек в этом случае выходит за рамки действия закона экономии мыслительных усилий и улучшает собственный мыслительный механизм.

С нашей точки зрения, рассматриваемый вопрос непосредственным образом связан со вполне насущным вопросом об увеличении продолжительности жизни.

Напомним, что согласно второму закону термодинамики, «при самопроизвольных процессах в системах, имеющих постоянную энергию, энтропия всегда возрастает» (нем. физик Р.Клаузиус, 1865). Энтропия, напомним, это мера беспорядка в системе: минимум энтропии наблюдается в совершенном образе организованных системах, а максимальная энтропия соответствует полному хаосу. Всякая система, состоящая из очень большого числа частиц, будет переходить от состояний менее вероятных к состояниям более вероятным, осуществляющимся большим числом способов. Все виды энергии стремятся к превращению в тепловую, а она равномерно распределяется по пространству (состояние максимума энтропии – об энтропии см., напр.: Энциклопедический словарь юного физика 1984: 331-332).

Если человека (и вообще, и конкретного в частности) посчитать физической системой – а системный характер психологических и физиологических процессов в нём не будет признаваться только лишь самыми неграмотными людьми – то закон экономии мыслительных усилий, обеспечивающий постоянный характер мыслительной энергии, мы должны признать законом человеческого саморазрушения (в частности, законом сокращения продолжительности жизни). Поскольку все перечисленные способы психологической защиты (за исключением такого способа психологического нападения на собственные проблемы, как гиперкомпенсация) являются частными проявлениями закона экономии мыслительных усилий, постольку все эти способы мы обязаны признать проявлением закона человеческого саморазрушения.

Логично вытекающим выводом выглядит вывод о том, что единственно эффективным способом продления собственной жизни – повышать активность своей умственной деятельности и выходить за рамки экономии мыслительных усилий.

Когда маленький человек овладевает языком, он, наряду с несомненными приобретениями, в чём-то и проигрывает. Дело в том, что язык, каким бы совершенным он ни был, всегда открывает малышу уже готовую картину мира и в чём-то сковывает творческую мысль. Очень хорошо об этом высказался академик Лев Владимирович Щерба: «Литературный язык, которым мы пользуемся, – это подлинно драгоценнейшее наследие, полученное нами от предшествующих поколений, драгоценнейшее, ибо даёт нам возможность выражать свои мысли и эмоции и чувства и понимать их не только у наших современников, но и у великих людей минувших времён.

Более пристальное рассмотрение нам показывает, что наш литературный язык часто заставляет нас отливать наши мысли в формы, им заранее заготовленные, что он иногда шаблонизирует нашу мысль; но дальше оказывается, что он же даёт материал для преодоления этих форм, для движения мысли вперёд. Ищущим, настойчиво добивающимся он позволяет быть творцом выражения новой мысли, он позволяет дополнять и развивать себя. Таким образом, он является и нашим отцом и нашим детищем» (Л.В.Щерба 1957: 113).

«Эта система (т.е. наш язык) имеет громадный ассортимент готовых шаблонов, готовых фраз и даже готовых мыслей. Эта система (т.е. наш язык) имеет громадный ассортимент готовых шаблонов, готовых фраз и даже готовых мыслей. И это естественно: человеку в процессе повседневного общения нет времени для особого языкотворчества, и он в громадном большинстве случаев пользуется готовыми фразами (на самом деле это не совсем так, и акт творчества в разной мере сопутствует всякому говорению и даже пониманию речи; но обсуждение этого вопроса завело бы нас слишком далеко). Что касается „готовых мыслей“, то, позволяя себе как лингвисту лингвистический каламбур, я склонен утверждать, что всякая готовая мысль есть отсутствие мысли как некоего динамического процесса. Язык наш часто помогает нам не думать; мало того, он зачастую тиранически мешает нам думать, ибо незаметно подсовывает нам понятия, не соответствующие больше действительности, и общие, трафаретные суждения, требующие еще диалектической переработки» (Л.В.Щерба 1957: 131).

«Найти способы для выражения новых мыслей – задача нелёгкая и требующая высшего напряжения всех духовных сил» (Л.В.Щерба 1957: 131-132).

Закон экономии в языке. Условия статьи не позволяют подробно останавливаться на законе экономии в языке, тем более что данный вопрос очень глубоко и разносторонне уже был исследован другими учёными

(см., напр.: Б.А.Серебренников 1988: 93-114, чей материал нами здесь приводится со значительными сокращениями).

В чём проявляется тенденция к экономии в различных языках мира?

В самых различных языках мира достаточно хорошо прослеживается тенденция к ослаблению участков напряжения (к облегчению произношения). Так, например, сочетание носового гласного и гласного простого типа $\tilde{a} + o, e$ и т.д. представляет исключительные трудности для артикуляции. По этой причине ни в одном из языков мира, имеющем носовые гласные, оно не встречается.

Наблюдающееся во многих языках мира устранение долгих гласных понятно потому, что каждый долгий гласный создаёт участок напряжения, связанный с повышенной затратой произносительных усилий. Разгрузка этого участка напряжения достигается 1) сужением долгих гласных; 2) устранением долготы гласных путём дифтонгизации.

В свою очередь, наиболее общей причиной монофтонгизации дифтонгов является стремление уменьшить участки напряжения, создаваемые дифтонгами.

Экономия артикуляционных усилий проявляется в различных типах ассимиляции. Например, в слове *сделал* первый согласный произносится как звонкий: ассимиляция шумных согласных перед шумными по звонкости-глухости в современном русском языке является фонетическим законом, не допускающим никаких исключений.

Стремление к экономии проявляется в языке и в виде тенденции к уменьшению количества различных моделей. Так, метафоризация оберегает язык от непомерного разрастания словарного состава и тем самым способствует экономии языковых средств.

Общим местом (своего рода топиком) является мысль о том, что всякое слово уже обобщает. Обобщающая сила слова – тоже свидетельство экономии языковых средств.

Закон экономии в речи. Экономия речевых средств чаще всего проявляется в долгом и немотивированном молчании, а также в неразговорчивости. Позволим себе проиллюстрировать этот момент анекдотом:

Два финна ловят в заливе рыбу. Один дёргает удочку и вытягивает прелестную русалку. Подержав её некоторое время на руках, он бросает её обратно в море. Через некоторое время второй спрашивает:

– Почему?

Ещё через несколько минут первый отвечает:

– А как?

Закон экономии в коммуникации. Экономия коммуникативных усилий чаще всего обнаруживает себя в тех случаях, когда коммуниканты не слышат друг друга, слышат только самих себя и зачастую демонстрируют квазикоммуникацию. Нами уже приводился диалог двух старушек, записанный в пензенском магазине «Дон»: «Ну, как дела?» — «Да плохо...» — «Ну и слава богу!..» Начинаящая и заканчивающая диалог ста-

рушка настолько не слышит ту, о состоянии дел которой спрашивает, что допускает формулу ободрения «слава богу». Это любопытно, но вторая старушка никакого соответствия так и не заметила. Очевидно, что квазиобщение в действительности имеет место значительно большее, нежели это замечают рядовые носители языка и даже лингвисты.

Если говорить точно, то на уровне коммуникации закон экономии усилий демонстрирует экономию и мыслительных, и языковых, и речевых усилий одновременно.

Почему автор настоящего доклада, в отличие от уважаемых коллег, говорит не о «тенденции к экономии затрат», а о **законе** экономии усилий? На наш взгляд, о законе экономии усилий (на уровнях мышления, языка, речи и коммуникации) следует говорить потому, что он тотален, и отступления от него являются скорее исключением, нежели правилом (хотя исключения, безусловно, тоже имеют место).

Вероятней всего, именно **закон экономии мыслительных усилий** приводит к тому, что так мало оказывается понимающих людей. Вероятней всего, именно поэтому акад. И.П.Павлов пришёл к неутешительному выводу, что ум российской интеллигенции не соответствует параметрам, предъявляемым к умным людям. Вероятней всего, именно поэтому Лев Толстой однажды записал в своём дневнике: «Я боялся говорить и думать, что 99/100 – сумасшедшие. Но не только бояться нечего, но нельзя не говорить и не думать об этом» (запись от 10 апреля 1884 года).

Вероятней всего, использование универсальной схемы научного исследования, предложенной выдающимся русским философом, может стать серьёзным шагом на пути к поумнению нации: эта схема является методом, и в этом её главная сила. Владение ею очень практично: в некоторых случаях её использование позволяет снимать болевые симптомы в течение нескольких минут. В данном вопросе согласимся с авторитетным мнением А.А.Меняйлова: «...Чудотворное исцеление к мистике не имеет никакого отношения. Всё очень просто – *надо всего лишь понимать, как устроен человек, как «работает» подсознание*» (А.А.Меняйлов 2004: 71).

Молодым людям знание универсальной схемы научного исследования, точнее – перевод её на язык философии жизни, может помочь построить счастливую семью. В этом мы солидаризируемся с мнением А.А.Меняйлова, высказанным в другой книге: «Население в своём большинстве (99,9% и более) не обладает достаточной силой критического мышления, чтобы быть личностями. Они представляют собой, если называть вещи своими именами, стадо.

Их вожди в основе своей такие же исполнители. Вожди и стадо составляют стаю.

Два розовых фламинго, самец и самочка, оставшись в одиночестве, так и умрут без потомства – чтобы оказаться способными размножаться, они должны быть поглощены стаей. Способные к критическому мышлению да разумеют.

Но кроме исполнителей-толпарей есть и *неугодники*.

По принципу «подобное к подобному» они в веках оказываются территориально сближены, образуя *метанацию*. Звериная враждебность мировой стаи к *метанации* – это фактор, который историки и политики от свержения приказ замечать не получили, тем не менее, именно этот фактор определяет мировые катаклизмы.

Неугодники – не «розовые фламинго», хотя и могли влачить в прошлом цепь увлечений и браков. Их истинная *судьба* – *половинка...*» (А.А.Меняйлов 2003: 11).

Этим оптимистичным суждением мы и закончим своё выступление.

Цитируемая литература:

Абрамова Г.С. Практическая психология: Учебник для студентов вузов. – 4-е изд., перераб. и доп. – Екатеринбург: Деловая книга, 1999. – 512 с.

Гагаев А.А. Теория и методология субстратного подхода в материалистической диалектике. – Саранск: Изд-во Мордовск. ун-та, 1991. – 308 с.; вкл.

Гагаев А.А. Теория и методология субстратного подхода в научном познании: К вопросу о понятии "субстрат" в классической, неклассической, постнеклассической науке и метафизике. – Саранск: Изд-во Мордовск. ун-та, 1994. – 48 с.

Меняйлов А.А. Сефирот: Записки зятя главраввина 2. – М.: Крафт+, 2003. – 288 с.

Меняйлов А.А. Сталин: прозрение волхва. – М.: Крафт+, 2004. – 352 с.

Психологическая энциклопедия / Под ред. Р.Корсини, А.Ауэрбаха. – 2-е изд. – СПб.: Питер, 2003. – 1096 с.: ил.

Пузырёв А.В. Анаграммы как явление языка: Опыт системного осмысления. – М.; Пенза: Ин-т языкознания РАН, ПГПУ им. В.Г.Белинского, 1995. – 378 с.

Пузырев А.В. Элементы и единицы русского языкового мышления, русского языка, русской речи и коммуникации и нуль в курсе «Современный русский язык» // Актуальные проблемы лингвистики в вузе и в школе (Пенза, 23-27 марта 1999 г.): Материалы 3-ей всероссийской Школы молодых лингвистов. – М.; Пенза: Ин-т языкознания РАН; ПГПУ им. В.Г.Белинского, Пензенский ИПКиПРО, 1999. – С. 13-28.

Пузырев А.В. Опыты целостно-системных подходов к языковой и неязыковой реальности: Сборник статей. – Пенза: ПГПУ имени В.Г. Белинского, 2002. – 164 с.

Серебрянников Б.А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление. – М.: Наука, 1988. – 242 с.

Серебрянников Б.А. Законы развития языка // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 159-160.

Словарь практического психолога / Сост. С.Ю.Головин. – Минск: Харвест, 1998. – 800 с.

Столяренко Л.Д. Основы психологии. – 4-е изд., перераб. и доп. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2001. – 672 с.

Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1957. – 188 с.

Энциклопедический словарь юного физика / Сост. В.А.Чуянов. – М.: Педагогика, 1984. – 352 с., ил.

Канд. филол. наук В.К.Радзиховская (Москва)

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ ВЗАИМНОСТИ В ПСИХОФИЗИЧЕСКОМ ПОЛЕ РАЗУМНО-ЖИЗНЕННОГО ОБЩЕНИЯ

1. Разумно-жизненное общение есть способ реализации человеком познавательно-ориентирующей деятельности, которую он осуществляет с помощью языка в речи в «актах смыслоразличения» (А.Ф.Лосев 1989: 11), обеспечивающих *формирование мысле-рече-языкового единства*. Мысли А.Ф.Лосева о языке как инструменте «разумно-жизненного общения людей» (А.Ф.Лосев 1989: 11) непосредственно коррелируют с идеями В.Дорошевского о познавательно-ориентирующей функции языка: «Познавательная функция языка, состоящая в различении действительности на все новые элементы и связывании этих элементов в комплексы отношений, неустанно расширяет границы деятельности, посредством которой человек сознательно формирует свою жизнь» (В.Дорошевский 1973: 181).

2. Поле разумно-жизненного общения выступает как форма существования человека. Структурная организация этого поля определяется пространством-временем *психофизического единства* участников общения как квантов социума, для которых важна согласованность (самосогласованность) всех отношений в этой системе по цели самосохранения и совершенствования.

Потребность в упорядочении этой системы есть основание её устойчиво-подвижной организации, обеспечивающей ей гибкое функционирование, живое существование на основе стремления к ладу, гармонии, любви - взаимности в отношениях людей.

3. Существование психофизического единства поля разумно-жизненного общения является основанием для формирования в языке функционально-семантической категории (ФСК) взаимности. Языковые формы (категории) как элемент триединства мысли, речи, языка формируются на основании *оценки* (В.К.Радзиховская, А.П.Кириянов 1997: 71-87). ФСК взаимности формируется в языке на основе положительной коннотации на фоне стремления человека к гармонии и ладу во имя его жизни на Земле, когда естественным образом соединяются, сплавляются светлые и тёмные стороны отношений людей с окружающим миром.

Языковой код соответственно нарабатывает лексические и грамматические средства для обозначения поля взаимности и антивзаимности (В.К.Радзиховская 2000: 12; В.К.Радзиховская 1997: 66].

4. Отражая базисную мотивацию своего формирования, ФСК взаимности в русском языке имеет *наиболее широкую охватность языковых форм в функциональном плане*. В русском языке сформировался грамматический центр этой категории на основе специального взаимного местоимения *друг друга*. В других языках такую плотную специфическую форму выражения взаимности мы не находим – используются местоименные выражения типа 'один другого', 'один за другим' (ср. русск. *друг за другом*). С другой стороны, в русском языке исторически наименование лица – участника истинно взаимного действия (желательного, желанного – положительного) восходит как раз к местоимению *другой* ('любой'). Ребенок дошкольного возраста удивляется и «поправляет» речь взрослых: «Мама, что такое война?» – «Это когда люди убивают друг друга». – «Не друг друга, а враг врага!» (К.И.Чуковский 1960: 153).

5. Использование языковых средств в речи осуществляется на основе оценки в соответствии с требованиями принципа *функциональной целесообразности*, так что языковые средства, ориентированные по коду на обозначение истинно взаимного действия, могут в речи получить отрицательное звучание, значение антивзаимного действия и наоборот. Тексты в этом отношении проявляют большое разнообразие, дают различные столкновения этих оценочных позиций. Показательны в этом отношении слова Печорина в главе «Тамань» романа М.Ю.Лермонтова «Герой нашего времени»: «*И зачем было судьбе кинуть меня в мирный круг честных контрабандистов?*» (выделено мною. – В.Р.).

6. Сложное триединство мысли, речи и языка не являет в каждом речевом действии *структурной целостности* ФСК взаимности (как и любой другой языковой категории). В тексте мы имеем дело с фрагментами языковой структуры, использующимися в соответствии с принципом функциональной целесообразности и получающими *актуальную цельность по ситуации в силу квантовой природы мысле-рече-языкового феномена*. Неизбежные при этом разрывы и нарушения системных образований то в мыслительной, то в языковой, то в речевой стороне мысле-рече-языкового феномена восполняются по ситуации или ощущаются как дефекты мыслерече-языковой деятельности. Как несоответствие языковому коду воспринимается высказывание девушки. «*Где тот герой, которого я могла бы взять замуж?*» (Телешоу, 2002 г.).

7. Психофизическое поле разумно-жизненного общения, функционально-семантическая категория взаимности в языке, речевые организации, манифестирующие ситуацию разумно-жизненного общения, представляют собой в целостности квантовое явление со всеми характерными для него признаками: *квантованностью* всех его составляющих, *нелинейностью* отношений в них, *иерархичностью* строения, *динамической*

разнородностью отклика на внешнее воздействие, *открытостью* всех взаимодействующих подсистем и элементов, необходимой *самосогласованностью*, *способностью к развитию путём преодоления катастроф* (больших и малых), *альтернативностью* путей развития (преодоления катастроф), *эвристичностью* (непредсказуемостью) итога взаимного действия и его отображения в языке и речи (А.П.Кириянов, В.К.Радзиховская 2002: 100-109).

Докт. филол. н. И.М. Румянцева (Москва)

ЕЩЕ РАЗ О МЫШЛЕНИИ И РЕЧИ

(В АСПЕКТЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ ЧЕРЕЗ ИЛПТ)

Необходимость развития мышления в процессе обучения иноязычной речи определяется тем очевидным фактом, что мышление и речь теснейшим образом связаны между собой.

Существует мнение, в частности Р.С. Немова, что мышление не следует рассматривать как отдельный психический процесс, поскольку «оно незримо присутствует во всех других познавательных процессах: в восприятии, внимании, воображении, памяти, речи». Такой подход представляется нам не совсем оправданным, ибо то же самое характерно и для всех перечисленных выше психических процессов, которые являются взаимопроницаемыми, или, по терминологии Л.М. Веккера, «сквозными».

Передавая мысль С.Л. Рубинштейна, можно сказать, что познание человеком объективной действительности, начинается с многочисленных ощущений и восприятий. Но если ощущения и восприятия отражают отдельные стороны явлений в более или менее случайных сочетаниях, то мышление соотносит данные ощущений и восприятий – сопоставляет, сравнивает, различает, раскрывает отношения и «чувственно не данные» абстрактные свойства вещей, выявляет их взаимосвязи, и тем самым глубже познает сущность действительности. Задача мышления заключается в том, чтобы выявить существенные связи, основанные на реальных зависимостях, отделив их от случайных совпадений по смежности в той или иной частной ситуации.

Основной задачей разработанного нами Интегративного лингвопсихологического тренинга (ИЛПТ) как метода обучения иноязычной речи является развитие, в первую очередь, творческого мышления, обеспечивающего гибкость и плодотворную работу всех познавательных процессов, в том числе и речи. Творческое мышление включает в себя, как неотъемлемую часть, воображение, а значит, и обязательную образность.

Существует также мнение, что речь, которая тесно сопряжена с логическим мышлением, не имеет связи с образным мышлением. Так, М.Р. Львов в учебнике «Основы теории речи», разъясняя соотношение «мышления и речи», пишет: «Из трех известных видов мышления – конкретно-

действенного, образного и логического – лишь последнее действительно функционирует на языковом материале. Первые два обходятся без языковых единиц, и неизвестно, применимы ли к этим видам мышления понятия знака и кода».

Нам представляется, что в данном утверждении произошло смешение понятий языка и речи. Язык – это, действительно, знак и код. Но речь – это понятие более широкое: помимо стороны знаковой, в ней присутствует еще психическая сторона. Языковые знаки и коды, воздействующие на анализаторы человека, отражаются и отображаются в психике человека в виде образов и неких схем. Приведем созвучное нашим мыслям высказывание Л.М.Веккера: «К речи как к собственно психическому процессу относятся, прежде всего, образы слов. Слуховые, зрительные или кинестетические образы слов – в прямом и точном смысле этого понятия частный случай образов и, соответственно, частный случай психических процессов, отвечающий их сенсорно-перцептивному уровню, но уже не предметного, а речевого восприятия. И если слова, воздействующие на анализаторы человека, слова как второсигнальные раздражители представляют собой типичную форму кодов (в данном случае речевых), то образы слов есть психическое отображение этих кодов». Правда, добавим мы, языковые средства могут отражаться в психике человека, как в образах, так и в виде определенных «схем».

Именно поэтому мы утверждаем, что с речью соотносимо как логическое, так и образное мышление. Мышление, в первую очередь, связано с внутренней речью, которую Н.И.Жинкин так и определил (очень тонко и точно) как «код образов и схем».

Таким образом, для формирования речи очень важно развивать не только логическое, но и образное мышление, а также мышление творческое, которое «окрыляет как ум, так и душу», что и является одной из главных задач ИЛПТ.

Канд. филол.н. Э.А.Салихова (Уфа)

ЯЗЫК КАК ДИФФЕРЕНЦИРУЮЩИЙ ПРИЗНАК НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Как компонент духовной культуры язык занимает в ней особое место. В то же время он является необходимым средством и условием возникновения, развития и функционирования других компонентов культуры. В нем как одном из специфичных компонентов этнической культуры проявляется различие культур разных народов. В указанном контексте язык рассматривается некоторыми исследователями как главный фактор этнической интеграции и как основной этнодифференцирующий признак этноса. Отмечается, что выполнение языком дифференцирующей для данного этноса функции предполагает определенную языковую общность: с одной

стороны, он является инструментом самосохранения этноса, с другой, – обособления его от других этнических культур.

Как известно, любой национальный язык не является замкнутой системой, характеризующейся лишь определенным набором языковых средств и свойств. Напротив, общность его основных функций предполагает наличие неких универсальных для всех национальных языков компонентов – общенациональных значений (смыслов), которые формируются общечеловеческой практикой. В языковедении данная проблема в настоящее время вводится в контекст исследования мыслительной деятельности человека. Принципиальным в выяснении общечеловеческого и национально-специфического особенностей языковых культур является вопрос о соотношении значения и смысла. По Л.С.Выготскому, смысл выступает как аналог значения в конкретной действительности. Поскольку национально-культурная специфика ярко проявляет себя в деятельности, то общенациональные значения, воспринятые через национальную культуру, соответственно «насыщаются» своеобразным национально-культурным смыслом. Это позволяет некоторым исследователям (Е.Ф.Тарасов, Ю.А.Сорокин) говорить о «национальном смысле». Наряду с обязательными совпадениями значений интернациональных лексических *стереотипов* существуют и значительные расхождения в значениях этих единиц. Их набор в известной степени варьируется от языка к языку, поэтому говорят об *избирательности* некоторых из них, которая, по-видимому, и создает национально-культурную специфику «языковой картины мира». Применительно к лингвистике она представляет определенную систематизацию плана содержания языка. Для выявления сути «национальной картины мира» (НКМ) важно выяснение того, какой «сеткой координат» данный народ улавливает мир. Существуют разные виды человеческого сознания (индивидуальное, обыденное, коллективное, научное и пр.), каждое из которых результат осмысления мира фиксирует в матрицах языка, обслуживающих данный вид сознания. Значит, можно говорить о множественности языковых картин мира.

НКМ, несомненно, оказывают влияние на специфику образных ассоциаций, сопровождающих восприятие действительности представителями какой-либо локальной культуры. Национально-культурная специфика проявляет себя на любом уровне речи, что подтверждается межъязыковыми сопоставлениями ассоциативных экспериментов. Материалы словарей ассоциативных норм различных языков подтверждают не только факт, что этнографически связанная лексика формирует в сознании разноязычных испытуемых специфические ряды ассоциаций, но и отражает многочисленные факты неодинакового восприятия лексикографических эквивалентов. Именно они свидетельствуют о своеобразии в направлениях лексического ассоциирования информантов, выявляют и разнообразие представлений, связанных со словом-стимулом, и неидентичность восприятия предметов, названных стимулом.

Таким образом, в индивидуальной языковой картине мира благодаря слову посредством его общепринятого значения высвечивается перцептивный, когнитивный и аффективный опыт человека (А.А.Залевская), подвергаемый обобщению и абстрагированию от частных моментов вследствие включенности языковой личности в социум, этнос, культуру.

Аспирант И.А.Рёбрушкина (Саранск)

СИСТЕМНО ОРИЕНТИРУЮЩИЕ ТЕРМИНЫ ЛИНГВИСТИКИ

Вопросам терминологии в науке традиционно принято уделять повышенное внимание. Однако практика показывает, что именно термин нередко становится причиной помех, возникающих в процессе познания, причем вызвано это бывает не только субъективными, но и объективными причинами – недостатками терминосистемы и термина как микросистемы.

Обнаруживать и минимизировать эти недостатки во многих случаях позволяет применение такой понятийно-терминологической единицы, как *ориентация*. Это понятие, не новое для лингвистики, но мало востребованное ею, представляет собой свойство, которое показывает, насколько состав термина (его буквальное значение) соответствует его актуальному терминологическому значению (Д.С.Лотте, М.Г.Бергер).

Уточняя триаду *правильно ориентирующие – неориентирующие – ложно ориентирующие термины*, предложенную Д.С.Лотте, в группе правильно ориентирующих можно выделить термины частично ориентирующие.

Здесь немалый интерес представляют, рассматриваемые среди прочих, системно ориентирующие термины.

Принимая за исходное положение то, что ориентирует тот термин (терминоэлемент), который можно сопоставить с другой языковой единицей в структурном или структурно-семантическом плане, рассмотрим примеры таких сопоставлений внутри терминосистемы лингвистики. Термины языкознания, образующие структурно-семантические микросистемы внутри лингвистической терминосистемы, будем считать системно ориентирующими. Стоит пояснить, как здесь понимается выражение *структурно-семантические* (микросистемы): это такие системы, члены которых принадлежат к одному понятийному полю (и при этом связаны системными отношениями семантически) и имеют нечто общее в строении звуковой (графической) оболочки.

Именно такая, структурно-семантическая, системность терминологии – идеал, недостижимый для большинства терминосистем разных наук. Единицы, связанные семантически, в лучшем случае имеют лишь *нечто* общее в строении, однако такого изоморфизма может и не наблюдаться (так, не имеют ничего общего в структуре экспоненты терминов – названий частей речи, членов предложения и т. д.).

Рассмотрим, каким образом системные отношения между терминами находят выражение в структуре экспонентов на примере некоторых микросистем, образуемых однословными лингвистическими терминами заимствованного происхождения (или построенными из заимствованных элементов).

К лингвистическим терминам, структура которых способна указывать на их место в системе, обычно относят единицы с «алло-эмическими» терминологическими элементами, однако в данной работе интересно рассмотреть группы терминов с другим изоморфизмом значения и структуры.

Нередко такой изоморфизм заключается в повторении части экспонента, причем эти повторяющиеся терминологические элементы не имеют ярко выраженного конкретного лексического или словообразовательного значения, не представлены в терминосистеме лингвистики (и обычно в других языковых подсистемах тоже) как свободные основы. Так, например, в ряду *метатеза – эпентеза – протеза*, отчетливо выделяется общий элемент *-теза*, который не имеет закрепленного за ним определенного значения в русском языке, то же самое можно сказать и об остаточных элементах *мета-*, *эпен-*, *про-*. Хотя тем, кто занимается наукой, обычно известно, что *мета* означает «через», *про* – «перед», а приложив немного усилий, вероятно, можно выяснить и значение элемента *эпен-*, однако знание о значениях первого и последнего элементов ничего не проясняет в сути обозначаемого понятия, а второй терминологический элемент с таким значением реализуется не настолько регулярно, чтоб приобрести семантическую ясность. Итак, данные термины с гиперсемой «комбинаторные изменения звуков» имеют в своем составе незначимый элемент *-теза*, который, именно в силу того что употребляется в семантически связанных между собой единицах, обретает некую значимость, не конкретно-лексическую, но обобщенно-системную, то есть начинает играть системообразующую роль.

Термины микросистемы *катафора – анафора – эпифора* демонстрирует примерно те же ориентирующие свойства: системные отношения здесь выражены повторением элемента *-фора*, не значащего самого по себе, но приобретающего в данной микросистеме семантику «фигура речи, заключающаяся в разнообразных повторах».

Рассмотрим группу *аффикс – интерфикс – инфикс – коаффикс – конфикс – циркумфикс – постфикс*. Основной признак системности здесь – также повторяемость терминологического элемента *-фикс*, хотя, нужно заметить, что некоторые из начальных элементов этих слов не лишены значения: *интер-*, *ин-*, *ко-*, *кон-*, *пост-*. Таким образом, термины, их содержащие, будут ориентировать не только системно, но и значением терминологического элемента.

В микросистеме *эвфемизм – дисфемизм* системная ориентация, обусловленная повторением элемент(ов) *-фем/изм* дополняется ориентацией значением элемента *дис-* (значение отсутствия признака). Эту последнюю, добавочную ориентацию можно было бы считать системной, так как элементу *дис-* хотя и нет материально выраженного соответствия, но значение

его выявляется в противопоставлении с отсутствием (нулем) аффикса у другого члена микросистемы. Однако такие ориентирующие свойства отчетливо выявлялись бы при соотношении термина *дисфемизм* со словом *фемизм*, если бы такое существовало. Но поскольку часть *эв-* не имеет значения и не повторяется во втором члене микросистемы, то будем считать, что термин *дисфемизм* ориентирует системно и значением терминоэлемента, а термин *эвфемизм* – только системно.

В паре *ассимиляция – диссимиляция* наблюдаем тот же случай, причем нужно учесть, что существует терминоэлемент *а-*, имеющий значение отсутствия признака, и не путать его с терминоэлементом *а-* в данном конкретном термине *ассимиляция*, в котором функционирует омонимичный терминоэлемент. О широкой известности значения и, следовательно, об ориентирующих свойствах терминоэлемента *-симил-* («похожий», «подобный») нельзя утверждать однозначно, так как элемент не регулярен ни в терминологии, ни в общенародном языке. Это пример как раз того случая, когда большее или меньшее знание иностранных языков обуславливает *индивидуально* воспринимаемые ориентирующие свойства термина; но что касается общих, обязательных для всех ориентирующих свойств этих терминов, то, надо полагать, от элемента *-симил-* они не зависят. Особенность этой микросистемы заключается еще и в том, что кроме системной ориентации, термины в ней обладают ориентирующими свойствами, обусловленными известностью в общенародном языке слов *ассимиляция* и *диссимиляция* (безусловно, являющихся результатом детерминологизации).

Микросистема *полисиндетон – асиндетон* также позволяет говорить о совокупности ориентирующих факторов: системная ориентация создается 1) повторением элемента *-синдетон*, 2) значениями, а также противопоставлением значений терминоэлементов *поли-* и *а-*. Как видно, это противопоставление имеет некоторую особенность, так как указанные элементы не находятся в отношениях антонимии.

Рассматривая микросистему *синхрония – диахрония*, видим, что системная ориентация создается повторением части *-хрония*. Однако оба термина ориентируют также значением терминоэлемента *-хрон-*, который обозначает нечто, связанное с понятием времени. Кроме того, значения элементов *син-* и *диа-* тоже играют роль в формировании ориентирующей способности терминов: буквальный «перевод» этих терминов – «современность» и «через-временность» – в немалой мере ориентирует на их действительное значение.

Термины *рекурсия – экскурсия* ориентируют, кроме повторения части *-курсия*, значениями элементов *ре-* и *экс-*, однако эту последнюю ориентацию можно назвать системной лишь условно: хотя термины находятся друг с другом в отношениях противопоставления, эти элементы в языке не противопоставлены, противопоставление они обретают, находясь в данной конкретной микросистеме: *ре-*, означающее обратное действие, в данной микросистеме приобретает более конкретное значение «движение <орга-

нов речи> назад», а экс-, синонимичного приставке *вы-* со значением действия, направленного вовне, приобретает смысл «движение <органов речи> вперед».

Таким образом, можно заключить, что системная ориентация однословных лингвистических терминов иноязычного происхождения (или построенных из заимствованных терминоэлементов) обуславливается обычно повторением семантически не значащей, связанной части и нередко осложняется дополнительной ориентацией, создаваемой значением терминологических элементов.

Цитируемая литература:

Бергер М.Г. Лингвистические требования к термину // Рус. яз. в шк. – 1965. – № 3. – С. 64-68.

Лемов А.В. Система, структура и функционирование научного термина (на материале русской лингвистической терминологии). – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2000. – 192 с.

Лотте Д.С. Основы построения научно-технической терминологии: Вопросы теории и методики. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 160 с.

Аспирант А.В.Самарин (Воронеж)

ГИПЕРОНИМ «ПТИЦА» И ЕГО ГИПОНИМЫ В СЛОВАРЕ И ТЕКСТЕ

Гипонимия базируется на отношении несовместимости – свойстве семантически однородных языковых единиц, соотносящихся с понятиями, объемы которых не пересекаются. Гипонимия как родо-видовое отношение представляет собой включение семантически однородных единиц в соответствующий класс наименований. Слова, соответствующие видовым понятиям (напр., «зяблик», «страус», «колибри» и др.), выступают как гипонимы по отношению к слову, соотносящемуся с родовым понятием («птица») – гиперониму, и как согипонимы по отношению друг к другу.

Семантические отношения согипонимов – это отношение элементов одного класса. Гипонимы включают в себя смысловое содержание гиперонима и противопоставляются друг другу соответствующими дифференциальными семами. Значение слова – гипонима (видовое понятие) богаче семантическими признаками, чем слова – гиперонима (родовое понятие). В связи с этим, по мнению В.А.Гречко, «гипонимия рассматривается и как разновидность родо-видовой квазисинонимии, или как родо-видовая замена слов» (В.А.Гречко 1977: 24).

Гипонимия определяется в терминах односторонней замены: в тексте возможна эквивалентная замена гипонима на гипероним как подведение вида под род, обратное же не всегда возможно. Можно привести в качестве иллюстраций ряд примеров, из которых, ясно видно, что родовые слова-гиперонимы встречается в текстах гораздо чаще, чем видовые слова-

гипонимы. Это происходит из-за того, что, как было отмечено выше, значения слов-гипонимов гораздо богаче семантическими признаками слов-гиперонимов. В качестве иллюстрации приведем следующий пример: «...Среди замечательных **птиц** Австралии следует также назвать крупнейшую после *страуса* **птицу** – *эму*. Как и у других **птиц**, давным-давно утративших способность летать, маховые и рулевые перья у *эму* атрофировались, а оперение стало больше похоже на грубую шерсть. Эта **птица** плотного телосложения, весящая больше 45 кг, однообразно окрашенная в темные тона с лысой покрытой голубоватой кожей головой» (Б.Ф.Сергеев. Живой мир островов);

Заметим, что видовые слова *страус* и *эму*, выступающие как гипонимы по отношению к родовому слову **птица**, являющимся гиперонимом, как в русских, так и в английских текстах, по ряду причин, указанных выше, встречаются гораздо реже.

В определениях птиц, взятых из ряда толковых словарей русского языка, не отражаются специфические черты, характеризующие отдельные виды птиц, а указаны, как правило, общие характеристики. В определениях гиперонима-птицы не указано, что она – *крупная и голенастая*, – характерные признаки гипонимов *страуса* и *эму*.

Докт. филол. наук Е.П.Сеничкина (Самара)

ЭВФЕМИЗМЫ РУССКОГО ЯЗЫКА: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

Теория эвфемизмов русского языка находится на стадии накопления материала. В настоящее время нет ни одной монографии, посвященной проблеме эвфемизмов. В целом вопрос эвфемизмов русского языка привлек внимание исследователей только в последнее десятилетие XX в.

Решение частных вопросов затруднительно без разрешения собственно теории эвфемии, без выработки однозначно понимаемых критериев того, что относить к эвфемизмам, а что определять как сходное, смежное или промежуточное явление. Характеристике эвфемизмов и определению их критериев посвящены работы (А.М.Кацев 1988; Л.П.Крысин 1996; В.П.Москвин 1999). Цель настоящего исследования состоит в обозначении важных моментов общей теории эвфемизмов.

1. Эвфемизмы – это **функциональные заменители** слова, словосочетания или высказывания, **ситуативные** заменители слова, словосочетания или высказывания, представляющегося говорящему слишком грубым, невежливым, неприемлемым.

2. Эвфемистическая номинация по сравнению с заменяемой языковой единицей выполняет функцию формального **улучшение** денотата. Так, слово *сочинять* вместо *лгать*, *врать* является эвфемизмом, поскольку соотносится с негативным денотатом (ложь относится к числу человеческих

пороков); формально улучшает денотат: ассоциат *сочинять* позитивнее денотата *врать*.

Учет фактора негативного денотата табуируемого слова не позволяет относить к эвфемизмам языковые единицы, представляющие собой функциональные замены слов с **положительным** денотатом. Так, Г. Маньковская называет «эвфемизмы, возникающие на основе великодушие, сочувствия, жалости и вежливости. Сюда причисляем некоторые формы обращения (напр., русские формы на «Вы» вместо «ты»)» (Г. Маньковская 1997: 153). Формы вежливости не относятся к эвфемизмам, поскольку денотат заменяемой языковой единицы не является отрицательным. Мы не обращаемся к собеседнику на «Вы» в силу отрицательного к нему отношения.

3. Следующим основополагающим фактором для создания теории эвфемизации является признак **семантической редукции** эвфемизма по сравнению с заменяемым словом. Семантическая редукция – это сокращение доли информации в языковой единице, сокращение числа её дифференциальных признаков по сравнению с единицей, которая подвергается ситуационной замене.

4. Если до сих пор речь шла о вопросах теории эвфемии, значимых в общезыковедческом плане, то теперь следует высказать несколько замечаний, важных более для полисинтетических языков и, вероятно, менее существенных для аморфных языков. Речь пойдет о предложенной нами морфологической классификации эвфемизмов. Невнимание к лексикограмматической принадлежности слов, употребляемых в функции эвфемизмов, в полисинтетических языках приводит к тому, что из поля зрения лингвистов выпадают многие классы слов, используемых для смягченного обозначения реалий. Без учета морфологической классификации в роли эвфемизмов заметны на уровне примеров только имена (существительные и прилагательные), местоимения и глаголы. Между тем, функцию эвфемизмов в русском языке способны выполнять наречия, предикативы, междометия и звукоподражания, частицы (подробнее см.: Е.П.Сеничкина. Семантика умолчания и средства её выражения в русском языке. – М.: МГОУ, 2002).

Канд. филол. наук Е.Н.Сердобинцева (Пенза)

СЕМНЫЙ СОСТАВ КОННОТАЦИЙ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА.

Человек познает окружающий мир через логическое осмысление его и через эмоционально-чувственное восприятие. В структуре языкового знака предметно-логическую часть значения выражает денотат, а коннотации несут дополнительную информацию об отношениях между субъектом и объектом или явлением реальной действительности. Эти отношения име-

ют эмоционально-оценочную окрашенность, т.к. обусловлены соответствием или несоответствием потребностям человека, которые лежат в основе его деятельности. Деятельность человека базируется на определенном мотиве. Значит, мотивационная сфера человека эмоционально окрашивает любую его деятельность, что подчеркивает важность исследования коннотаций в значении слова.

Денотативные значения языковых знаков содержат непосредственно смысловую информацию о действительности, а коннотации указывают на место единицы в языковой системе, на особенности функционирования в той или иной сфере деятельности человека. Сложность изучения коннотаций заключается в том, что не каждая коннотативная сема презентирована в сознании человека. Кроме того, денотативное и коннотативное значения взаимопроницаемы, поэтому бывает трудно определить границы между ними. Последнее десятилетие лингвисты проявляют активный интерес к коннотативным семам (Шаховский В.И., Лукьянова Н.А., Бабенко Л.Г. и др.) И это не случайно – эмоция, экспрессия, оценка не отделимы от человеческой сущности. Язык, отражая действительность, жизнь, не может не отражать эмоции. Вербальное выражение эмоций позволяет по-новому взглянуть на семантические характеристики языковых единиц в их эмоционально-экспрессивной функции.

Исследование коннотаций в сфере профессиональной лексики, являющейся разговорным вариантом терминологии, представляется особенно актуальным и с теоретической и с практической стороны. Человек проводит больше трети активной жизни в профессионально-производственной среде. Профессиональное общение на производстве, исключая официальные ситуации, осуществляется, в основном, за счет использования разговорных средств языка и профессионально ориентированной лексики. Это наблюдение показывает, какую роль играют профессионализмы в языке как средстве отражения жизни человека.

Коннотации не содержат полного, одинакового и равнозначного набора сем во всех словах. Анализу подверглось пятьсот профессиональных наименований, соотнесенных с полиграфической отраслью. Коннотативную окраску имеет 80% слов. В них выделяются семы экспрессии – у 54% слов, оценки – у 88% слов и эмоции – у 81% слов.

Экспрессивные семы усиливают способность слова воздействовать. Воздействие – функция языка, рожденная из потребности человека, живущего в обществе себе подобных. Как видим, функция воздействия на других достаточно широко представлена в сфере профессиональной деятельности, о чем свидетельствует анализ профессиональной лексики полиграфического производства.

В процессе исследования была создана классификация, в основу которой положено выделение сем, содержащих усиление какого-то признака в значении слова. В результате определились несколько групп экспрессивных профессионализмов. В качестве примера приведем некоторые из них:

– экспрессивы с усилением признака, указывающего на профиль работы человека: *альбомщики – рабочие, упаковывающие альбомы; вставщицы – переплетчицы, вставляющие блоки;*

– экспрессивы, актуализирующие сему, указывающую на профиль рабочего процесса: *брошюровка – брошюровочный процесс, самонакладка – автоматическое приклеивание корешка;*

– экспрессивы с усилением семы выполняемого действия в трудовом процессе: *выдергивать – убирать продукцию, сконтачить – произвести переконтакт с одной фотоформы на другую;*

– экспрессивы, подчеркивающие интенсивность действия, приведшего к определенному результату: *распечатка – неправильный спуск полос, бракованный лист; слабина – неравномерная плотность намотки рулона;*

– экспрессивы, актуализирующие семы с указанием на место расположения: *голова – верхний край книги, хвост – нижний край книги;*

– экспрессивы, указывающие на размер: *восьмушка – две страницы листа, клопик – лист маленького формата;*

экспрессивы с семами, указывающими на брак: *петух – неправильно сфальцованный лист, скворечник – пространство между блоком и переплетом и другие.*

Семы экспрессии ставят акцент на наиболее важных для производства сторонах предметов, действий, признаков, а также выделяют основные моменты рабочих процессов. Это помогает легче ориентироваться человеку во время трудовой деятельности.

Оценка как одна из форм отражения действительности играет важную роль в жизни человека и общества. Оценивание происходит в результате соотнесения реального объекта с неким стандартом. Оценка помогает установить ценностные отношения между субъектом и объектом, и при этом она неразрывно связана со значением слова. Поэтому «...изучение проблемы номинации невозможно без изучения...оценочных квалификаций» – отмечает Т.А.Тулина (Т.А.Тулина. Роль коннотативного компонента в обеспечении семантической связанности слов // Системные семантические связи языковых единиц. – М.: Изд-во МГУ, 1992. С. 78).

Доля оценочных сем в профессиональной лексике представляется самой большой. В оценочную сему входит отрицательная и положительная характеристика предмета или явления объективной действительности, а также соотнесенность с такими понятиями стилистики, как «высокое» и «сниженное». В Словаре русского языка в 4-х тома под редакцией А.П.Евгеньевой так определяется помета «высокое»: «слово или значение высокого, приподнятого стиля, ставится при словах, которые ограничены в своем употреблении торжественно-приподнятой речью и придают окраску важности, возвышенности содержанию понятий, явлений и т.д., которые они обозначают» Характеристика «высокое» отсутствует в полиграфической профессиональной лексике. Сниженная оценка обычно относится к словам, которые употребляются в разговорной речи и носят несколько

фамильярный оттенок в значении. Такая оценка может присутствовать как единичная сема, так и сопровождать положительную или отрицательную оценочную сему. Предлагаем следующую классификацию профессионализмов с семами оценки:

1) профессионализмы только с семой «сниженное»: *бостонка – тигельная машина, двухсгибка – фальцованный лист, продушина – полосы в рулоне бумаги*;

2) профессионализмы, в значении которых наблюдаем сниженную сему наряду с положительной оценкой: *ростик – бракованный лист, хвостик – нижний край книги*;

3) профессионализмы, в которых сниженная окраска сочетается с отрицательной оценочной семой: *ляп – ошибка, макулатура – бракованный лист, петух – неправильно сфальцованный лист*;

4) профессионализмы с положительной оценкой при отсутствии семы сниженности: *экипаж – шрифт наборной доски, як – ножевой выключатель*. В данных словах положительная оценка проявляется через отношение к предмету, находящемуся в основе переносного наименования;

5) профессионализмы без семы сниженное, но с отрицательной оценкой: *участок ширпотреба – участок изготовления брошюр*.

Надо отметить, что оценка в профессиональном слове не всегда зависит от слова-производителя. Например, в профессионализме *карман – расслаивание бумаги в картоне* отрицательная сема вытекает не из значения производящего слова, а из обозначаемого явления – брака.

В результате анализа выявлено 26% профессиональных слов с отрицательной оценкой и всего 11% – с положительной. Характеристика «высокое» в профессиональной речи отсутствует, характеристика «сниженное» присутствует в 61% профессионализмов. Такое распределение оценочных сем в профессионально ориентированных словах подводит к определенным выводам, связанным с психологией человека в трудовом процессе. Возможно, неудовлетворительной является организация трудового процесса, возможно снижение значимости окружающих предметов и явлений ведет к повышению личностной значимости в процессе производства.

Еще в начале 19 века В. фон Гумбольдт отметил, что язык как деятельность человека пронизан чувствами. Эмоции, закрепленные в семантике слов, помогают полнее отобразить картину реальной действительности, общественных отношений в ней.

Эмоциональные семы присутствуют у 81% профессиональных слов. Трудно передать тонкие оттенки эмоций словами, не менее трудно точно определить эмоциональные оттенки, заложенные в коннотативные семы слова. Поэтому мы не претендуем на абсолютно точное соотнесение эмоциональной окраски, выделенной нами в слове, с эмоцией, существующей в действительности. Среди эмоциональных коннотаций в профессиональных словах полиграфического производства нами выделены следующие

семьи: пренебрежительная (*моталка – перемоточный станок, выключка – фотонаборная программа*), пренебрежительно-ироничная (*абракадабра – подставка для календаря, отпечатанная в типографии*), пренебрежительно-ласкательная (*передок – передняя часть книги*), пренебрежительно-презрительная (*фальшивые – накладные линейки*), пренебрежительно-шутливая (*свертка – вторая опора, рекрута*), презрительная (*болванка – заготовка статьи до события*), неодобрительная (*ляп – ошибка*), ироничная (*рыба – костяк материала*), шутливо-ироничная (*последушка – ответ на критику в газете*), шутливая (*усики – типографский знак*), шутливо-ласкательная (*боковушка – подзаголовок, вынесенный за формат полосы*), ласкательная (*перфоленточка – перфорационная лента, головка – верхнее поле*), уважительная (*экипаж – шрифт наборной доски*), сема сожаления (*голова зарезана – испорчен край книги*). Количественно преобладают слова с семой пренебрежения – 58%, затем идут слова с шутливыми коннотациями – 43%. Меньше всего слов с иронической (6,7%) и неодобрительной (6%) эмоциональной окраской. Вспомним значения слов, которые называют эмоции наиболее выраженные в процентном отношении среди полиграфической профессиональной лексики. «Пренебрегать» – значит проявлять высокомерно-презрительное отношение, относиться без должного уважения к кому-, чему-либо. «Шутливый» – имеющий характер шутки. Одно из значений слова «шутка» – «то, что говорят, делают не всерьез; поступки, дела, слова, к которым нельзя относиться серьезно».

Эмоции мотивируют деятельность человека. Любопытные результаты должны получаться после действий, которые мотивированы неуважением, несерьезным отношением к тому, что производит человек.

А.Н.Леонтьев пишет, что в значениях языковых единиц представлена «идеальная форма существования предметного мира, его свойств и отношений, раскрытых совокупной общественной практикой». Без коннотаций значения слов не смогут в полной мере отобразить реальную действительность, окружающую человека.

Канд. филол. наук К.Я. Сигал (Москва)

К ПРОБЛЕМЕ СЕМАНТИКИ СОЧИНИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ (на материале одной структурной модели)

В русской письменной речи, в том числе и в языке поэзии, сочинительные конструкции, образующиеся по модели "полу-Х, полу-У", распространены достаточно широко. Например: И Касатский видел теперь, глядя на ее (Пашеньки. – К.С.) худую, высохшую шею с выдающимися жилами за ушами и пучком редких *полуседых, полурусых* волос, как будто видел, как это произошло (Л.Н.Толстой); – Таня, а ты еще ничего не рассказывала мне, что с тобой в Петербурге было. Мне же надо знать, как ты там справлялась, – *полушутя, полусерьезно* обратился он (Л.Н. Толстой. – К.С.) ко

мне (Т.А.Кузминская); Ты на кровати дрожко лежала/ *В полуознобе, в полубреду...* (И. Северянин); Бегут по морю голубому/ Барашки белые, резвясь...// Ты медленно подходишь к дому,/ *Полугрустя, полусмеясь ...* (он же); Ее глаза – как два тумана,// *Полуулыбка, полуплач,*// Ее глаза - как два обмана, покрытых мглою неудач.// Соединенье двух загадок,// *Полувосторг, полуиспуг...* (Н. Заболоцкий); Что-то вывезли, а что, не ясно. *Полутолкучка, полупотасовка* (Фр. Горенштейн); Все портреты, альбомы, гербарии, миниатюры, все фотографии и дагерротипы, письма, записки, визитные карточки хранились где-то у Анны Бергер, *полу-служанки, полудам-де-компани* герцогини Ольденбургской (Натальи. – К.С.), дочери Александрины и Фризенгофа (С.Мрочковская-Балашова) и др. В формально-структурном плане подобные сочинительные конструкции характеризуются а) бинарностью (т.е. их количественный состав не превышает двух компонентов); б) бессоюзной связью компонентов, несоотносительной с сочинительными союзами; в) некантитативной семантикой повторяющегося форманта - префикса *полу-* [Мельчук 1995: 370]; г) отнесенностью X и Y к одной и той же частеречной организации (чаще всего - к имени существительному); д) тем, что X и Y в большинстве случаев принадлежат к одной и той же лексико-семантической парадигме (антонимической, синонимической, тематической и т.п.). В семантическом плане сочинительные конструкции рассматриваемого вида описываются в научной литературе либо как синонимы сочинительных конструкций с повторяющимся разделительным (или предположительно-разделительным, по В.Н. Перетрухину) союзом *не то ..., не то* [Перетрухин 1979], либо как выражающие идею "чего-то **среднего** (выделено мною. - К.С.) между X и Y" [Санников 1987: 28].

Рассмотрим более подробно предложенные семантические решения и постараемся выяснить их адекватность для описания русских сочинительных конструкций с повторяющимся префиксом *полу-*¹.

Обсуждение семантического решения, данного в [Перетрухин 1979], предполагает экспликацию семантики союза *не то ..., не то*, установление (или выбор) критерия синонимичности в синтаксисе и затем применение собственно лингвистического (реконструктивного) эксперимента для проверки его действия. В [Перетрухин 1979] для союза *не то ..., не то* выбрано следующее семантическое толкование: 'не совсем X, не совсем Y, но нечто подобное'. В нем неявно присутствуют семантические оттенки 'неуверенности, неясности, неопределенности', традиционно фиксируемые у данного союза в лексикографической практике. Так, например, по данным "Словаря структурных слов русского языка" (М., 1997. – С. 225), разделительный союз *не то ..., не то* "указывает на *неясность* (курсив мой. – К.С.) того, что из перечисляемого является действительным, а что мнимым". Ср.: ...горох не разварился как следует, и у нас получился *не то суп, не то каша* (К.Д.Воробьев). Практически общепринятым критерием синонимичности двух синтаксических конструкций (и против этого нет возра-

жений в [Перетрухин 1979]) является возможность их взаимозамены в тождественных условиях контекста. Заменяем союзную сочинительную конструкцию в приведенном только что отрывке текста конструктивно целостным бессоюзным рядом *полусуп, полукаша*, где повторяющийся префикс *полу-* имеет модально-квалитативную семантику 'не вполне', и сопоставим два предложения: исходное и экспериментальное.

Очевидно, что в исходном предложении нарратор, в данном случае – наблюдатель, не обладает достаточными знаниями об объекте – приготовленном блюде, не может однозначно идентифицировать его и поэтому стремится продемонстрировать квазиэталонность этого объекта: *не то суп, не то каша* 'нечто непонятное, не соответствующее эталону супа или каши'². В экспериментальном предложении, напротив, наблюдатель четко и точно представляет себе, что именно приготовлено, и показывает, что приготовленное блюдо в какой-то степени соответствует эталону супа, а в какой-то степени – эталону каши, т.е. как бы совмещает их. Если в исходном предложении объект может быть подобен супу, каше или чему-то иному, не являющемуся ни супом, ни кашей, и, главное, тому, чем он сам не является, то в экспериментальном предложении эталонные признаки супа и каши, совмещаясь, формируют нечто третье ("среднее"), идентифицированное с описываемым объектом.

Другими словами, сочинительная конструкция с повторяющимся префиксом *полу-* привносит в предложение иные семантические "кванты", меняет его семантическую перспективу, по-новому представляет адресанта и его знания, а следовательно, в тождественных условиях контекста она не может заменить сочинительную конструкцию с повторяющимся разделительным союзом *не то ..., не то*, и наоборот. Убедительный пример взаимонезаменяемости данных конструкций приводится в [Санников 1987: 29]: Кентавр – это *получеловек, полуконь* ≠ Кентавр – это *не то человек, не то конь*. Согласно принятому критерию, рассматриваемые разновидности сочинительных конструкций синонимичными признаны быть не могут³.

В общих чертах семантическое решение, сформулированное в [Санников 1987], на наш взгляд, является вполне адекватным. Однако оно появилось прежде всего как реакция на "отрицательный" (или экспериментальный, в терминологии Л.В. Щербы) материал и фактически не было осмыслено в текстово-динамическом аспекте, тогда как "то, что есть высшего и тончайшего в языке, ... можно постичь и уловить только в связной речи", ибо "каждый язык заключается в акте его реального порождения" [Гумбольдт 2000: 70]. Поскольку текст образует функциональную среду синтаксической конструкции [Сигал 2001, 6-10 и сл.], именно текст дает нам возможность реконструировать сам процесс формирования и функционирования сочинительных конструкций с повторяющимся префиксом *полу-* и выявить их семантическое своеобразие, а также обнаружить смежные синтаксические построения и на их фоне углубить свои выводы о

формально-структурных и семантических особенностях сочинительных конструкций с повторяющимся префиксом *полу-*.

Обращение к тексту романа Л.Н.Толстого "Воскресение" позволило нам не только убедиться в том, что семантика рассматриваемых сочинительных конструкций заключается в 'чем-то среднем между X и Y', но и увидеть рождение этой семантики в смысловой динамике сверхфразового единства. Приведем его полностью: Старых барышень было две: меньшая, подороже – Софья Ивановна, она-то и крестила девочку, и старшая, по-строже – Марья Ивановна. Софья Ивановна *наряжала, учила девочку читать и хотела сделать из нее воспитанницу*. Марья Ивановна говорила, что *из девочки надо сделать работницу, хорошую горничную, и потому была требовательна, наказывала и даже бивала девочку*, когда бывала не в духе. Так *между двух влияний* из девочки, когда она выросла, вышла *полугорничная, полувоспитанница*. Ее *и* звали *так средним* именем – не Катька и не Катенька, а Катюша. Она *шила, убирала комнаты, чистила мелом образа, жарила, молола, подавала кофе, делала мелкие постирушечки и иногда сидела с барышнями и читала им* (ч. I, гл. II).

В приведенном сверхфразовом единстве сочинительная конструкция *полугорничная, полувоспитанница* – семантическая доминанта, образующая композиционно-смысловую вершину данной минимальной текстовой единицы. Формирование сочинительной конструкции отражает здесь совмещение двух эталонов: девочку хотят сделать и горничной, и воспитанницей, ведут себя с ней в соответствии с этими двумя различными установками, и она, усваивая "оба влияния", становится не горничной и не воспитанницей только, а *полугорничной, полувоспитанницей*, т.е. в ней как бы совмещаются эталонные признаки горничной и воспитанницы, и это совмещение рождает нечто среднее. Поэтому-то и имя у нее *среднее*, и в ее поведении соединено то, что характерно и для горничной, и для воспитанницы (ср. изобразительную роль союза *и* в последнем предложении сверхфразового единства). Семантика сочинительной конструкции с повторяющимся префиксом *полу-* в данном сверхфразовом единстве панорамно развернута вглубь и вширь. При этом весьма показательны у Л.Н.Толстого метаязыковая экспликация *среднее (имя)* и, главное, текстовая частица-коннектор *и* и анафорическая частицеобразная "скрепа" *так*, указывающие на то, что данный признак ("среднее") соответствует объекту, обозначенному именной сочинительной конструкцией с повторяющимся префиксом *полу-*, которая завершает предшествующее предложение.

Отметим и еще одно употребление, демонстрирующее, что совмещение эталонных признаков не просто образует нечто среднее, но в какой-то степени задает "промежуточный" эталон. Ср.: Так счастливо и спокойно жил он (Нехлюдов. – К.С.) первый месяц своей жизни у тетушек, не обращая никакого внимания на *полугорничную-полувоспитанницу*, черноглазую, быстроногую Катюшу (ч. I, гл. XI). Выделенная конструкция в дан-

ном предложении осмыслена писателем как сочинительный субстантивный композит (ср. знак "дефис", орфографически отображающий реализацию особого смыслового задания), в семантическую структуру которого входит эксплицитная сигнификативная гипосема 'с признаками двух разных свойств, видов и т.п.'⁴. В подобных построениях дефис выявляет парадоксальность такого риторического приема, как **гендиадис** (греч. 'раздвоение'): целое, намеренно представленное в тексте отдельными своими составляющими, осознается адресантом прежде всего как целое⁵.

Еще одним свидетельством в пользу того, что в семантике сочинительных конструкций с повторяющимся префиксом *полу-* представлен компонент '(нечто) среднее', является возможность его эксплицитного (лексического) выражения при перестройке сочинительной конструкции по модели "неопределенное местоимение/ имя существительное-гипероним + метаслово (*средний*) + предлог (*между*) + X + союз (*и*) + Y". По нашим наблюдениям, к такому преобразованию способны прежде всего те сочинительные конструкции с повторяющимся префиксом *полу-*, где X и Y – имена существительные. Например: *полутолкучка, полупотасовка – что-то среднее между толкучкой и потасовкой; полувосторг, полуиспуг – чувство, среднее между восторгом и испугом* и т.п. Однако обратное преобразование возможно далеко не всегда.

Рассмотрим речевой материал: ... он (Стрижин. - К.С.) позволил себе выпить четыре рюмки водки и стакан вина, напоминавшего своим вкусом *что-то среднее между уксусом и касторовым маслом* (А.П. Чехов); [Г л у м о в] ... Когда начальник пошлет за чем-нибудь, надо уметь производить легкое *порханье, среднее между галопом, марш-марш и обыкновенным шагом* (А.Н. Островский). В первом предложении такое преобразование невозможно, так как сочиненный компонент Y выражен адъективно-субстантивным словосочетанием и это не позволяет присоединить префикс *полу-* к грамматически главенствующему слову (**полууксус, касторовое полумасло*). Отсюда становится понятным, почему компоненты сочинительных конструкций с повторяющимся префиксом *полу-* формируются вершинами поддеревьев, не имеющими распространителей. Во втором предложении к отмеченному фактору добавляется также фактор количественного состава сочинительной конструкции, крайне важный для сохранения семантического тождества синонимических конструкций (**полугалоп, полумарш, полущаг*): сочинительные конструкции с повторяющимся префиксом *полу-* принципиально двухкомпонентны, на их структуру и семантику в значительной мере оказывает влияние количественное бытие данного префиксального форманта. Последняя конструкция, отмеченная знаком (*), возможна, однако, в текстовой ситуации открытого перечисления (множества), где префикс *полу-* теряет свое качество смыслового внутрисловного маркера сочинительных отношений, обуславливающего бинарность и, соответственно, синтаксическую и коммуникативную закрытость сочинительных конструкций с повторяющимся префикс-

сом *полу-* (ср. в связи с этим плодотворную мысль А.А.Шахматова о частеречном статусе префикса [Шахматов 2001: 504-505], т.е. о его сверхаффиксальном предназначении в языке). В подобных построениях представлен обычно многокомпонентный бессоюзный ряд, состоящий из трех и более префиксальных производных, в которых повторяющийся префикс *полу-* выполняет исключительно модифицирующую семантическую функцию на уровне сочиненного компонента как лексической единицы и самим фактом повторности отражает в речевом высказывании тенденцию к "инертности словесных образований" (термин и понятие Н.И. Жинкина), но никак не влияет на синтаксическую специфику сочинительной конструкции. Ср.: Словом, была и осталась часть мужская этой нации (западных украинцев. – К.С.) *полумужиками, полуукраинцами, полумадярами, полубессарабами, полусловаками*, и еще, и еще кем-то (В.П.Астафьев)⁶.

Таким образом, анализ речевого материала высвечивает, во-первых, то, что повторная префиксация в рассматриваемых сочинительных конструкциях есть не что иное, как формальная операция в структурировании сочинительных отношений, а сам повторяющийся префикс – формальный оператор, опосредующий их выражение в речи; во-вторых, то, что в русском языке сочинительные конструкции с повторяющимся префиксом *полу-* специализируются на выражении семантики *усредненности*.

Примечания

¹⁾ В русской дериватологии предкорневой элемент *полу-* рассматривается по-разному: то как префикс, то как префиксоид. Неопределенный статус *полу-* вызывает разнобой в его графическом представлении в речевой практике – слитном или дефисном (полуслитном). Поскольку для обсуждения приведенного в статье речевого материала вопрос о дериватологической трактовке элемента *полу-* не носит принципиального характера, условимся называть его здесь и далее **префиксом**. По данным В.В.Виноградова, в русском языке целый ряд именных образований с префиксом *полу-* возник под влиянием французских слов с *demi-*, т.е. посредством их собственно лексического калькирования [В.В.Виноградов 1999: 791].

²⁾ Введение в семантическое толкование сочинительной конструкции с повторяющимся разделительным союзом *не то ..., не то* компонента 'эталон' обусловлено тем, что когнитивные образы предметов, или их эталоны, являются некими образцами для сравнения одного предмета с другим (или с другими). Несоизмеримость с эталоном (или с эталонами) может способствовать развертыванию сочинительной конструкции в речи, выдвигая на первый план ее номинативную функцию.

³⁾ Несколько иная аргументация этого положения дана В.З.Санниковым. Различие между приведенными сочинительными конст-

рукциями исследователь усматривает в том, что в первом примере происходит совмещение **существенных** (выделено мною. – К.С.) признаков X и Y, а во втором – также совмещение, но только **внешних** (выделено мною. – К.С.) их признаков [Санников 1987: 28-29].

⁴⁾ Новейший и наиболее полный "Русский орфографический словарь" под ред. В.В. Лопатина (М., 1999) отражает дефисное написание четырех подобных единиц: *полусказка-полубыль, полусказочный-полуреальный, полусон-полуявь, полушутя-полусерьезно*. Ср. также пример из романа В.П. Астафьева "Прокляты и убиты", где наблюдается дефисное написание названий "смешанных национальностей" с повторяющимся префиксом *полу-*: *А тут еще невидаль: первую роту и первый взвод пополнили двумя ново-явленными личностями – Васконяном и Боярчиком. Оба они были смешанной национальности: один **полуармянин-полуврей**, другой – **полуврей-полурусский***. Благодаря дефису в приведенном отрывке текста выявлена номинативная целостность сочинительных конструкций с повторяющимся префиксом *полу-*, их соотнесенность с "промежуточными" эталонами, представленными конкретными разновидностями "смешанных национальностей". В сопоставлении с основным материалом статьи все эти иллюстративные примеры - и словарные, и текстовые - свидетельствуют о графической (и, по-видимому, интонационной) специализации одномодельных сочинительных конструкций, в различной степени предрасположенных к выполнению номинативной функции. Было бы весьма интересно исследовать особенности их просодической дифференциации в лабораторном эксперименте.

⁵⁾ Особенно наглядно отмеченное семантическое явление представлено в знаменитой пушкинской эпиграмме на графа М.С. Воронцова (1824 г.): *Полу-милорд, полу-купец, // Полу-мудрец, полу-невежда, // Полу-подлец, но есть надежда, // Что будет *полным* наконец*. Квантитативный оттенок значения префикса *полу-* подчеркнут у А.С. Пушкина антонимически мотивированным контрастом: *полу-подлец* 'не до конца, не в полной мере' – *полный* (подлец) 'вполне законченный'.

⁶⁾ Считаю необходимым констатировать, что и в бинарных, т.е. двучленных, сочинительных конструкциях с подобными компонентами допускается аналогичное преобразование структурной функции повторяющегося префикса *полу-*. Но для этого сочиненные компоненты должны быть связаны соединительным союзом *и* (или другим сочинительным союзом, имплицитно указывающим бинарность синтаксического ряда). Например: ... по духу и потребностям своего времени, он (Ломоносов. – К.С.) и старался придавать ему (русскому языку. – К.С.) *полу-славянскую и полу-латинскую* величавость ... (А.Западов). Разумеется, в сочинительных конструкциях, сходных с представленной в данном иллюстративном примере, реализована уже не номинативная семантика '(нечто) среднее между X и Y', а син-

таксическая формальная семантика соединительности и завершенности перечисления. Такие сочинительные сочетания "снимают" эффект синтаксической значимости лексических составляющих (в частности, тождества их префиксальных формантов) сочинительных структур и, наоборот, максимально выявляют синтаксическую специфику сочинительного союза как средства выражения определенного формального содержания. Данное примечание объясняет, на наш взгляд, то, почему в перечне отличительных признаков изучаемой разновидности сочинительных конструкций представлен признак несоотнесенности конструктивно значимой для них бессоюзной связи с сочинительными союзами (в том числе и с соединительными).

Литература

Виноградов В.В. История слов. – М., 1999.

Гумбольдт фон В. Избранные труды по языкознанию. – 2-е изд. – М., 2000.

Мельчук И.А. О числительном *пол*// В кн.: Мельчук И.А. Русский язык в модели "Смысл ↔ Текст". – М.; Вена, 1995. – С. 363-371.

Перетрухин В.Н. Проблемы синтаксиса однородных членов предложения в современном русском языке. – Воронеж, 1979.

Санников В.З. Русские сочинительные конструкции: (Семантика. Прагматика. Синтаксис). Автореферат дис. ... докт. филол. наук. – М., 1987.

Сигал К.Я. Экспериментальное исследование выбора союзной/бессоюзной связи компонентов сочинительной конструкции (на материале простого предложения). – М., 2001.

Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. – 3-е изд. – М., 2001.

Докт. филол. наук И.В. Труфанова (Москва)

РАССЛОЕНИЕ ГОВОРЯЩЕГО

Объявленная в названии типология имеет в лингвистике несколько вариантов: субъект речи, субъект наблюдения, субъект сознания, субъект дейксиса – и их подтипы: субъект поминания, субъект референции, субъект оценки, субъект обобщения (Падучева 1995), субъект речи, субъект эмоции, субъект сознания, субъект действия (Петрова 1992), произносящий речь, протагонист, автор речи (Баранов).

Для нас в данной статье наиболее интересна третья типология. Мы уточним ее в свете положений М.М.Бахтина (1929) о том, как человек усваивает (или присваивает) язык, о том, что он всегда говорит отчасти своими, отчасти несвоими словами и степеней их "свойства" и "чуждости"

большое количество, а пропорция, процентный состав, “своих” и “чужих” слов у говорящего – величина постоянно меняющаяся.

Второй теорией на которую мы будем опираться в типологии расщеления говорящего, является психологическая теория значения и смысла (А.Н.Леонтьев, Тарасов). Своим является слово, к усвоению значения которого говорящий пришел, отрефлексирав выражаемые посредством его ролевые значения и смыслы.

И, наконец, термины для обозначения степеней “свойства” и “чуждости” того или иного слова из употребляемых говорящим должны коррелировать с выработанными в психологии обозначениями ипостасей человека (Слободчиков): индивид – повторяющий чужие слова, усваивающий их референциальную соотнесенность с объектами внешнего мира; субъект – употребляющий чужие и свои слова в ролевых значениях и смыслах; личность, индивидуальность, универсальность – осознанно употребляющий слова, отрефлексиравший соответствующие им понятия и эквиваленты понятий в аспекте их истинности-неистинности.

Степени “чуждости” слов, употребляемых говорящим, представлены в этой типологии по убывающей, а степени “свойства” – по нарастающей. В каждом сознательно употребляемом человеком слове имеется доля “чужого” и доля “своего”. Не было бы доли своего, человек не усваивал бы язык. На ступени личности соотношение “свойства” и “чуждости” слова не только меняется в сторону перевешивания “свойства”, но и “свойство” приобретает принципиально иное качество. Это не просто отрефлексираванное знание человечества о названном словом объекте, его месте в системе отношений разных социальных групп и – как следствие – его оценка разными социальными группами, но и осознание необходимости для успешного взаимодействия людей в обществе, понимаемом и узко – как социальная группа, и широко – как человечество в целом, наличия и них одинаковых “своих”, без которого успешное взаимодействие будет невозможно. Отсюда вытекает наличие у общающихся, помимо личных целей, общей межличностной цели, о которой писал Е.В.Сидоров, – согласование картин мира, совместный поиск истины.

При этом смыслы таких “своих” слов остаются разными, так как каждый человек идет своей дорогой познания. Даже если она выглядит как общий путь, познание – это не механическое усвоение, а рефлексия, которая всегда уникальна, единственна, неповторима. Если же на непроторенном пути познания одним получены смыслы, жизненно важные для многих, для человечества, начинается работа по превращению их в значения, это становится межличностной целью, общей целью информативного обмена, общения говорящего и слушающего.

М.М.Бахтин называл “чужими” не только слова, находящиеся в процессе усвоения (присвоения) говорящим, неотрефлектированным им, но и цитаты. Различие двух названных групп чужих слов в том, что в первом случае говорящий не отделяет себя как субъекта речи от употребляемых

им слов, поэтому никак не оценивает этих слов критически, он ими оперирует как единицами мышления, а не по поводу их рефлексии. Во втором же случае говорящий отделяет себя как субъекта речи от употребляемых слов, он их оценивает, рефлексии по их поводу, но при этом своих слов – их эквивалентов – он не использует (они, их наличие только подразумеваются), точнее, он ими же и оперирует, одновременно оценивая их как непригодные для оперирования. “Чужие” слова во втором случае употребляются в тексте так, чтобы они находились в конфликте с изображаемым в нем, благодаря чему их непригодность как единиц мышления, познания была бы очевидна для слушающего. Чужие же слова первой группы интуитивно ощущаются или в той или иной мере осознаются как непригодные для выражения знания самим говорящим. Таким образом, у всех чужих слов есть общий существенный признак – они не являются адекватным средством для обозначения объектов.

Общий существенный признак своих слов – их адекватность обозначаемым объектам.

Личность, индивидуальность, универсум (универсальность) дифференцируются на основании того, что подлежит оценке с точки зрения истинности в понятии или его эквиваленте: у личности – предметное содержание, предметные связи называемого объекта, у индивидуальности – сценарии исполнения социальных ролей, связанных с объектом; у универсума – место объекта в системе взаимоотношений говорящий – космос (о необходимости оценки как истинных не только суждений, но и понятий см.: Кондаков; Ыйм).

“Чужое” слово в третьем значении – слово иностранное. Изучение эквивалентной и безэквивалентной (Верещагин, Костомаров) лексики и их соотношения в различных парах языков приводит к выводу, что безэквивалентных лексем гораздо больше, чем эквивалентных. Но, посмотрев на проблему в культурологическом аспекте, мы видим тенденцию к выравниванию культур, а значит, к росту количества эквивалентных слов.

Почему слова говорящего, пребывающего на ступени саморазвития “индивидуальность” больше “свои”, чем у говорящего на ступени “личность” и в чем это конкретно проявляется? В большем количестве “своих” слов в его словаре в целом, потому что их диапазон по тематике шире. Механизм оценки истинности понятий о предметах иной и проще, чем механизм оценки истинности понятий о справедливости, равенстве, демократии и т.п., а значит, и механизм рефлексии первых проще, чем механизм рефлексии вторых. Слово, которое труднее присваивается, в большей мере свое. То же следует сказать и о причине оценки слов “универсума” как занимающих самое высокое место в системе “своих” слов.

Соискатель Е. С. Фомина (Пенза)

ЧЕТЫРЕ СТУПЕНИ СУЩНОСТИ ЯЗЫКОВОГО ВЫРАЖЕНИЯ ИЗМЕНЁННЫХ СОСТОЯНИЙ СОЗНАНИЯ

Пользуясь универсальной схемой научного исследования, предложенной русским философом А.А.Гагаевым, рассмотрим логические аспекты языкового выражения измененных состояний сознания на уровне мышления, языка, речи и коммуникации.

На уровне мышления нас, прежде всего, интересует логическая соотнесенность исходных понятий: сознание, измененные состояния сознания, эмоциональные состояния.

Психологическими характеристиками сознания человека являются: ощущение себя познающим субъектом, способность мысленно представлять реальность, контролировать собственные психические и поведенческие состояния и управлять ими. Понятия измененного и эмоционального состояния сознания тесно связаны друг с другом. Психология эмоций не располагает единой теорией эмоциональных явлений, и многие авторы сам термин “эмоция” трактуют по-разному. Так, психологический словарь дает следующее определение: “эмоции (от латинского *emoveo* – волную, потрясаю) – это особый класс психических процессов и состояний, связанных с инстинктами, потребностями и мотивами, отражающих в форме непосредственного переживания (удовлетворения, радости, страха и т.д.) значимость действующих на индивида явлений и ситуаций для осуществления его жизнедеятельности”. В работах Блума, эмоции рассматриваются как психические состояния (состояния сознания), которые «появляются в результате оценивания обстоятельств той или иной ситуации с позиций некоторых убеждений, желаемых целей и планов. Поэтому большая часть эмоционального развития зависит от развития познания, необходимого для такого оценивания и для репрезентаций, которые выступают в качестве его продуктов». Известными психологами Джоном Майером и Петером Саловейем термин эмоция используется для обозначения кратковременных настроений. «Настроения и эмоции нередко имеют общую характеристику в том, что они возникают как реакция на оценку».

На наш взгляд, следует различать эмоциональные состояния и измененные состояния сознания. В случае, когда человек перестает осознавать себя в окружающей среде, противопоставлять себя ей как субъект объекту, теряет контроль и управление поведением, подчиняется эмоциям, а также не может отдать себе отчет в том, что происходит как в окружающем, так и в своем собственном духовном мире, есть основания полагать, что сознание такого человека находится в изменённом состоянии. В отличие от эмоциональных состояний, изменённое состояние сознания характеризуется неспособностью субъекта найти адекватный выход из сложившихся, чаще всего неожиданных ситуаций, что неизбежно приводит к изменениям всех систем организма, в том числе и речевой деятельности субъекта.

При рассмотрении измененных состояний сознания на уровне языка необходимо выделить основные структурные модели, характеризующие данные состояния. Вслед за Ю.М.Скрбневым, определяющим язык как «совокупность частично пересекающихся (совпадающих), но, тем не менее, относительно самодовлеющих, законченных систем», каждая из которых обладает всеми признаками языка, воспользуемся термином «субъязык». В системе любого субъекта языка, а, следовательно, и языка измененных состояний сознания, мы различаем три компонента: абсолютно специфический, относительно специфический и неспецифический. К абсолютно специфическим единицам субъекта языка измененных состояний сознания можно отнести выражения типа *отчаянным голосом, зарыдала, издала какой-то стон* и др., свойственные, очевидно, лишь языку человека в измененном состоянии сознания. Одними из относительно специфических единиц данного субъекта языка мы считаем вопросительные и восклицательные структуры предложений, которые, как известно, принадлежат и другим субъектам языка. К неспецифическим единицам относится употребление таких морфологических средств, как различные наклонения, личные формы глагола, притяжательные, личные, указательные и др. местоимения. Среди синтаксических средств, являющихся неспецифическими единицами в языке измененных состояний сознания, можно выделить употребление двусоставных полных предложений, сложных предложений, различных по цели высказывания.

На уровне речи нашей задачей является определить параметры обнаружения измененных состояний сознания на примере ранних рассказов А.П.Чехова «В овраге», «Пьяные», «Разговор человека с собакой», «В родном углу», «Верочка» и др.. Мы полагаем, такими маркерами могут выступать непосредственно слова автора, определяющие состояние героя, например: «сказал он, задыхаясь», «речь перешла в неясное бормотание и вдруг оборвалась плачем», «в исступлении», «крикнула она не своим голосом», «прошептала она с выражением сильной боли на лице».

Исследуя речь человека в измененном состоянии сознания, остановимся на употреблении им лингвистических средств. В первую очередь, обратим внимание на фонетические средства речи человека в измененном состоянии. Анализ контекстов показал преобладание восклицательных и вопросительных интонаций, характеризующихся высокой степенью эмоциональности и экспрессивности. «Кто я?», «Нешто я человек?», «Что им нужно?», «Боже мой!», «Всё отдайте ей, арестантке, пусть подавится, я уйду домой! Найдите себе другую дуру, ироды окаянные!» На лексическом уровне выделяется эмоционально-оценочная лексика, в основном негативно окрашенная (9 из 10 контекстов связаны с отрицательными эмоциями), кроме того, обнаружено большое количество лексических повторов как отдельных слов: «Умоляю, умоляю!», так и словосочетаний: «Уйди отсюда! Уйди отсюда! Уйди тебе говорят!». На морфологическом уровне выделяется активное употребление глаголов в формах первого и

второго лица единственного числа: «Я страдаю, я не сплю, не ем...», в разных наклонениях, но с преобладанием повелительного: «Ешь пес! Ку-сай! Рви анафему!», «Вылечите меня, и я дам вам пятьдесят тысяч! Займитесь же, ради бога!». Отличительной чертой исследуемых контекстов является также частое употребление личного местоимения «я»: «Я не выношу, я не могу!», «Я страдаю», «Я готов теперь все состояние отдать!», «Я не люблю этого человека!», «Я не могу здесь оставаться!», «Я не выношу постоянного покоя и бесцельной жизни...», «Не желаю я больше служить!», «Я у вас не нанималась!». К синтаксическим средствам языкового выражения измененных состояний сознания можно отнести неполные, односоставные, назывные предложения: «Наушник, шептун...», «Тише! Я желаю, чтоб танцевали!», «Вон! Розог! Бейте ее!». В некоторых случаях отмечается избыточная сложность предложений: «Видите ли, я вам вот что...хотела сказать...Вам покажется странным и... глупым, а я...я больше не могу».

На четвертой ступени сущности, на уровне коммуникации, в центре нашего внимания находится проблема личностно-ориентированного восприятия измененных состояний сознания, а также соотношение имплицитного и эксплицитного. В результате анализа контекстов можно утверждать о преобладании эксплицитного в речи человека, находящегося в измененном состоянии сознания.

Таким образом, применение субстратного метода системного осмысления выделенного предмета позволило нам уточнить логическую соотнесенность исходных понятий, изучить сущность измененных состояний сознания, выделить факторы, определяющие сознание как измененное, обнаружить языковые средства выражения измененных состояний сознания, а также понять уникальность восприятия каждого измененного состояния сознания.

Канд. филол. наук А.Л. Чубарова (Пенза)

РЕАЛИЗАЦИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО МЫШЛЕНИЯ НА СИНТАКСИЧЕСКОМ УРОВНЕ ЯЗЫКА

Эмоциональное мышление находит свое выражение в художественном тексте. Художественный текст богат, разнообразен, динамичен, выразителен и красочен благодаря множеству стилистических приемов и выразительных средств, экспрессивных синтаксических конструкций и широкому синонимическому ряду. Художественный текст является уникальным в силу выражения чувственного состояния людей, отражения объективной реальности и воплощения идеала, красоты.

Рассматривается одно явление из всего многообразия средств, делающих художественное произведение шедевром человеческого созда-

ния. Речь идет о специфическом синтаксическом построении – парцеллированной конструкции.

Парцелляция – явление динамического аспекта предложения. Это стилистический прием состоящий в расширении части высказывания в самостоятельную единицу или представленность предложения в виде двух или нескольких фраз в экспрессивных целях. Парцеллят, соотнесенный с простым предложением, никогда не входит в диалогическое единство, поэтому парцеллят не может быть частью диалогического единства в отличие от эллиптических конструкций. На синтаксическом уровне парцеллят характеризуется возможностью инкорпорирования в состав предыдущего предложения на основе факультативных сочетаемостных и обязательных связей глагола. Парцеллят – зависимый компонент по отношению к составу базовой части и имеет своего представителя в базовой части. Парцеллят не выражает предикации и, следовательно, предложением не является.

Парцелляты можно классифицировать по средствам связи между парцеллятом и базовой частью; по позиции парцеллята в составе конструкции; по его лексическому составу; по коммуникативному признаку. Базовая часть парцеллированной конструкции характеризуется наличием потенциальной возможности развертывания структуры.

Парцелляция – особый способ реализации синтаксической структуры путём её интонационно-смыслового расчленения на две или более фраз с целью содержательного и эмоционально-экспрессивного обогащения высказывания. Представляется целесообразным при определении приращения информации в парцеллированной структуре исходить из следующих факторов: расширение синтаксических связей, внимание к лексическому составу и позиции парцеллята, лексико-семантического наполнения структуры, и стилистическая конвергенция, а именно, речевой эффект создается сочетанием нескольких стилистических приемов, придающих друг другу дополнительную экспрессивность.

Парцелляция придаёт различные оттенки утверждениям. Она может уточнять, конкретизировать, обобщать содержание базовой части, носить пояснительный характер. Парцелляция может придавать всему высказыванию шуточный характер, усиливает заложенный в высказывании эмоциональный заряд иронии, торжественности, способствует описанию эмоционально-психологического состояния субъекта, ритмически организует высказывание. Раскрытие содержания парцелляции в её синтаксических и стилистических функциях свидетельствует о её большой эмоционально-экспрессивной ёмкости, которая во всей полноте проявляется в языке художественной прозы.

ДИНАМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ

Л.Ю.Веретенкина (Пенза)

ГЛАГОЛ КАК СРЕДСТВО МАНИПУЛЯТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА АДРЕСАТА В ПЬЕСАХ А.Н.ОСТРОВСКОГО

В понимании межличностной манипуляции мы следуем за Е.Л.Доценко, определяющим манипуляцию как «вид психологического воздействия, искусное исполнение которого ведет к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями» (Е.Л.Доценко 1997: 59).

С целью исследования языковых средств межличностных манипуляций нами анализируются особенности употребления морфологических единиц, в частности, случаи переносного употребления личных форм глагола, в контекстах А.Н.Островского, содержащих манипулятивное воздействие одного персонажа на другого.

Морфологическая категория лица – это система противопоставленных друг другу рядов форм, выражающих отнесенность или неотнесенность действия к участникам речевого акта. Как известно, личные формы глагола и сопровождающие их личные местоимения, употребляясь в речи не в соответствии со своим прямым значением, увеличивают экспрессию выражения, вносят в высказывание дополнительные смысловые оттенки.

В результате исследования употребления личных форм глагола в манипулятивных контекстах было отмечено, что больше в количественном отношении и разнообразнее способы использования форм одного лица и числа для выражения значения другого в речи манипулятора, чем в речи объекта манипуляций.

При рассмотрении материала выявлены различные способы обозначения самого говорящего, т.е. манипулятора. Вместо глагола в форме 1 л. ед. ч. могут употребляться:

– форма 2 л. ед ч., когда говорящий хочет придать своему высказыванию обобщающий характер, показать, что каждый на его месте высказал бы то же самое;

– форма 1 л. мн. ч. (с местоимением «мы») используется персонажами А.Н.Островского в целях самоутверждения, при стремлении поднять свой авторитет в глазах собеседников, слушателей;

– форма глагола 3 л. мн. ч., смысл такой замены – намеренное устранение подлежащего и усиление роли обобщенного действующего лица; эти предложения обычно служат для выражения настойчивого указания, просьбы, приказания, или в них содержится повторение ранее данного ответа на вопрос или предложение;

– форма глагола 3 л. ед. ч. вместе с существительным, которое называет говорящего, придает высказыванию обобщающий характер.

Например, к употреблению «мы» вместо «я» персонажи прибегают иногда для того, чтобы выставить свою личность, себя как выразителя мысли и воли некоторого коллектива или придать своей речи экспрессию величия, торжественности и важности. В пьесе «На каждого мудреца довольно простоты» Мамаева, отвечая на просьбу Глумовой позаботиться о сыне, говорит:

Мамаева. Да нельзя!.. *Мы* этого не допустим, *мы*, женщины. *Мы* поднимем на ноги мужей, знакомых, все власти; *мы* его устроим. Надобно, чтобы ничто не мешало *нам* любоваться на него. Бедность! Фи! *Мы* ничего не пожалеем, чтобы... Нельзя! Нельзя! Красивые молодые люди так редки... (А.Н.Островский 1974 т. 3: 24)

Для обозначения адресата воздействия (объекта манипуляций) вместо глагола в форме 2 л. ед. ч. или мн. ч. манипулятор может использовать следующие формы:

– 1 л. мн. ч. для обозначения совместного участия в каком-либо действии говорящего и того, к кому обращена речь;

– 3 л. ед. ч., такая замена наблюдается в тех случаях, когда персонаж, обращаясь к собеседнику, как бы игнорирует его, исключает из беседы, тем самым придает высказыванию пренебрежительный оттенок;

– 1 л. мн. ч. при обозначении действия другого лица или лиц, без участия говорящего;

– 3 л. мн. ч. с неопределенно-личным значением, хотя действующее лицо известно говорящему; смысл подобных высказываний переходит на уровень намека, который должен понять собеседник.

Проиллюстрируем первый из способов вербальной манипуляции. В пьесе А.Н.Островского «Свои люди – сочтемся» Подхалюзин, чтобы добиться согласия Липочки выйти за него замуж, рисует ей картину семейного счастья:

Подхалюзин. ...А если за меня-то вы, Алимпияда Самсоновна, выйдете-с, – так первое слово: вы и дома-то будете в шелковых платьях ходить-с, а в гости али в театр-с – окромя бархатных, и надевать не станем. В рассуждении шляпок или салонов – не будем смотреть на разные дворянские приличия, а наденем какую чудней! (А.Н.Островский 1973 т. 1: 134)

Полагаем, что разнообразные способы замены личных форм глагола в речи манипулятора вызваны прагматической установкой говорящего скрыть наличие манипулятивного воздействия. Наш материал показывает, что в высказываниях манипуляторов личные формы глаголов в переносных значениях обычно выступают как одно из средств манипулятивного воздействия, поскольку вносят в высказывания оттенки неопределенности, неточности, недосказанности, тем самым способствуя проведению скрытого воздействия.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ И КОММУНИКАТИВНАЯ КРЕАТИВНОСТЬ – ДВЕ СТОРОНЫ ОДНОЙ (ТВОРЧЕСКОЙ) ЛИЧНОСТИ.

В нашем исследовании ставилась задача изучения взаимосвязи уровня креативности мыслительной деятельности и креативности межличностного общения. Мы выдвинули предположение о том, что на креативном уровне может быть реализована не только когнитивная, но и коммуникативная функция психики (Б.Ф.Ломов), и, таким образом, интеллектуальная и коммуникативная креативность являются «двумя сторонами одной медали», двумя подуровнями в структуре общей креативной способности личности (В.Н.Дружинин).

Для диагностики интеллектуальной креативности использовались разработанные Дж.Гилфордом и Э.Торрансом тесты, в которых оцениваются три основных показателя – легкость, гибкость и оригинальность мышления. В целях диагностики креативного общения брались некоторые картинки стимульного материала рисуночного теста С.Розенцвейга, представляющие собой проблемные ситуации общения. По аналогии с оценкой мыслительных процессов в качестве основных показателей коммуникативной креативности были взяты те же характеристики: легкость, гибкость и оригинальность. Для выявления характера и структуры взаимосвязей между интересующими нас многомерными признаками (креативностью мышления и креативностью общения) и их компонентами мы применили математический анализ, в основе которого лежит расчет коэффициента совокупной согласованности – коэффициента конкордации (по формуле Кендалла). Объектом исследования выступили учащиеся старших классов лицея и студенты университета в возрасте 16-20 лет.

В результате проведенного исследования были получены показатели интеллектуальной и коммуникативной креативности, представляемые широким диапазоном значений, что позволило выделить несколько групп испытуемых, различающихся по величине измеряемых признаков. Высококреативные гораздо легче продуцировали идеи. Низкокреативные строили предложения по формальным законам языка; фразы высококреативных были обогащены вводными словами, остроумны по содержанию, поэтичны, оригинальны. Творчески мыслящие представители группы предлагали больше способов использования предметов, причем видели для них нетрадиционные сферы применения. Оригинальность и необычный взгляд на проблему, высокий уровень абстрагирования и синтетичность отличали последних и в изобразительном тесте.

Также распределились испытуемые по характеристикам креативности общения. Тактический арсенал низкокреативных ограничивается малым числом линий поведения; они ригидны, как правило пассивны, жестко привязаны к стимулу, т.е. находятся строго в рамках заданной ситуации.

Их реакции не выходят за пределы нормативных, общепринятых в данной культуре форм поведения. Творческие натуры не только легко генерируют идеи, но и легче идут на смену тактик, более вариативны в поведении. Для высококреативных характерен конструктивный подход, направленность на разрешение конфликта, динамизм, нетривиальность реакций по форме и содержанию и активная жизненная позиция.

Д.П. Казанникова (Пенза)

К ВОПРОСУ О ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ РАССМОТРЕНИЯ ИНТОНАЦИИ.

То, что мышление и речь взаимосвязаны, сегодня уже, пожалуй, ни у кого не вызывает сомнений. Представляется, что наиболее ярко взаимоотношения мышления и речи отражаются в интонационной организации высказывания. Не подлежит сомнению, что именно интонация превращает любой текст в оптимальную коммуникативную единицу, так как она отражает структурно-содержательные особенности его организации и оформляет его как цельную, связную, ритмически организованную структуру. Интонация связана с глубинными структурами мышления, с онтогенетической реальностью, ребенок еще не понимая слов, реагирует на интонацию взрослого, что говорит о том, что интонация не накладывается на готовый текст или его части, она изначально формирует текст на всех уровнях его порождения.

Видимо, все интонационное построение текста может быть рассмотрено не только с лингвистической, но и с психолингвистической точки зрения. Так, длина интонационной единицы ограничивается не только физиологическими возможностями дыхания, но и особенностями активации сознания, которая представляет собой способность говорящего фокусировать свое сознание лишь на ограниченной фрагменте мира в каждый данный момент. Каждая интонационная единица отражает текущий фокус сознания, а паузы соответствуют переходам сознания говорящего от одного фокуса к другому. Количество ударных слов в высказывании является также психологически обусловленным и связано с ограниченным объемом оперативной памяти человека. Ударные слова являются семантически наиболее важными и увеличение их количества может привести к затруднению декодирования информации слушающим. Известно, что для английской нейтральной речи характерно смещение интонационного центра на конечные элементы высказывания, т.е. синтагматическое ударение. Это обычно связывают с психологической тенденцией движения от известного (темы) к неизвестному (реме), что облегчает слушателю понимание произносимого. Выделенность ядерного тона в спонтанной речи нередко связана с эмоциональным состоянием говорящего. Восходящая интонация, по данным многочисленных исследований, несет значение неуверенности,

нисходящая же наоборот говорит о большей степени уверенности говорящего. Интересным представляется факт выделения длительными экспрессивными паузами таких слов, как «father, mother, family, parents», что является языковой универсалией. Выделение осуществляется на подсознательном уровне, что связано с особым положением родителей, семьи в жизни человека. Таким образом, мы полностью согласны с Г.В.Колшанским, что «коммуникативная ориентация в исследовании языка, получившая значительное развитие в последнее время, ставит себе несколько иные задачи, и приводит поэтому к результатам, имеющим более широкое значение нежели собственно лингвистическое. В ней переплетаются социально-лингвистические, психолингвистические и другие аспекты» (Г.В.Колшанский 1974).

Студентка Т.А.Питерскова (Пенза)

ПРОБЛЕМА СМЫСЛА ЖИЗНИ В СТУДЕНЧЕСКОЙ АУДИТОРИИ

Актуальность сформулированной в названии проблемы, вероятней всего, очевидна. Каждый человек, входящий в период зрелости и начинающий размышлять о своей жизни, спрашивает себя: «В чем смысл моей жизни? Каково ее значение? Кто я, откуда пришел и куда иду? К чему я предназначен? » Эти вопросы имеют почти такой же возраст, как и само человечество. При этом каждый по-своему пытается дать ответы на эти вопросы и объяснить смысл своего существования.

Об актуальности данной проблемы свидетельствует множество работ, посвященных этой теме. Она разрабатывалась такими авторами, как М.Доналдсон, С.Л.Рубинштейн, Л.И.Анцыферова, К.А.Абульханова-Славская, К.Обуховский, Г.А.Вайзер, М.Веллер, В.Э.Чудновский, В.Франкл и др. Интересны работы А.М.Дрюковой и М.М.Карпова, Н.Я.Ивановой, Л.Н.Когана и других авторов. У всех перечисленных исследователей обнаруживается самый различный подход к проблеме смысла жизни (говорится о субъективно-личностном смысле жизни, его психологической стороне, ценностно-нравственной оценке, о критериях смысла жизни, его связи с деятельностью личности и т.д.).

Для выявления отношения студентов к данной проблеме мы разработали анкету и провели анкетирование на четырех факультетах ПГПУ им. В.Г.Белинского» – на историческом факультете (ФИ), на факультетах иностранных языков (ФИЯ), русского языка и литературы (ФРЯЛ), физической культуры (ФФК). Всего было опрошено 325 человек. При анализе ответов мы пользовались «хи-квадрат» критерием, позволяющим устанавливать существенность/несущественность расхождения наблюдаемых частот. В результате оказалось возможным сделать следующие выводы.

В целом примерно 61 % студентов могут сказать, что осознают смысл своей жизни (соответственно примерно 39 % – не осознают), причем доля

этих ответов на всех факультетах примерно одинакова, а расхождения являются незначительными.

Студенты всех факультетов довольно серьезно подходят к данной проблеме. Примерно 44,9 % студентов считают, решать ее очень важно. Осознание важности, актуальности данной проблемы помогает ее решению. Наиболее любопытными являются расхождения в ответах студентов ФРЯЛ и ФФК, ФРЯЛ и ФИ, ФИЯ и ФФК на вопрос «Нравится ли Вам Ваша жизнь?» Литераторов, которым не нравится их жизнь, существенно больше, чем историков и студентов ФФК. Иными словами, жизнь нравится чаще историкам и студентам ФФК, чем студентам ФРЯЛ. Студентов ФИЯ, которые ответили «нет» на поставленный вопрос, больше, чем студентов ФФК. Иными словами, студентам ФФК их жизнь нравится чаще, чем студентам ФИЯ.

Количество студентов, не считающих свою деятельность ценной, важной и нужной, различно только на ФФК и ФИ. Учеба представляется таковой значительно чаще студентам ФФК, чем историкам. На вопрос «Какую роль играет для Вас мнение окружающих?» примерно 32% студентов ответили «Почти никакую» и примерно 60% – «Большую». Доля ответов на всех факультетах примерно одинакова, значительных расхождений нет. Количество студентов, для которых мнение окружающих играет очень большую роль, различно на ФК и ФИ. Количество студентов ФК, ответивших таким образом на поставленный вопрос, больше, чем количество студентов ФИ. Иными словами, для студентов ФК мнение окружающих значительно важнее, чем для студентов ФИ. Мы видим также значительные расхождения в ответе на данный вопрос у студентов ФРЯЛ и ФИЯ. Количество студентов ФРЯЛ, для которых мнение окружающих не играет абсолютно никакой роли, больше, чем количество студентов ФИЯ. То есть, для студентов ФИЯ мнение окружающих важнее, чем для студентов ФРЯЛ.

Определив расхождения между выборочными частотами в ответах на каждый вопрос, мы проранжировали факультеты и получили следующие результаты: 1) ФРЯЛ; 2) ФФК; 3) ФИЯ; 4) ФИ. То есть, благополучней всего дело с разрешением проблемы смысла жизни обстоит у студентов факультета русского языка и литературы, студенты ФФК и ФИЯ занимают в этом плане промежуточное положение, тогда как для историков данная проблема во многом остаётся неразрешённой.

Канд. филол. наук С.А.Ремизова (Краснодар)
**СТРАТЕГИИ И СХЕМЫ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ КОММУНИКАНТОВ
В СИТУАЦИИ КОНФЛИКТА**

Речевое общение – это своего рода игра, и коммуниканты выступают как противники, по очереди «делающие ход», который продиктован опре-

деленной стратегией. Речевые стратегии – важнейший элемент речевого поведения, диалогического общения.

Конфликт (расхождение интересов двух коммуникантов) рассматривается как компонент ситуации, в которой происходит речевое взаимодействие. Речевое взаимодействие, происходящее в рамках конфликтной ситуации, может относиться к таким комплексным речевым жанрам, как переговоры, спор, ссора, обучение-поучение и др.

Речевое поведение коммуникантов регламентировано, с одной стороны, законами общения, а с другой – их собственной волей, интересами, проявлением которых являются речевые стратегии. Речевая стратегия – это комплексное речевое воздействие одного говорящего на другого в процессе диалогического общения. Механизм речевых стратегий состоит из трех этапов: целеполагание, оценка ситуации, выполнение (вербализация).

Макростратегия представляет собой схему речевого поведения, обусловленную глобальной целью коммуниканта. В рамках макростратегии отдельные шаги или коммуникативные ходы рассматриваются как тактики. Выделяются следующие макростратегии, используемые коммуникантами в конфликтной ситуации: 1) избегание конфликта (невмешательство), 2) соперничество (борьба), 3) приспособление (стратегия уступок), 4) совместное решение проблемы (компромисс или сотрудничество).

Выбор макростратегии и тактик диктуется различными факторами:

1) фактор мотивации (является ли данный коммуникант инициатором конфликта, и насколько он заинтересован в исходе конфликта);

2) фактор статуса (каков статус данного коммуниканта по отношению к оппоненту);

3) личностный фактор и психологическое состояние коммуникантов;

4) стадия развития конфликта (инцидент, эскалация, кульминация, завершающая стадия);

5) условия общения, сопутствующая предметная деятельность коммуникантов;

6) присутствие третьей стороны.

Стратегия избегания конфликта направлена на то, чтобы «словесного поединка» не состоялось и предполагает либо «нулевые» речевые акты, т.е. молчание, или «уход от темы». Среди стратегий соперничества можно выделить две основных разновидности: стратегия нападения и стратегия защиты (оборонительная стратегия). Стратегия приспособления или уступок заключается в том, что один из коммуникантов под напором тактик нападения второго частично или полностью сдает свои позиции, соглашается с мнением, высказанным оппонентом, или выполняет его требования. Стратегия сотрудничества признана наиболее конструктивной, так как именно ее с помощью каждый из коммуникантов может достичь максимального удовлетворения своих интересов.

Нам представляется, что на основе описанных выше стратегий можно сконструировать следующие основные схемы, по которым протекает рече-

вое взаимодействие в ситуации конфликта: 1) нападение – нападение, 2) нападение – защита, 3) нападение – уступка, 4) уступка – уступка, 5) совместное сотрудничество.

Аспирант Е.Ю. Спиридонова (Москва)

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ И ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАЗЛИЧНЫХ ПОДГРУПП КЛАССА.

Становление и развитие грамотности в период школьного обучения является одной из важнейших задач школьного образования. Решение этой задачи остается актуальным в настоящее время. Соответственно остается актуальной разработка методов повышения эффективности обучения в общеобразовательной школе.

За трудностями обучения грамотному письму лежат объективные причины, кроющиеся в индивидуальных особенностях. У каждого ребенка своя собственная, индивидуальная учебная установка, своя скорость запоминания, объем памяти, свое «языковое чутье».

Для выяснения причин, влияющих на грамотность каждого конкретного ребенка, был выбран круг языковых способностей, которые анализировались на связь с грамотностью.

При разработке методов оценки грамотности было важно опираться на количественные характеристики. В 3-м, 5-м, 6-м классах было подсчитано количество ненормативных написаний, сделанных учащимися в специально подобранных диктантах. Результаты показали, что по сравнению с третьим классом в пятом увеличилась доля учащихся, допустивших малое число ошибок. Уменьшилась доля учащихся со средним числом ошибок. Грамотность слабых учащихся почти не изменилась. В шестом классе эта тенденция сохранилась.

Было замечено, что рассматриваемая группа учащихся, совмещает в себе две группы учеников с противоположными статистическими тенденциями. Учащиеся 1-ой группы (14 чел.) улучшают свои показатели или оставляют прежними. Учащиеся 2-ой группы (8 чел.) увеличивают число ненормативных написаний. Исходя из данных, выделили две группы, которые рассмотрели подробнее. При анализе связи грамотности с другими формами языковых способностей: скоростью чтения, глубиной чтения, чтением деформированного текста, слогаделением, морфослогаделением, выяснилось, что результаты учащихся 2-ой группы почти всегда выпадали из общей нормы. Коэффициенты корреляции связи грамотности с другими формами проявления языковых способностей 2-ой группы превосходят величины коэффициентов корреляции 1-ой группы. Выяснилось, что дети, входящие во 2-ю группу, в различный период дошкольного и школьного возраста посещали занятия логопеда или психолога.

Дефектологов, врачей и педагогов уже давно волнует то обстоятельство, что в последние десятилетия постоянно растет число детей с нерезко выраженными отклонениями в развитии. Эти отклонения наблюдаются в том числе и в речевом развитии детей. С началом школьного обучения, когда к речи начинают предъявляться повышенные требования, все дети с отставанием в речевом развитии сразу обнаруживаются уже на самых первых этапах обучения чтению и письму. Многие из них с большим трудом овладевают этими сложными процессами, а в дальнейшем пишут с множеством специфических ошибок, которые не удается преодолеть обычными школьными методами.

При детальном анализе ошибок, допускаемых учениками, выделенных нами в отдельную(2-ю) группу, обнаружилось, что для них характерны следующие ошибки:

а) замена букв по принципу сходства соответствующих звуков (сопака вместо собака, ден вместо день).

б) искажение звуко-слоговой структуры слова (Жня вместо Женя, стдол вместо стол).

в) аграмматизмы в письме, т.е. написание как бы вопреки правилам грамматики (красныя яблоко вместо красное, на деревьев вместо на деревьях).

г) замена букв по принципу оптического сходства и искажённое их написание (щапка вместо шапка, борога вместо дорога).

Предупредить и преодолеть такие специфические нарушения письма можно, только работая со специалистом. Ошибки, связанные с затруднениями анализа речевого потока, исчезнут только тогда, когда ребёнок полностью овладеет этим навыком и научится отчётливо представлять себе звуко-слоговую структуру слова. Единственно надёжный путь преодоления аграмматизмов в письме – это преодоление их в устной речи.

Из этого делаем вывод, что, работая в классе, нужно выделять группу детей, к которой необходим особый подход. Эти учащиеся даже в 5-ом, 6-ом классе требуют систематических фонетических упражнений: слоговое деление, анализ фонетической транскрипции слова и т.п.

К тому же подростковый возраст обостряет все индивидуальные особенности ребёнка, будь то речевые проблемы или психические. Эти неблагоприятные условия могут особым образом сказываться на учащихся, оказывая влияние даже на грамотность. Это необходимо учитывать при работе учителя в средней школе.

Канд. психол.наук В.И.Страхов, Н.С.Аринушкина (Саратов)
РЕЧЕ-МЫШЛЕНИЕ В СТРУКТУРЕ МАССВНИМАНИЯ

Феномен массвнимания рассматривается нами (2003) как одно из проявлений коллективного (группового) внимания. Она пополняет ранее

установленные модификации социализированной формы внимания (1963). Массвнимание охватывает собой относительно большие группы людей, объединяемых в рамках речевой деятельности, имеющей обостренное, эмоционально повышено экспрессивно окрашенное выявление, что обуславливается расхождением позиций в понимании обсуждаемых вопросов (что по большей части просматривается в собраниях митингового характера, а также в некоторых формах демонстрации, пикетов и т.п.).

Особое место в ряду подобных явлений занимает его реализация в группе футбольных болельщиков, характеризующихся повышено агрессивным выражением своих «профессиональных» позиций, и созданием социальной ситуации общественной опасности.

Представленный разброс групповых психических состояний, помимо жесткой личностной обусловленности (что в нашем случае актуализируется как сюжет обсуждения) имеет в качестве отождествляющего их показателя доминанту внимания – соответствующую его антипозицию. Оно исходно приурочено к определенному (и чаще всего радикальному) взгляду, разделяемому и поддерживаемому единомышленниками. Это может быть какая-либо трактовка политического сюжета, общественного или нравственного вопроса, а также причастным к правовой, спортивной и др. сферам.

Данная установка внимания отражает порождающую ее логико-мыслительную акцентуацию личности – непоколебимую уверенность в правильности разделяемой позиции. Вербальная разработка принятого положения содержит как мотивационно-доказательную аргументацию, так и резко обозначение непреклонности в его разрешении. При этом более чем явно выражается категоричность суждений и абсолютный отказ компромисса по отношению к оппонировавшей стороне, которая в свою очередь занимает аналогичную позицию.

Столкновение сторон (и соответственно контрнаправленности внимания и мыслительных «потоков») практически редко приведет к «победе» какой-то из них. Если, конечно, не считать победой физическую схватку болельщиков спортивных команд. Идеология конфликтующих групп, ее реализация в рече-мыслительном процессе обостряет внимание каждого из соучастников деятельности, и тем самым выводит общую картину массвнимания на новый уровень концентрации и экспрессивности. Психологическое своеобразие феномена массвнимания обуславливает и инструмент его регуляции. Последняя задача весьма актуальна и соответствует запросам подавляющей части общества, поскольку социальная опасность крайних проявлений массвнимания очевидна и уже имеет немало случаев своего негативного и трагического «выхода». Применяемые в этом отношении в настоящее время преимущественные силовые средства, по сути дела, успеха не имеют. Они способствуют тому, что «болезнь загоняют внутрь», - выискиваются изощренные средства реализации негативных форм массвнимания.

Продолжение психологического исследования обсуждаемого явления, безусловно, целесообразно вести в направлении выработки эффективных средств, для начала, – сдерживания, а затем и преодоления данного социального зла. Мы уже располагаем средствами целесообразного управления ранее установленными формами коллективного внимания (синхронным, мозаичным и др.), что, безусловно, вселяет надежду и в успехе сдерживания и регуляции массового внимания.

Канд. филол. наук Т.Ю. Тамерьян (Владикавказ)
ДИАЛОГ КУЛЬТУР – ДИАЛОГ СОЗНАНИЙ

При исследовании и описании языкового сознания отчетливо проявляется тенденция, свойственная сегодняшнему состоянию научной парадигмы – тенденция к интеграции научных знаний и увеличению числа междисциплинарных исследований.

Обращение к проблеме языкового сознания в свете овладения вторым (Я₂) или иностранным языком (ИЯ) включает человека в социокультурный контекст развития сознания. Познание опосредуется содержанием сознания, поэтому изучение другого языка в любом объеме и на любом уровне затрагивает сознание субъекта. Если при изучении родного языка ребенок означает довербальную картину мира, тогда как Я₂ и ИЯ изучается в основном индивидом, обладающим картиной мира, сформированной на базе родного языка. Его языковое сознание выступает как система координат, с точки зрения которой оцениваются все поступающие в сознание элементы изучаемого языка.

Несмотря на то, что в общем и языковом сознании отмечаются одинаковые для носителей разных языков значения, национальные языковые картины отличаются большой спецификой. При усвоении Я₂ и особенно ИЯ происходит интерференция картины мира – как общих, так и языковых. Иноязычный материал вписывается в смыслообразующий контекст родного языка, а сообщения на нем интерпретируются с точки зрения родной культуры.

Овладение неродным языком связано с перестройкой имплицитной картины мира субъекта: изменением коннотативного значения объектов за счет привязывания к нему новых эмоционально насыщенных образов; формирования общего эмоционального настроения мироощущения, категоризации общих контуров выстраиваемого в сознании концептуального образа мира; перестройки категориальной структуры индивидуального сознания, форм упорядочения и классификации объектов окружающей социальной действительности.

При освоении второго языка происходят изменения языкового сознания, сформированного на базе родного языка. Результатом этого изучения становится образование некой гибридной структуры, вмещающей в себя

две знаковые системы. При этом более поздняя знаковая система как бы встраиваясь в уже существующую, внедряется в языковое сознание индивида. Кроме того, усвоение новой языковой системы влияет и на общую картину мира в когнитивной сфере.

Поскольку изучение ИЯ/Я₂ непосредственно влияет на содержание сознания субъекта, необходимо признать, что иноязычного сознания в чистом виде не существует, а при формировании билингвального сознания сосуществуют, находясь в некоторых взаимоотношениях, две языковые картины мира.

Изучение другого языка возможно лишь через призму национальной культуры, когда одновременно усваиваются образ мира, присущий соответствующему народу.

Канд. пед. наук Г.В.Фадина, канд. пед. наук Е.Ю.Филатова (Балашов)
**РАЗВИТИЕ РЕЧЕВОГО И ТВОРЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ
ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА**

В становлении личности ребенка, в развитии его творческого мышления неопределима роль языка, при помощи которого ребенок осознанно познаёт окружающий мир. С самого раннего возраста дети усваивают различные стороны языка: фонетику, лексику, морфологию, синтаксис. В многоплановой структуре языка совершенно особое место занимает слово как основная структурно-семантическая единица, служащая для наименования предметов и их свойств. Дети дошкольного возраста приобретают значительный словарный запас. На основе понимания и активного использования этого словарного запаса формируется способность к обобщению. Слово всегда сопутствует непосредственному восприятию в ходе осмысленного познания ребенком окружающей действительности.

Каждая развивающаяся личность индивидуальна. Тем не менее, представляется возможным выделить общие закономерности развития речи детей в дошкольном возрасте:

- переход от ситуативной речи к контекстной;
- появление речевого мышления в процессе расширения функций слова;
- систематизация семантических полей производных слов;
- выделение синтагматических и парадигматических связей.

Синтагматический аспект определяется связями данного слова с другими словами – в словосочетании и предложении. Парадигматический аспект определяется позицией слова в лексической системе языка. Слово вступает в разнообразные отношения с другими словами. Классификация слов, их многосторонние связи между собой отражают объективную классификацию предметов действительности, что в период дошкольного дет-

ства позволяет объединить речь и мышление, формирует психологическую базу речи, активизируя смысловые компоненты речевой деятельности.

Овладение речью и дальнейшее ее формирование находятся в тесной зависимости от психологического развития ребенка, от состояния и особенностей развития его мыслительной деятельности.

Период детства характеризуется интенсивным развитием речевого и творческого мышления, что является приоритетной задачей дошкольного образования. В программах дошкольного образования заложен определенный потенциал, нацеливающий образовательный процесс на развитие речевого и творческого мышления средствами обогащения и активизации словаря. Творческое мышление детей дошкольного возраста необходимо рассматривать как совокупность представлений и образов в речевой деятельности, так как развитие творческих способностей наиболее эффективно, если осуществляется в неразрывном единстве с развитием речи, с обогащением и активизацией словаря.

По-нашему мнению дошкольные образовательные учреждения должны обеспечивать оптимальные условия творческого и интеллектуального развития, а развитие речи наиболее эффективный способ повышения уровня развития творческого мышления.

Соискатель Т.В.Фетисова (Москва)

ДЕЛЕНИЕ УЧАЩИХСЯ ПО ИХ СПОСОБНОСТИ РАЗЛИЧАТЬ ЛИНГВИСТИЧЕСКУЮ И ПАРАЛИНГВИСТИЧЕСКУЮ ИНФОРМАЦИЮ.

С 16-тью студентами одного из технических вузов г. Москвы был проведен эксперимент по восприятию лингвистической и паралингвистической информации, разработанный проф. Г.М.Богомазовым (Богомазов Г.М. К вопросу о групповом лингвистическом портрете // Проблемы фонетики. Вып. 4. – М., 2003). Учащимся было предложено расставить ударение в четырехсложных словах, которые были искусственно созданы и соответственно не имели реального значения. В каждом случае студент получал бланк, на котором были напечатаны три столбика по 20 искусственно созданных слов. Первый из них состоял из слогов типа СГ (согласный + гласный), второй заканчивался согласным или группой согласных, а в третьем слова начинались с двучленной группы согласных. В первом эксперименте учащимся сообщалось, что перед ними незнакомые слова, в которых нужно расставить ударения. Во втором, третьем и четвертом экспериментах учащиеся расставляли ударения в этих словах как в существительных, глаголах и прилагательных соответственно. В пятом эксперименте при расстановке ударений учащиеся должны были отнестись к неизвестным им словам как к словам, в которых заключено минорное содержание, в шестом – как к словам мажорного содержания.

Суммируя количество ударений, поставленных учащимися на первый, второй, третий и четвертый слог, и проанализировав полученные данные, можно отметить их соответствие общим статистическим тенденциям распределения ударения в реальных русских словах: в 1-ом столбике со словами структуры СГСГСГСГ ударение стремится занять центральное положение (3-й слог), во втором столбике со словами структуры СГСГСГСГС ударение сдвигается к последнему слогу, а в словах структуры ССГСГСГСГ – к началу слова. В то же время эти статистические тенденции по-разному проявляют себя в словах, относящихся к различным частям речи. Так, в неизвестных для учащихся существительных ударение более последовательно стремится занять начальную позицию по сравнению с глаголами, а в неизвестных глаголах, наоборот, – конечную. Так же проявляется различие между словами с минорным и мажорным содержанием: в мажоре ударение стремится к концу слова, в миноре – к его началу. Эти показатели говорят о том, что паралингвистическая информация не менее важна для студентов, чем лингвистическая.

Продолжим анализ суммарных данных по шести экспериментам с применением доступных нам математических методов. С помощью вычисления коэффициента различия (Г.М.Богомазов 2003) дадим количественную оценку разницы в расстановке ударений в существительных и глаголах, существительных и прилагательных, прилагательных и глаголах, в словах с минорным и мажорным содержанием. Полученные математическим путем коэффициенты различия позволяют увидеть, что в целом различия в расстановке ударений в словах с различным грамматическим содержанием минимально по сравнению с расстановкой ударения в словах минорного и мажорного содержания. Исключения составили слова второго столбика. Следовательно, студенты технического вуза лучше различают паралингвистическую информацию, чем лингвистическую. Однако слова с закрытыми слогами ориентируют студентов на распространенные в русском языке окончания различных частей речи, что позволяет говорить и о стремлении учащихся учитывать грамматическую информацию, заложенную в неизвестных для них словах. Следует также отметить, что в данной группе носителей русского языка с превалирующим паралингвистическим значением слова различия между существительными и прилагательными значительно меньше, чем между прилагательными и глаголами. Исследования показывают, что в группе, где учащиеся лучше различают лингвистическую информацию, чем паралингвистическую, ситуация обратная (Г.М.Богомазов 2003). Однако для подтверждения этих наблюдений требуются дополнительные исследования.

В последующих экспериментах те же слова, которые использовались ранее, располагались парами. В седьмом эксперименте студентам предлагалось расставить ударение в указанных парах, но отнести к ним как к синонимам, а в восьмом эксперименте – как к антонимам. Вновь с помощью вычисления коэффициента различия получим количественную оцен-

ку в расстановке ударений в паре синонимов и антонимов каждого столбика (формула остается прежней). Анализируя новые показатели и сравнивая их с коэффициентами различия грамматических значений, можно сделать вывод, что грамматические значения среди лингвистических превосходят различия в области лексических значений, т.е. грамматические значения более ярко противопоставлены в сознании носителя русского языка по сравнению с лексическими.

Далее перейдем от рассмотрения общих тенденций, характерных для группы в целом, к анализу их проявления в языковом сознании конкретных учеников этой группы. В связи с реализацией этой задачи, используя прежнюю формулу, получим коэффициенты различий для каждого студента в отдельности.

Мы можем наблюдать, что в большинстве случаев студенты с помощью разной расстановки ударений в словах экспериментального материала различают грамматические и лексические значения, а также паралингвистическое содержание слов. Однако наличие нулевых показателей коэффициентов различий, т.е. однотипная расстановка ударений в сравниваемых словах, говорит о том, что студенты не реагируют на изменение в данном случае лингвистического содержания, а точнее, в области лексических значений (12 случаев из 96 возможных) и в области грамматических значений (1 случай из 144 возможных). Случаи неразличения в области лексических значений охватывает 8 студентов, т.е. 50%, что свидетельствует о том, что в языковом сознании данной группы студентов более последовательно и стабильно отражаются в первую очередь паралингвистические и грамматические значения, нежели лексические.

Однако главный водораздел проходит между учениками, хорошо различающими лингвистическую информацию (прежде всего грамматическую) по сравнению с паралингвистической, и учениками, преимущественно различающими паралингвистическую информацию по сравнению с лингвистической. Для получения необходимых данных проделаем простую операцию: вычтем из величины коэффициента различия, которая характеризует различие грамматических значений, показатель коэффициента различия между паралингвистическими значениями. Если показатели будут принимать отрицательные значения, то студента можно отнести к группе, которая лучше различает паралингвистическую информацию по сравнению с лингвистической. Если разница между соответствующими коэффициентами принимает положительные значения, то учащегося следует отнести к группе хорошо различающих лингвистическую информацию. Если же величины примут и положительные, и отрицательные значения, то такого студента следует причислить к смешанной группе.

На основе отрицательной и положительной разницы в значениях между коэффициентами в области лингвистических и паралингвистических значений выделим в первую группу студентов, где рассматриваемый параметр в большинстве случаев принимает положительные значения. У

этих учащихся грамматические значения превалируют над паралингвистическими. Причем один учащийся практически по всем параметрам дает положительные показатели. Вторую группу будут составлять студенты, где параметр принимает преимущественно отрицательные значения. В третью (смешанную) группу следует отнести учащихся, у которых встречаются и положительные, и отрицательные показатели.

Однако не только эти особенности объединяют учащихся данных групп, но и особенности их психического склада. Учащихся 1-ой группы по их психологическим характеристикам следует отнести к типу интровертов, учащихся 2-ой группы – к типу экстравертов, а учащихся 3-ей группы трудно охарактеризовать с этой точки зрения. Работая с этими студентами, мы убедились в том, что данные характеристики вполне соответствуют психологическому складу учащихся каждой групп. Студенты, которых мы отнесли к 1-ой группе, более замкнуты, уравновешенны, спокойны, стараются не задавать вопросы преподавателю, реже интересуются окружающим и происходящим вокруг них. Учащиеся 2-ой группы противоположны по своему складу: они живо интересуются происходящим вокруг них, более отзывчивы, контактны. При объяснении нового материала педагог ориентируется на студентов 2-ой и 3-ей групп. Но когда необходимо «извлечь» из памяти учащихся изученный когда-то материал, педагог будет уверен, что «выдадут» необходимую информацию учащиеся 1-ой группы.

Конечно, полученные экспериментальные данные требуют дальнейшей проверки, при использовании их в широкой практике необходимы дополнительные исследования.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ

Канд. филол. наук А.А.Алемпьев (Саратов)

ВОСПРИЯТИЕ ЖАРГОНИЗМОВ ПРИ ЧТЕНИИ ИНОЯЗЫЧНОГО ТЕКСТА

Как известно, любой, прежде всего, художественный текст отличается особой этнокультурной спецификой, поскольку он создается представителем определенной этнокультуры и «впитывает» в себя особенности менталитета этноса, в условиях которого он возник. Подобного рода явления могут послужить серьезным препятствием для адекватного понимания текста представителем иной этнокультуры, даже при условии хорошего владения языком оригинала. Особую сложность представляют тексты, в которых доминирует жаргон той или иной социально-возрастной группы. В качестве примера описываемой модели имеет смысл рассмотреть текст «искусственного», переработанного варианта сказки бр. Гримм «Rotkäppchen», носящий название «Rotkäppchen in der Scene» [Ritz 1981]. Необходимо заметить, что события в описываемом варианте происходят в конце 20 века в Германии.

Итак, уже в первом предложении встречается слово, относящееся к упомянутой эпохе: «Da wa ma ne echt koole Frau, die hatte sich die Haare mit *Henna* gefärbt... [Ritz 1981]. Данное предложение характеризует внешний облик героини, причем описывается ставший популярным для женщин современной Европы процесс перекрашивания волос. Таким образом, внешний вид героини данного варианта отличается от гриммовского оригинала: «Einmal schenkte sie ihm *ein Käppchen aus rotem Sammet*, und weil ihm das so wohl stand und es nichts mehr tragen wollte, hieß es nur das Rotkäppchen» [Grimm 1991:174].

Данный пример, однако, является не самым показательным в плане иллюстрации искусственного изменения факторов объективной реальности в тексте; подобное изменение, что немаловажно, служит преградой на пути постижения смысла инокультурного текста. Рассмотрим другую текстовую: «Bei Karstadt in der *Reformabteilung* klaute die Frau noch ne Packung *Müsli* und ne Flasche *okzitanischen Bio- Wein*» [Ritz 1981]. «Reformabteilung» имеет значение «отдел распродажи»; «мюсли» (*Müsli*) и «экологически безопасное вино» (*okzitanischer Bio-Wein*) также относятся к употребляемым в конце 20в. в Германии лексемам, имеющим отношение к продуктам. Значение отмеченных лексем может быть непонятно, например, представителем, русской этнокультуры при сравнении модернизированного варианта сказки с оригиналом, а особенно при непосредственном контакте с анализируемым текстом без оригинала с отсутствием соответствующих фоновых знаний.

Заслуживает внимания также следующий отрывок: «Da sagte sie sich: “Hier wierste alt, und überhaupt *is Action angesagt*” und machte sich vom *Acker* zu ner befreundeten *Land-WG*, die hatten mitten im Wald en irres Haus aufgerissen, von so ner kranken Oma» [Ritz 1981].

«Action» – это англоязычное заимствование, которое в совокупности со словосочетанием «angesagt sein» означает «необходимость активно действовать».

«Acker» имеет значение «родина, родная земля».

Особенную сложность при чтении иноязычного текста представляют аббревиатуры. Так, в приведенном отрывке встречается аббревиатура «WG», которая расшифровывается следующим образом: «жилище, сдаваемое внаем одному или группе лиц» [Немецко-русский словарь 1993].

Жаргонные выражения для читателя часто вообще непонятны; это часть особого пласта лексического запаса языка, имеющего этнокультурную окраску. В качестве примера можно привести следующую текстему «Da kam ein total *ausgeflippter* Typ angelatscht, ganz schon beknaakt, sag ich dir...» [Ritz 1981]. Анализ одной лексемы из данного отрывка требует обращения к соответствующим источникам: «ausgeflippt» – жаргонизм, означающий «находящийся под воздействием наркотиков» [Duden 1996].

Исследование лишней раз доказывает необходимость наличия, наряду с навыками владения чужим языком, фоновых знаний, соотносимых с современной культурой создавшего текст этноса.

Аспирантка Л.П.Амири (Ростов-на-Дону)

ЯЗЫК РЕКЛАМЫ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ.

1. Язык рекламы – это особый феномен, так как он исследуется специалистами многих отраслей науки, начиная с филологов, журналистов, социологов и заканчивая психологами. Язык рекламы должен отвечать следующим критериям: в минимальном объеме текста должно быть максимальное количество запоминающейся и убедительной информации, при этом нельзя забывать о лингвистических и грамматических правилах и нормах; учет психологических особенностей восприятия текста.

2. Одной из психологических особенностей восприятия текста является языковое манипулирование. Языковое манипулирование – это использование лингвистических и психологических особенностей языка с целью скрытого воздействия на адресата в нужном для говорящего направлении; скрытого – значит, неосознаваемого адресатом.

3. Использование такого мощного инструмента в рекламе, как язык, будь то устная речь, объявление в газете или просто слоган, одновременно необходимо и сложно. В сфере рекламного функционирования языка выработались своеобразные формулы, клише, специфические выражения, характерные именно для этой области человеческой деятельности. Таким

образом, реально существует набор языковых средств, закрепленных именно за языком рекламы и на лексическом, и на грамматическом уровне.

4. Среди языковых особенностей, характерных для языка рекламы, исследователи отмечают синтаксическую простоту, динамический синтаксис, конвергенцию стилистических приемов, использование тематических отношений для акцентирования прагматически важной информации, в частности, инверсии, смещения информативного фокуса вперед.

5. Экономия языковых средств достигается за счет использования эллиптических конструкций, неполнота которых легко восстанавливается, некоторых видов рекламного узуса, например, координатных связей, имплицитных отношений, а также за счет полифункциональности некоторых композиционных элементов (совмещение двух и более функций в одном композиционном блоке – явление достаточно распространенное в рекламе).

6. Синтаксическая экспрессивность определяется как свойство синтаксических форм увеличивать прагматический потенциал высказываний сверх той степени, которая достигнута лексическим значением элементов, наполняющих эти синтаксические формы.

7. Среди языковых средств, актуальных для рекламы, можно назвать следующие – эпитет, сравнение, гиперболу, литоту, метафору, персонификацию, фразеологизмы и т.д.

8. Экспрессивный синтаксис в рекламе представляют парцелляция – членение предложения; сегментированная конструкция, когда после первого именительного представления следует второе в виде синонима или местоимения; вопросно-ответная конструкция; анафора и эпифора; антитеза; градация.

Докт. филол. наук А.П.Бабушкин (Воронеж)

ДЕФОРМАЦИЯ И ПРИРАЩЕНИЕ СМЫСЛА В ЦИТАТАХ, СТАВШИХ «КРЫЛАТЫМИ ВЫРАЖЕНИЯМИ»

«Крылатые слова» – это устойчивые и воспроизводимые выражения, вошедшие в язык из известного литературного или исторического произведения и получившие широкое распространение благодаря своей выразительности: Быть или не быть (Шекспир); Галопом по Европам (Державин); А ларчик просто открывался (Крылов); Ох, тяжела ты шапка Мономаха! (Пушкин); Как в лучших домах Филадельфии (Ильф и Петров).

Крылатые слова являются готовыми формулами, своеобразными штампами. Не случайно отнесение обозначенных ими смысловых блоков к культурным концептам, занимающим свою позицию в концептосфере языка – так называемой «текстовой концептосфере». На основе активизации этих концептов крылатые слова позволяют экономно и ярко выразить

мысль, сопряженную с множеством уместных ситуаций. Так, например, рассмотрим лексикографически зафиксированные случаи, в которых может быть употреблена фраза «А ларчик просто открывался»: *Даже иностранные кабинеты встревожились деятельностью Бодрецова, спрашивают: – Да откуда ты, братец, все знаешь? – Угадайте! – говорит. – А ларчик просто открывался: вел Афанасий Аркадьевич дружбу с камердинером князя Откровенного: из этого-то источника все и узнавал (Салтыков-Щедрин. Мелочи жизни); – Извольте, за сто рублей устрою вам увольнение. Взял сто рублей и устроил. – Как? – спрашивает трактирщик. – Угадай-ка. Ларчик просто открывается (Чехов. Староста).*

Из данных (и других) примеров становится понятным, что набор ситуаций, в которых возможно употребление выражения «А ларчик просто открывался» сводится к рамкам объединяющего их смысла: Дело ясно, оно не требует долгих рассуждений. Точно также декодируется и исходная фраза из басни «Ларчик» И.А. Крылова.

Вместе с тем образование отдельных крылатых слов связано с семантической деформацией, приращением нового смысла и стилистическими сдвигами цитат, их производящих. К этой группе крылатых выражений относим следующие высказывания: Не пропадет ваш скорбный труд (Пушкин); Не вынесла душа Поэта (Лермонтов); Жаль только – жить в эту пору прекрасную / Уж не придется – ни мне, ни тебе (Некрасов); Вихри враждебные веют над нами (Кржижановский); Но разведка доложила точно (Ласкин) и многие другие.

Данные крылатые выражения используются в речи в тех случаях, когда жизненные ситуации, ими обозначенные, аналогичны тем, которые закреплены в оригинальном варианте. Однако это лишь ложная аналогия. Необходимо указать на их сегодняшнее ироническое либо шутливое прочтение, обеспечиваемое контрадикцией между первоначальным смыслом выражений, их «официальным» пафосом и новым содержанием. Так, фразу «Не вынесла душа Поэта» можно соотнести теперь с совокупностью обстоятельств, когда любой, даже самый ординарный человек отказывается терпеть нечто для него неприятное молча, не выражая своего негодования (при этом имеет место десемантизация слова «Поэт»). Мичуринское «Мы не можем ждать милостей от природы» используется для демонстрации готовности действовать решительно (и не только в деле покорения природы). Слова Некрасова «Жаль только – жить в эту пору прекрасную / Уж не придется – ни мне, ни тебе» таят в себе осознание невозможности радикального улучшения жизни в ближайшей перспективе. Отдельно взятая фраза «Вихри враждебные веют над нами» означает сегодня обстоятельства, при которых создаются условия для нарушения спокойствия, зреют различные неприятности.

Таким образом, в концептосфере языка формируются «дуплетные» концепты, и их содержание автономно от смысла широко известных цитат.

Канд. филол. наук З.В.Баишева (Уфа)

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ОБВИНИТЕЛЬНОЙ РЕЧИ (на материале обвинительных речей А.Ф.Кони)

Судебные выступления А.Ф.Кони демонстрируют умение судебного оратора эффективно пользоваться языковыми средствами в процессе общения, то есть умение осуществлять такой выбор и такую организацию языковых средств, которые в ситуации судебной речи при соблюдении современных языковых норм и этики общения позволяют обеспечить максимальную результативность (воздейственность) коммуникации.

В процессе убеждения оратор обращается к разуму, но влияет и на чувства аудитории, апеллирует как к истине, так и к мнению слушателей, показывает все возможности, выгоды и преимущества своего варианта решения проблемы. Наиболее эффективна убеждающая речь, в которой логические и психологические элементы оказываются в равновесии.

Воздействие не только на мысли человека, но и на его чувства и эмоции призвана оказывать риторическая аргументация.

Основным типом риторических аргументов считаются *психологические доводы*, когда оратор непосредственно апеллирует к чувствам и эмоциям адресата. Чаще всего в заключительной части обвинительной речи А.Ф.Кони использует побуждающий аргумент с целью показать адресату, почему ему следует совершить определенное действие (оправдать или признать виновным подсудимого). При этом обычно обвинитель А.Ф. Кони говорит о вреде, нанесенном обществу подсудимым, о пользе, которую принесут обществу присяжные заседатели своим решением.

Частым риторическим аргументом является обращение к мнению авторитетного лица (*ссылка на авторитет*). Используя этот аргумент (научные данные, обратившиеся в аксиому, исторические события, не подлежащие сомнению, явления природы или такие условия общежития, которые всеми признаны общеобязательными и т.д.), оратор как бы вводит в дискуссию еще одного участника, мнение которого вызовет доверие слушателей.

Наиболее строгая и рациональная форма этого аргумента – *ссылка на специалиста*. Ссылаясь на мнение другого человека, оратор А.Ф.Кони старается убедить адресата в том, что это действительно авторитетный специалист в своей области, к мнению которого следует прислушаться.

Цитируя *половицы, поговорки*, оратор значительно усиливает убеждающий эффект своей речи, показывает слушателям, что он не одинок в своей точке зрения, его мнение поддерживают многие авторитетные, мудрые люди.

Нередко в обвинительных речах А.Ф. Кони авторитетной инстанцией, к которой апеллирует оратор, оказываются сами *слушатели*. Оратор об-

ращается к собственному опыту слушателей, их здравому смыслу, находя в них подтверждение своих мыслей.

Судебный оратор А.Ф. Кони ссылается также и на *общественное мнение*, на то, как принято поступать, оценивать что-то в обществе. Оратор апеллирует к нормам и установлениям, принятым в данное время в данном обществе.

Специфически риторическим и одним из самых сильных типов эмоциональных аргументов являются образные аргументы.

Для судебного оратора А.Ф. Кони характерно умеренное и уместное использование образных средств (эпитеты, метафоры, сравнения, эвфемизмы и другие тропы), которые являются не приемом украшения слога, а средством аргументации. Уместное применение оратором образных средств, в сочетании с логическими доводами способствуют одновременному влиянию на ум и на сердце слушателей, что обеспечивает действенное убеждающее воздействие.

Аспирант С.А.Баранов (Краснодар)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ПРИЁМОВ В РЕКЛАМЕ

Суггестия или внушение, – это процесс воздействия на психику человека, связанный со снижением сознательности и критичности при восприятии внушаемого содержания, не требующий ни развернутого логического анализа, ни оценки.

Фонологический уровень суггестивной лингвистики является наивысшим с точки зрения латентного воздействия. Уловить, поймать звук – это и значит отыскать ритм повествования, его звуковую энергию.носителем фонетического значения является звуко-буквенный психический образ, который формируется под воздействием звуков речи, но осознаётся и чётко закрепляется лишь под влиянием буквы.

Анализируя тексты рекламного характера, мы можем измерить следующие фоносемантические параметры. Отклонение частотности употребления тех или иных звуков от нормальной частотности. В обычной речи звуки встречаются с определённой частотностью. Каждый читатель заранее ожидает встретить в рекламном тексте, как и в стихотворении, каждый звук нормальное число раз. Звуки в пределах нормы не несут специальной смысловой и экспрессивной нагрузки. Заметное отклонение количества звуков от нормы резко повышает их информативность, их символика как бы вспыхивает в сознании (подсознании) читателя, окрашивая фонетическое значение всего текста.

Для исследования были выбраны следующие несколько рекламных обращений банков. Только в рекламе одного из банков можно проследить высокий уровень работы не только графических образов, но и психолингвистического. Результат был следующий: «Альфа-Банк» – ассоциативный

ряд будет следующим: тихий, страшный, тусклый. Звуко-цветовые ассоциации – тёмно красный цвет. Первый звук «а» в слове в четыре раза заметней остальных, а ударный – в два. С помощью компьютерного анализа большого корпуса рекламных текстов этих банков, у «Альфа-Банка», были выделены доминантные А, У, Л, имеющие звуко-цветовые ассоциации с тёмно-красными тонами. Их частотность далеко выходит за пределы случайности. Особенно выделяются: А (частотность почти в 2 раза превышает среднеречевую норму), У (3,7 раза), Л (3,6 раза). Можно предположить, что именно эти звукобуквы должны производить некий эмоциональный эффект и рождают запрограммированное автором рекламы эстетическое переживание, ощущение схожести названия банка и текста. Таким образом, рекламное обращение «Альфа-Банка» наиболее эффективно и не требует большого количества повторов.

Анализ текстов банковской рекламы показал, что во многих текстах нет того звукобуквенного сочетания, который бы создавали в подсознании полноценный имидж рекламодателя. Создатели рекламы не придавали значения смыслу звуков при составлении текста. В данном случае, нет скрытого воздействия, суггестии, так как звукобуквенный психический образ чётко не осознаётся и не закрепляется под влиянием букв в тексте рекламы.

Аспирант Е.В.Ваганова (Челябинск)

ТИПИЧНЫЕ РЕЧЕВЫЕ ОБОРОТЫ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЕ

Исследование поддержано РФФИ № 04-06-96025

Ю.Н.Караулов выделяет три уровня структуры языковой личности, одним из которых является тезаурусный уровень, отражающий картину мира, иерархию смыслов и духовных ценностей для людей, говорящих на одном языке, определяемый национально-культурными традициями и господствующей в обществе идеологией (Ю.Н.Караулов 2003: 56). Данная характеристика связана с интеллектуальной деятельностью человека, предполагающей общие мыслительные процессы. У каждого индивидуума в процессе его развития вырабатываются идеи, концепты, которые отражают своеобразную картину мира. В сознании они представлены как некая иерархия – система социальных и культурных ценностей, сформировавшихся в условиях социального опыта и деятельности, что отражается в использовании повторяющихся речевых оборотов, по которым опознается принадлежность личности к определенной корпоративной культуре.

С целью выявления типичных речевых оборотов и разговорных формул нами были проанализированы тексты сочинений студентов архитектурно-строительного и лингвистического факультетов Южно-уральского государственного университета. Как известно, текст, создаваемый челове-

ком, отражает движение мысли, строит возможные миры, запечатлевая в себе динамику мысли и способы ее представления с помощью средств языка. Для размышления была предложена тема «Моя будущая профессия». В написанных работах было отмечено многократное использование отдельных речевых оборотов, типичных для представителей корпоративной культуры «технарей» (строители) и «гуманитариев» (лингвисты). Представители архитектурно-строительного факультета (91 студент) в своих сочинениях часто использовали следующие обороты (в скобках приводится количество повторений): *Моя профессия самая перспективная (87), строители востребованы во все времена (63), хочу строить дома, которые будут нравиться людям (54), мне нравится чертить, считать, проектировать (44), хочу гордиться своими сооружениями (21)*. Студенты лингвистического факультета (75 человек) в своих сочинениях употребили следующие обороты: *Моя профессия дает возможность посмотреть мир (69), знание языка помогает общению (57), без английского сейчас никуда (53), с детства мечтала быть переводчиком (41)*.

Поскольку язык – это способ существования сознания, можно предположить, что устойчивые для определенной корпоративной культуры речевые обороты являются показателями единого языкового сознания специалиста.

Канд. филол. наук Г.В.Векишин (Москва)

О КАТЕГОРИЯХ И ГРАНИЦАХ ФОНОСТИЛИСТИКИ ТЕКСТА

Фоностилистика как лингвистическая дисциплина не нова и имеет глубокие корни в языковедении, поскольку устремлена к решению, возможно, главной задачи теории языка – постижению тайны связи звука и значения, принципов их синтезирования в речевой деятельности, звуковому «выстраиванию» речи как способу обретения смысла и смыслу как явлению «музыкальному». Значимость звуковой стороны текста как одного из прямо или косвенно организующих его начал в настоящее время может считаться общепризнанной благодаря большому ряду отечественных и зарубежных исследований, так или иначе ведущих свою родословную от гумбольдтианской и потебнианской философии языка, открытий Соссюра в области анаграмм и опытов исследования феномена звукового повтора в трудах «русских формалистов», их продолжателей, спутников и оппонентов в России и за рубежом.

Вместе с тем в «обиходном» филологическом сознании до сих пор господствует представление о звуковой организации текста как его маргинальной, специфически поэтической и не вполне заслуживающей научного исследования стороне. Традиция изолированного изучения «поэтического языка» с его особыми, не свойственными «обычному» языку законами (традиция, в русле которой были накоплены самые ценные знания в области фоностилистики текста), в этом случае дала «побочный эффект»:

изоляция проблематики звуковой организации текста от проблем общей теории языка. В результате «классическая» фоностистика традиционно ограничивается изучением индивидуальных и коллективных «экспрессивных» особенностей произнесения, в основном являющихся фактом устной речевой культуры, квазивербальными, прежде всего субъективно-модальными, средствами в составе поведенческих приемов.

Фоностистика книжно-письменной и фольклорной речи, в отличие от фоностистики речи устной, неизбежно предстает как фоностистика текста. Стилистическое значение звуковых средств в формах книжно-письменной культуры и фольклора обусловлено в первую очередь интенциями и механизмами текстообразования. Здесь изучаются предпочтения в выборе речевых единиц и принципы формирования конструктивных единиц текста в зависимости от их звуковой (фонографической) формы, в первую очередь как объекта чтения и письменного или устного воспроизведения. В качестве основных средств русской фоностистики рассматриваются звуковые предпочтения, звуковое подобие и звуковой контраст, а также композиционные формы и приемы звукового построения текста в контексте межуровневой интеграции его элементов.

Если не считать отдельных фактов звуко-символизма и воздействия на текст зыбкого, имеющего ассоциативную природу «фонетического значения» (которое, к тому же, проявляется главным образом в составе синтагматически организованных единств, а не атомарно или суммарно), звуковые единицы языка лишены самостоятельных семантических функций. Звуковые средства приобретают активность в тексте не в силу их способности выступать в качестве смыслоносителей, а, напротив, благодаря их свободе от непосредственной смысловой нагрузки. Основная функция фонем выступать экспонентом морфемы надстраивается здесь вторичной, конструктивно-текстообразующей, которая оказывается не продолжением их семантических функций, а следствием их отсутствия. Основной причиной актуализации текстообразующей способности звуковых средств языка является, таким образом, их «нерастраченный» функциональный потенциал.

Звуковой фактор (звуковой повтор и контраст) оказывает влияние на порождение и восприятие текста опосредованно, прежде всего через «длительности» более высокого порядка – единицы лексики и синтаксиса: *Грязью играть – руки мараить* (посл.). Звуковой повтор выступает как текстовый оператор, своеобразный способ маркирования, разметки, разбивки речевой партитуры, как, в самом широком смысле, суперсегментное (мелодическое, по Б.Эйхенбауму) средство текста – инструмент объединения, выделения и членения речевого потока, а также усиления логической и конструктивной соотнесенности фрагментов речевой последовательности – своеобразной звуковой предикации. Поэтому имеет смысл говорить не о семантических функциях звуковых элементов собственно, а об их семан-

тической перспективе в рамках словосочетания, предложения, сверхфразового единства и, наконец, целого текста.

В центре внимания фоностилистики текста оказывается область речевой практики, которая формируется на пересечении по крайней мере трех предметно-тематических областей теории языка: фонетики, стилистики и теории текста. Стилистика ориентирована на изучение «сверхнормативных» – социально (социокультурно) значимых и творческих, в широком смысле коннотативных, возможностей языка и интенций речеобразования. Естественно поэтому, что любые проявления творческого отношения к языку, выражаются ли они в элементарных проявлениях языковой «звуковой игры» или реализуются как фонетические тактики построения художественного текста, представляют с этой точки зрения интерес. Кроме того, можно считать, что предмет изучения располагается там, где границы стилистики и поэтики наиболее подвижны. Поэтому наиболее показательным материалом для фоностилистического исследования текста являются художественные (как стихотворные, так и прозаические) сочинения, народно-поэтические произведения, особенно паремии, а также область «креативного» текстообразования в современном фольклоре и вербальных компонентах рекламы.

Докт. психол. наук В.В.Гриценко (Балашов)

МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ КАК ОСНОВА ПРОДУКТИВНОГО МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Сегодня нет необходимости доказывать актуальность формирования этнической толерантности, повышения эффективности межэтнического и межконфессионального взаимодействия в поликультурных регионах нашей страны, каким является и Поволжье.

Понимание себя, окружающих, социальной действительности в целом и своего места в этом мире не возможно без парадигмы диалога, основным принципом которого является равноценное паритетное взаимодействие сторон.

Важными атрибутами межличностного диалога в гуманистической трактовке являются свобода собеседников, взаимное признание свободы друг друга (равноправие) и личностный контакт на основе эмоционального сопереживания и взаимопонимания (*Братченко С.Л., 1997*).

Факторами, способствующими повышению эффективности межкультурного диалога, являются психологическая готовность к межэтническому и межконфессиональному взаимодействию и степень этнокультурной компетентности. Под этнокультурной компетентностью или компетентностью личности в межкультурном взаимодействии понимается «совокупность знаний, представлений о других культурах, реализующаяся через навыки, установки, модели поведения, обеспечивающие эффективное

взаимодействие с представителями этих культур» (Лебедева Н.М., 2003, с.13).

Этнокультурная компетентность включает в себя:

- осознание как универсальности основных человеческих ценностей и идеалов, так и культурной специфики норм, обычаев и традиций;
- понимание культурной специфичности «картины мира» и ее отражения в общении, вербальном и невербальном поведении человека;
- повышение межкультурной сензитивности – развитие способности понимания жизненных ситуаций с точки зрения членов другой этнокультурной группы, понимание их видения мира;
- осознание влияния этнических стереотипов на поведение в ситуациях межкультурного взаимодействия и тем самым преодоление этноцентризма, этнической и конфессиональной предубежденности и ксенофобии;
- развитие навыков налаживания конструктивного межкультурного диалога.

Существуют многочисленные обучающие программы подготовки к эффективному межкультурному взаимодействию, включающие просвещение, инструктаж, ориентирование, а также различного рода межкультурные тренинги (общекультурные, культурно-специфичные, атрибутивные, так называемые «культурные ассимиляторы» и др).

Несмотря на различие методов и программ обучения, все они, как правило, стремятся научить человека при межкультурном взаимодействии руководствоваться *платиновым правилом*:

«Делай так, как делают другие. Делай так, как они любят, как им нравится. Это правило означает, что, попадая в чужую культуру, целесообразно поступать в соответствии с нормами, обычаями, традициями этой культуры, не навязывая своих религии, ценностей, образа жизни» (Почебут Л.Г., 1995: 77).

Канд. филол. наук В.В.Громова (Ростов-на-Дону)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЗАГЛАВИЙ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ

Данный факт имел место в истории культурных отношений Китая и Европы в начале XX века: в Китае переводились произведения европейской литературы, в том числе и русской, и этот процесс сопровождался довольно часто трансформацией заглавий. По мнению автора статьи, это происходило во многом под влиянием стереотипа восприятия Китаем внешнего мира. Прослеживается при этом прямое соотношение названия данного государства Чжунго (по-китайски) и формирования стереотипа негативного отношения к культуре стран внешнего мира.

Китай – русское название государства: в этом топониме зафиксирован факт знакомства русских с северным царством Кидане, расположенном на территории пограничной Манчжурии.

Европейское China – транскрипция названия империи Цинь. По-китайски это государство называется Чжунго (Центральное, Срединное государство), Тянься – (Поднебесная). Психология китайцев сформировалась в закрытом государстве под доминирующим значением названия государства «Срединное», то есть главное, то есть самое лучшее. Остальные народы и государства с их культурами для китайцев были варварскими и презренными, недостойными внимания китайцев.

Переводчик-консерватор Линь Шу, придерживавшийся шовинистических взглядов, не раз высказывался о национальной исключительности китайцев. В своей переводческой деятельности он руководствовался, по его словам, лишь желанием «показать, что представляют собой западные книги, и дать понять, что европейская литература не способна сравниться с китайской» (Шнейдер, 1977).

В связи с этим, с «варварской» литературой можно было (и даже нужно!) обращаться как с «варварской» по своему усмотрению, пренебрежительно, но познакомиться было необходимо, так как заканчивался XIX век, начинался новый XX век. Китай как государство начало открываться для других стран, но принимать как свое (в связи с вышеотмеченной психологической установкой) чужое искусство и литературу, было не принято.

Известный советский китаист В.М.Алексеев, много лет проработавший в Китае, отдавал должное высокой древней культуре Китая, но отмечал повышенную персонификацию китайцев (Китая) в их сознании по отношению к другим культурам и народам: «... глубинность культуры и векового ума... Китай приписывал, в своем ослепленном самозабвении, исключительно себе» (Алексеев В.М. Горький в Китае. // М.Горький и литературы зарубежного востока. – М., 1968. С. 316).

В связи с этим элита китайского общества (именно ей были доступны переводы иностранной литературы, так как именно ей было доступно изучение литературного языка (вэньянь), а народная масса пользовалась разговорным языком). Представители «образованных феодальных слоев с презрением относились к разговорному языку и к западной духовной культуре». (Семанов В.И. Иностранная литература в Китае на рубеже XIX-XX вв. // Из истории литературных связей XIX века. – М., 1962. С. 271). В связи с этим западная литература должна была представлена в формах китайской национальной прозы как подражание, потому названия произведений необходимо было изменять в соответствии с названиями китайских произведений. Так переводчик Линь Шу «Историю Тома Джонса-Найденыша» Филдинга назвал «Записками о пещерном мраке» в подражание названию повествования, которое приписывалось Го Сяню (ок. 26 г. до н.э. – ок. 55 г. н.э.), а «Путешествие Гулливера» Стивенсона назвал «Историей заморского великана», тоже в подражание сочинению литера-

тора XII в. Люи Бэнь-чжуна, которое называлось «История великана» (Там же. С. 271).

Кроме соблюдения китайских традиций, произведения зарубежных авторов переделывались в соответствии с требованиями времени и рынка сбыта. В связи с этим можно было сокращать, переделывать содержание, «изменить иностранные имена на отечественные, сделать в произведении топонимические замены» (Черкасский Л.Е. Новая китайская поэзия (20-30-е годы). – М., 1972. С. 59-60). Такой переделке подверглось и название повести А.С.Пушкина «Капитанская дочка», изданной в Шанхае в 1903 г. под названием «Романтическая история. Сон бабочки среди цветов». Гринев превратился в английского джентльмена Смита, а Маша в Мэри. И это произошло в связи с тем, что на китайском книжном рынке пользовались спросом переводы английских романов: с ними китайцы познакомились раньше, чем с произведениями русской литературы» (Шнейдер М.Е. Русская классика в Китае. – М., 1977. – С. 51).

Это свидетельствует о том, что экстралингвистические факторы непосредственно влияют на формирование психологии народа, его поведенческой стратегии, которую необходимо изучать при анализе лингвистических факторов культурологического характера.

Аспирант А.Е.Гульшина (Тамбов)

ВОСПРИЯТИЕ ГИПЕРТЕКСТА ГЛОБАЛЬНОЙ СЕТИ

Термин *гипертекст* был введен в обращение Тедом Нельсоном (Ted Nelson) в 1965 г. для описания документов, выражающих нелинейную структуру идей, в противоположность линейной структуре традиционных книг, фильмов и речи.

История возникновения гипертекста восходит приблизительно к XVI веку. Ярким примером докомпьютерного гипертекста может послужить печатные издания Библии. В них текст каждой из ее книг-частей делится на главы, а те, в свою очередь на стихи. Главы пронумерованы внутри каждой книги, стихи – внутри каждой главы и т.д. Это деление было сделано учеными-богословами для облегчения ссылок и цитат.

В конце 80-х идея гипертекста вызвала сильное волнение, т.к. ее связывали с технологией, открывающей перспективы использования компьютера в качестве средства поддержки творческой деятельности, инструмента мышления и коммуникации. Поскольку процесс мышления идет сразу на нескольких «фронтах», идеи развиваются и отбрасываются одновременно на разных уровнях и с разных позиций, а также зависят одна от другой, взаимно обогащают друг друга, то существует необходимость во внешней фиксации таких переплетающихся линий мыслительного процесса.

В отличие от докомпьютерного гипертекста, гипертекст глобальной сети (текстово-информационная база) находится в зоне непосредственной досягаемости реципиента и обеспечивает нелинейную организацию содержания со стороны продуцента и возможность нелинейного восприятия со стороны реципиента. Формально к гипертексту можно отнести всю совокупность текстов, связанных с воспринимаемым текстом посредством ссылочного аппарата.

Полная схема развертывания гипертекста глобальной сети выглядит следующим образом: заголовок (ссылка) – заголовок с аннотацией – часть текста (несколько частей могут открываться последовательно) – полный текст. Реципиент, которому объем полученных сведений показался недостаточным, всегда может запросить дальнейшую информацию.

Однако, несмотря на то, что гипертекст глобальной сети предоставляет почти безграничные возможности с одной стороны и служит в качестве перспективного средства для мыслительного процесса с другой стороны, он имеет характерные только для него одного факторы, влияющие на восприятие текстовой информации. Например, его ссылками в большей степени являются графические изображения в виде пиктограмм, стрелок, кнопочек либо подчеркнутые слова выделенные синим цветом. Таким образом, гипертекст всё более визуализируется, графика становится интерактивной.

На плоскости экрана внимание фиксируется на заголовках и первых фразах, ссылках. Информация считывается только та, которая попала в фокус внимания, и после считывания осуществляется коррекция траектории движения. То есть воспринимается не текст, а картинка. Это значит, что внутренняя логическая структура фрейма не анализируется, фрейм воспринимается целиком, как отдельный когнитивный блок, с которым затем и манипулирует сознание.

Выше перечисленное позволяет предположить изменения в классических теориях восприятия текстовой информации, а соответственно – в конечном результате процесса восприятия.

Г.А.Дунаев (Москва), канд. филол. наук С.В.Начёрная (Тамбов)
СПЕЦИФИКА ИДИОРЕЧЕВОГО ДЕЙСТВИЯ РИТОРА-АКТЕРА.

Традиционно сложилось так, что у ратора и актера существует достаточно много общих характеристик деятельности, позволяющих в каком-то смысле отождествить эти понятия. Сценическая речь, как и речь оратора, направлена на стимулирование личной заинтересованности, на раскрытие внутреннего мира персонажа и через высказанную интерпретацию она воздействует на аудиторию (зрителей). И в той же мере «искусство оратора – это искусство речевого действия. Через действие речь приобретает силу и убедительность» (О.Марченко 2001:216).

Немаловажную роль играют такие этапы идеоречевого цикла как мемория и акция. Этап мемория – связан с процессом понимания, потому что «понимание текста уже предполагает его изначальную интерпретацию, осознание расположения, внутреннего порядка заданного смысла» (Е.А.Яковлева 1998:13). Заключительная ступень идеоречевого цикла – акция – направлена на «пластическое решение произносимой речи. Так называемый знаковый характер присущ всей технологии ораторского мастерства. На данном этапе учитывается звучание речи, тональность, скорость произнесения слов» (С.В.Начёрная 2003:10).

Речь как сценическая деятельность актера (роль) – это особый вид речи, особый в том смысле, что актер воспроизводит чужую речь от своего имени, входя в сценический образ, демонстрируя не только умение декламации, но и способность к перевоплощению, объединяя речь с пластичным рисунком роли.

Можно сказать, что образ ритора-актера – это также особый образ адресанта. В речевом действии принимают участие одновременно все умственные, эмоциональные, душевные и физические силы оратора. Задача ритора-актера намного сложнее задачи традиционного оратора-лектора, поскольку актер должен не просто донести до зрителя какую-то информацию, но и создать представление о себе как о персонаже.

Н.В.Елисеева, Л.П.Амири (Ростов-на-Дону)

КОНТЕКСТ КАК ПОСРЕДНИК МЕЖДУ ЯЗЫКОМ И МЫШЛЕНИЕМ ПРИ СИНХРОННОМ ПЕРЕВОДЕ

1. Под контекстом в данной работе мы понимаем законченное высказывание, отнесенное к действительности при помощи акта предикации и указывающее на коммуникативную ситуацию, что и позволяет определить значение слова исходя из актуализированной в речи конфигурации семантических компонентов.

2. Контекст является результатом взаимодействия значимого содержания высказывания с ситуативными потребностями акта общения, в нашем случае – посредством синхронного перевода. Само по себе значимое высказывание в обязательном порядке включает мысль, являясь результатом мышления – мыслительной и познавательной деятельности человека.

3. Контекст высказывания является одним из важнейших аспектов сути процесса синхронного перевода, а также проблемой, изучением которой занимаются в рамках лингвистики и переводоведения. Это – важный аспект психологии мышления носителей различных языков, отличающихся друг от друга не только своими лексическими, грамматическими и иными структурами, но и количеством семантических признаков, характеризующих то или иное слово.

4. Без понимания контекста ситуации (являющегося посредником между языком и мышлением) синхронист не может оперативно сделать языковой или когнитивно-тезаурусный вывод для правильного и своевременного осуществления синхронного перевода, и должным образом соблюсти все нормы и правила того языка, на который он переводит в данный момент, не исказив при этом смысла передаваемого на другой язык речевого сообщения.

5. Часто понимание контекста является более важным, чем знание всех семантических компонентов слова, которые в речи могут встречаться в еще незарегистрированном в словарях сочетании, ведь семантическая сторона речи есть многократно опосредованное отражение меняющегося социального опыта людей. Даже прямое значение слова не может быть свободно от контекста, поскольку оно не в меньшей мере, чем не прямое значение, зависит от контекстуальных представлений участников акта речевого общения.

6. Таким образом, контекст служит определяющим моментом при восприятии подлежащего переводу речевого сообщения. Он помогает сделать либо смысловой вывод, основанный на сочетании тематики высказывания и фоновых знаний переводчика, либо языковой вывод, основывающийся на интуитивном знании языка, а в синхронном переводе чаще всего оба вывода делаются одновременно.

Аспирант Е.А.Зайцева (Самара)

О СПЕЦИФИЧЕСКОМ СПОСОБЕ ДЕРИВАЦИИ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ – НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Общественные, политические и иные преобразования в жизни российского общества рубежа XX – XXI столетий нашли свое яркое отражение в области словотворчества. Одной из наиболее интересных и разнообразных лексико-семантических групп неологизмов можно считать имена существительные- наименования лица. В качестве специфического способа деривации названий лица, характерного для русского языка нового времени, отметим образование лексем посредством нулевой суффиксации.

Производные названия лица с нулевым суффиксом фиксируются толковыми словарями рубежа XX – XXI вв. [В.В.Лопатин 1966: 78], широко используются в языке средств массовой информации, в речи общественных деятелей, писателей, журналистов. По мнению В.В.Лопатина, «если некоторое значение (грамматическое или словообразовательное) обычно в большинстве случаев выражается определенной морфемой (суффиксом, флексией), то при отсутствии такой морфемы и каких-либо иных формальных средств выражения этого же значения можно выделять нулевую морфему, несущую то же значение» [Толковый словарь русского языка

конца XX в. 1998; Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия 2001]. В роли носителя словообразовательного значения при нулевой суффиксации выступает нулевой аффикс. Если учесть, что во многих дериватах имеет место расширение лексического значения производного слова [Р.И.Тихонова 2003: 177], то и в наименованиях лица, возникших при помощи нулевого аффикса, с формальной точки зрения можно установить соотношение с основой имени прилагательного, а в семантическом аспекте они оказываются связанными с целым словосочетанием: *индивидуал* ← *индивидуальный*: разг. «тот, кто занимается индивидуально-трудовой деятельностью»; *криминал* ← *криминальный*: разг. «человек, занимающийся криминальной деятельностью»; *межрегионал* ← *межрегиональный*: разг. «представитель межрегиональной депутатской группы»; *муниципал* ← *муниципальный*: разг. «сотрудник муниципальной милиции»; *неформал* ← *неформальный*: разг. 1) «представитель неформальных объединений»; 2) «представитель неформального молодежного движения»; *сексапил* ← *сексапильный*: разг. «человек с ярко выраженной сексуальностью; сексапильный человек»; *экстремал* ← *экстремальный*: разг. «любитель экстремальных ощущений». Совершенно очевидно, что во всех отмеченных названиях лица наблюдаются морфологические изменения производящей основы: во-первых, усечение суффикса прилагательного -н-; во-вторых, отвердение конечного согласного основы.

Исследованные названия лица позволяют сделать следующие выводы:

1. В русском языке рубежа XX – XXI вв. активизируется образование наименований лица способом нулевой суффиксации.

Новые лексемы характеризуются сниженной стилистической окраской.

При возникновении дериватов с нулевым суффиксом в их семантике происходит расширение лексического значения производного слова.

Докт. филол. наук С.В.Ильясова (Ростов-на-Дону)

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ИГРА В ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ТЕКСТАХ

(на материале заголовков российской прессы
конца XX – начала XXI вв.)

1. Интерес к изучению прецедентных текстов «потенциально автономных смысловых блоков речевого поведения, актуализирующих значимую для автора фоновую информацию и апеллирующих к «культурной памяти» читателя» [Стилистический энциклопедический словарь русского языка, 2003] связан с выдвиганием на передний план лингвистических исследований такой проблемы, как интертекстуальность.

Прецедентные тексты все чаще становятся объектом изучения в связи с проблемой коммуникативной неудачи.

Наконец, прецедентные тексты, вернее, игра с ними, стали предметом исследования теоретиков языковой игры. Изучение ЯИ как проявление лингвокреативной деятельности индивида – одно из перспективных направлений современной антропоцентрической лингвистики.

2. В рамках нашего исследования будет рассмотрена также разновидность языковой игры, как словообразовательная игра [СИ], наиболее богатая с точки зрения языковых средств выражения, так как словообразовательный уровень, как отмечает В.З.Санников, обладает гораздо меньшей жесткостью, чем низшие языковые уровни [Санников, 1999], и поэтому его единицы гораздо более свободно могут использоваться как игровые.

3. Использование прецедентных текстов в роли заголовков – прием, далеко не новый в публицистике, при этом такой текст может использоваться как в своем прямом значении, так и служить для создания эффекта обманутого ожидания.

СИ в прецедентных текстах, выступающих в функции заголовка, это прием новый для нашей публицистики, но получивший все большее распространение в связи с распространением самого феномена СИ в языке СМИ, и прежде всего в языке газеты [см. об этом подробно: Ильясова, 2001]. Такой прием, несомненно, очень действенен, так как он построен на совмещении разных типов ЯИ, он, как правило, создает более сложную аллюзию, нежели одна из разновидностей ЯИ. Примером такой сложнейшей аллюзии может быть следующий: *Собака БАБскервилей лает, а караван идет* (КП, 24.10.2003).

Как известно, существует несколько типов прецедентных текстов. При этом типология может строиться как на принадлежности к той или иной стороне культурной коммуникации (цитаты, названия произведений и их авторов, имена персонажей), так и на характере их универсальности (хранящиеся в индивидуальной памяти индивида; хранящиеся в коллективной памяти народа).

В предложенном для анализа примере имеет место наложение трех прецедентных текстов: название литературного произведения, паремии и прозвища. Как представляется, такое наложение оправдано задачами коммуникации и, следовательно, удачно: Б.Березовский (БАБ), «английский узник», явно пытается воздействовать на политическую ситуацию в России, но караван под предводительством Путина продолжает идти.

Рассмотренный случай представляет, скорее, исключение, нежели правило, так как в целом преобладают заголовки, в которых обыгрывается один, реже – два прецедентных текста, при этом тексты известные большинству адресантов, что, по всей видимости, объясняется ориентацией на среднеэлитарный тип носителя культуры, ср. примеры: *Кто в ТюРЕМОЧКЕ живет* (Версия, 2002, №39); *Джипломаты с большой дороги* (КП, 24.02.2002); *ВсеЛенский потоп* (АиФ, 2001, № 39) и др.

4. Особенностью языка газеты является, как известно, сочетание информативной и воздействующей функции. Исследователи отмечают уси-

ление информационной функции в современных СМИ, что ярко проявляется в заголовках. Рассматриваемый нами тип игры позволяет реализовать в заголовке одновременно и информативную и оценочную функцию, ср.: *ГЕЙрой нашего времени* (Версия, 1999, №40); *ВИЧное молчание* (Известия, 13.07.2000); *Анка - интернетчица* (КП. 24.03.2002); *С ИНТЕРНЕ-Тционалом воспрянет род людской* (КП. 05.04.2000).

Соискатель И.Ф. Исламова (Уфа)

УЛИЧНОЕ ОБЪЯВЛЕНИЕ КАК РЕЧЕВОЙ ЖАНР

(на материале уличных объявлений города Уфа)

Уличные объявления (далее УО) на протяжении многих лет являются неотъемлемой частью нашей повседневной жизни. Обращения типа: *Косметика, стирающая годы с лица! Результат через 15 минут!*; *РАБОТАЙТЕ НА СЕБЯ. Требуются энергичные, доброжелательные и упорные люди для работы в частном бизнесе; Ремонт квартир. Побелка, обои, укладка кафелем, потолочные покрытия. Качественно! Недорого!*; *Молодая семья из двух человек снимет квартиру. Порядок и своевременную оплату гарантируем* стали давно привычными, но до сегодняшнего дня УО не изучены и эта проблема не нашла отражения в научной литературе. Нет полного описания УО как особого речевого жанра, не существует определения и классификации. Мы изучаем УО, их организацию и функционирование, с позиций риторики, прагмалингвистики, коммуникативной функциональной лингвистики. При этом УО рассматриваются нами как продукт взаимодействия вербальной и графической знаковых систем, представляющий собой особый речевой жанр.

Актуальность исследования определяется устойчивым вниманием лингвистики к коммуникативно-прагматическому, антропологическому и функциональному направлениям, а также возрождением научного интереса к риторике. Также современная лингвистика предполагает новые подходы к вычленению объекта исследования. На фоне разновидностей городской устной и письменной речи, как особый объект анализа, выделяются УО, которыми заполнены улицы сегодняшних городов.

Актуальность изучения УО как особого речевого жанра связана с потребностями в осмыслении и интерпретации современной филологической теорией и практикой разных типов и видов текста в их многообразных характеристиках (Р.Барт, И.Р.Гальперин, Т.А. ван Дейк, Л.Н.Мурзин и др.). Сложность и противоречивость коммуникативной ситуации в современной России повышает рост комплексных интегральных исследований материала, в том числе регионального (И.А.Стернин, Е.А. Яковлева и др.).

Теоретическая значимость работы связана с тем, что предполагает выявление характеризующих признаков УО как речевого жанра; полное описание всех особенностей УО со стороны лингвистики, социолингвистики, психолингвистики, риторики и семиотики. Кроме того, поставлена

задача изучить, как УО характеризуют языковую жизнь современного города, как влияют параметры «неофициальность», «ситуативность» и др. на особенности языкового воплощения текстов; как соотносятся кодифицированный литературный язык и разговорная речь в текстах УО; какие средства экспрессивности, оценочности используются авторами УО; в чем специфика построения текста; каковы количественные параметры текстового поля; лексические, грамматические и синтаксические характеристики жанра УО; образ адресанта УО в аспекте «языковая личность»; выражение культурных, социальных, психофизиологических параметров адресанта в тексте УО; адресность УО и ее лингвистические показатели (как адресат влияет на текст УО).

Канд. филол. наук С.Б.Козинец (Саратов)

ЭКСПРЕССИВНАЯ ГЛАГОЛЬНАЯ МЕТАФОРА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Экспрессивность как одно из основных средств субъективного выражения отношения говорящего к предмету речи свойственна единицам всех уровней языка: фонетическому, морфологическому, лексическому, словообразовательному. «Лексические экспрессивные средства охватывают пласт слов, имеющих помимо своего предметно-логического значения оценочный компонент, а также междометия и усилительные частицы» [Гридин 1990: 591].

Экспрессивность может быть присуща как целому слову: *рожа, ношище, вольтить, грохнутья, шляться*, так и отдельным значениям: *Подонки* 1. только мн. ч. Остатки жидкости на дне вместе с осадком. 2. только мн. ч.; *перен. презр. Деклассированные, разложившиеся, преступные элементы общества*; *Звонить* 1. Производить, вызывать звон. 2. *перен. прост. Усиленно разглашать что-л., распространять какие-л. слухи, сплетни; трезвонить*; *Обштопать* 1. разг. Заштопать для кого-л. всю порвавшуюся одежду. 2. *перен. Прост. Обмануть, провести*.

Разумеется, не каждому метафорическому значению присуща экспрессивность (ср.: *теплая встреча, изумрудные листья, связать обязательства*). Только наличие оценочного компонента в семантической структуре слова позволяет создать экспрессию, а поскольку оценочность неразрывно связана со стилистической окраской слова, то появление экспрессивного значения всегда сопряжено со стилистическим сдвигом, чаще всего в сторону снижения: *надуть покупателя* (прост.), *цепляться к словам* (прост.), *мариновать дело* (разг.).

Однако экспрессивность может не только сопутствовать предметно-логическому значению слова, но и – в совокупности с оценочностью – являться основой лексического значения, составлять его сущность. Сюда относятся прежде всего бранные слова, а также глаголы, в одном из ЛСВ обозначающие очень энергичное, интенсивное действие: *высадить дверь, мазать при стрельбе, хлестать вино, драть со всех ног, молотить чепуху*

– подобные значения глаголов можно обозначить термином «экспрессивная метафора».

Экспрессивная метафора характеризуется слабой, иногда практически не осязаемой семантической связью с прямым значением:

Греть 1. Передавать свою теплоту. 2. Помещать в тепло, подставлять солнцу. 3. Ставя на огонь, делать тёплым, горячим. 4. *перен. Прост. Поричать за что-л., высказывать неодобрение; ругать* – перенос осуществляется за счет актуализации импликационного компонента “интенсивность” значения “делать горячим”.

Рубить 1. С размаху, с силой ударяя секущим оружием, разделять на части. 2. Вырубать, прорубать какое-л. отверстие в чем-л. 3. Подсекая, валить на землю, отделять от основания. 4. *перен. разг. Говорить, высказываться о чем-л. прямо и резко*. Переносное значение, по-видимому, – результат разрушения идиомы *рубить сплеча* “говорить, высказываться о чем-л. прямо и резко”.

Метафорический перенос, таким образом, развивается на базе коннотативных компонентов, эксплицирующих в производном значении семантику экспрессивности, или на основе актуализации семы “интенсивность действия” и ее перехода в ядерную сему переносного значения.

В некоторых случаях, правда, наблюдается тенденция к потере образности и осмыслению значения как прямого. Такие метафоры даются в словаре без пометы “переносное”. К ним относятся глаголы с десемантизированными основами – диффузами, то есть не имеющими четко выраженного лексического значения: их семантика неопределенна, расплывчата. «К употреблению в семантически-диффузном значении склонны преимущественно те глаголы, семантика которых включает компонент интенсивности и стилистической сниженности» [Земская, Китайгородская, Ширяев 1981: 156]. Их словарное толкование поэтому сводится к общей фразе “Употребляется вместо того или иного глагола для обозначения действия, выполняемого с силой, энергией, азартом и т.п.” Подобным образом даются значения глаголов *садить* (*садить из пулемета*), *чесать* (*чесать по улице*), *крыть* (*крыть отсюда*), *жать* (*жать со скоростью*), *резать* (*так и режет по-немецки*), *дуть* (*наизусть дует*). В скобках приведены лишь одни из возможных употреблений. В силу диффузности семантики экспрессивно-метафорические значения этих глаголов в различных речевых ситуациях могут наполняться различным содержанием: *чесать* “быстро идти, бежать” (*чесать по улице*) и “быстро говорить” (*чесет без всякой бумажки*); *садить* “играть во всю мощь, со всей силы на чем-л.” (*садит на трубе что есть мочи*) и “стрелять много; без перерыва” (*садить из пушки*).

Конкретизатором значения может выступать префикс: *высадить* “выбить, выломать сильным ударом”, *удрать* “спешно уйти, убежать”, *выхлестать* “выпить, опорожнить”, *взгреть* “сильно выругать, наказать”,

причем в трех последних случаях приставка сочетается только с экспрессивно-метафорическим значением названных глаголов.

Кандидат филол. наук М.Н.Кунина (Краснодар)
**ЯЗЫКОВОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ КОГНИОТИПА
ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ «ТЕРРОРИЗМ».**

Как и любой вид предметной деятельности человека, сфера терроризма определяется составляющими ее концептами, которые представлены в схеме когниотипа «терроризм» в двух уровнях. На первом уровне расположены тесно связанные концепты «предсобытие», концепты «событие», «постсобытие». На втором уровне представлены все основные концепты и составляющие их блоки. Языковое воплощение всех блоков когниотипа «терроризм» имеет свои особенности. Преобладающим способом наименования концептов следует признать словосочетания, которые распределяются по трем основным видам: глагольные (*освободить заложников, подозревать в убийстве, raise fear [ср.: возбудить страх]*); субстантивные (*угон самолета, holiday terror attacks, rebel chief [ср.: террористические акты в выходные дни, командир боевиков]*); атрибутивные (*террористическая деятельность, вооруженные повстанцы, condemned Rebel leaders [ср.: осужденные лидеры боевиков]*).

Принимая во внимание идентифицирующий признак, атрибутивные словосочетания можно подразделить на локативные, субъектные, кваликативные, ономастические. Именуя основные концепты предметной области «терроризм» рассмотренные лексические единицы не отличаются эмоциональной окрашенностью и экспрессивностью и выделяются из общего словаря по функциональному признаку: как группа слов, обслуживающих негативную сферу человеческой деятельности — «терроризм».

Анализ лексического заполнения блоков «субъект» и «объект» действия, позволил выделить классы номинаций лиц, среди которых наиболее частотной в русском языке является ситуативная и социальная номинация. Это обеспечивается анонимностью или неизвестностью субъекта действия (в нашем случае исполнитель террористического акта), что характерно для русского террористического дискурса.

В английском дискурсе субъекты именуются подробно и ситуативно-социальная номинация лиц не столь частотна. Частотность имен собственных в английском дискурсе выше, чем в русском, что можно объяснить протокольным характером изложения сведений о субъектах в английских текстах.

Рассматриваемая предметная область «терроризм» в силу своей специфики втягивает в свою орбиту несколько предметных областей: политическую, военную, юридическую, медицинскую, которые реализу-

ются в когнитивном типе, посредством соответствующих концептов, номинируемых при помощи терминов.

Вероятно, можно говорить и о терминологии «терроризма», имея в виду слова и словосочетания, именующие концепты только данной сферы деятельности человека.

Соискатель П.В.Лихолетова (Краснодар)

МЕТАФОРА КАК ВЫРАЖЕНИЕ ЗНАНИЯ-ПЕРЕЖИВАНИЯ

Для большинства людей метафора — это поэтическое и риторическое выразительное средство, принадлежащее скорее к необычному языку, чем к сфере повседневного обыденного общения. Более того, метафора обычно рассматривается исключительно как принадлежность естественного языка — то, что относится к сфере слов, но не к сфере мышления или действия. Именно поэтому большинство людей полагает, что они превосходно могут обойтись в жизни и без метафор.

Вслед за Дж.Лакоффом мы утверждаем, что метафора пронизывает всю нашу повседневную жизнь и проявляется не только в языке, но и в мышлении и действии. Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы мыслим и действуем, метафорична по самой своей сути. Понятия, управляющие нашим мышлением, вовсе не замыкаются в сфере интеллекта. Они управляют также нашей повседневной деятельностью, включая самые обыденные, земные ее детали (Дж.Лакофф, М.Джонсон 1990: 387).

Мысль о способности эмоционального опыта, как и любых знаний человека о мире, накапливаться, храниться, кодироваться знаковыми средствами, воспроизводиться и адекватно восприниматься окружающими (В.П.Зинченко 1991: 15; К.Е.Изард 1982: 140 и др.) оказалась для когнитивной лингвистики актуальной и плодотворной. Эмоции очень реальны и интенсивны, и всё-таки они вытекают скорее из когнитивных интерпретаций окружающей действительности. Этот факт перехода от знания к эмоциональной оценке, отмечался еще М. Бахтиным (М.М.Бахтин 1979: 247). «Сказать, что эмоции возникают из когнитивности, значит сказать, что их определяют структура, содержание, организация репрезентаций знания и процессов, которые управляют ими» (А.Ортони, Дж.Клоур, А.Коллинз 1996: 318). Известно, что знания о мире в нашем сознании организованы в виде абстрактных ментальных единиц вокруг некоторого концепта. А любой концепт, представляющий собой многомерное смысловое образование, содержит, по мнению Ю.С.Степанова, помимо понятийной части облигаторно и эмоциональный элемент, оценки, образы, ассоциации и др., характерные для данной культуры (Ю.С.Степанов 1997: 41).

Познание мира, как показывают результаты работ отечественных и зарубежных ученых (В.И.Шаховский 1988: 43-48;), осуществляется человеком с помощью эмоций. А эмоции выражаются вербально при помощи

различных тропов, в данном случае метафор. Метафора служит базисным способом познания человеком мира эмоций.

Эмоциональный элемент является неотъемлемой частью метафоры. Образы и ассоциации играют не последнюю роль в образовании метафоры. Образы, ассоциации, эмоции являются элементами знания-переживания. Через метафору автор выражает свои эмоции, переживания, т.е. метафора является выражением знания-переживания.

Докт. филол. наук М.Н.Макеева (Тамбов)

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ И ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ РЕЦИПИЕНТА: СПОСОБЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ И ТЕХНИКИ ПОНИМАНИЯ

Литературный текст, характеризующийся высокой степенью художественности обладает в тоже время и высокой степенью воздейственности на реципиента. В свете неориторики мы считаем художественный текст произведением риторическим. Риторическое построение текста, реализованное в маркерах риторической ситуации, т.е. средствах текстопостроения способно играть роль программы герменевтических техник, последние в этом случае выступают как регулируемый “объект”.

Изучение риторической программы художественных текстов позволяет установить механизмы ее воздействия на процессы понимания через герменевтические техники, использованные реципиентом при восприятии, а также возможность построения социально адекватных смыслов, определенных в средствах текстопостроения.

Весьма действенным средством в этом случае выступает риторико-рефлексивный анализ, представляющий собой особую методику исследования текста, заключающуюся в изучении и описании воздействия риторических средств, приемов и способов текстопостроения на процессы рефлексии, понимания и использования герменевтических техник в ходе рецепции текстов.

Риторическая программа художественного текста пробуждает рефлекссию реципиента и обеспечивает процессы ее протекания через создание точек риторической напряженности текста, воспринимаемых как потребность проникнуть в смысловую мозаику текста дискурсивно, при этом путь “проникновения” намечен самим автором текста. Таким образом, читатель начинает постепенно «обретать себя» в тексте произведения, строя шаг за шагом собственный текст интерпретации, глубина и полнота которого зависит от развития языковой личности реципиента и инвентаря задействованных в процессе освоения содержательности текста герменевтических техник.

Именно техники понимания помогают построить на основе анализа значений отдельных слов, предложений абзацев смыслы и метасмыслы художественного произведения. М.Мамардашвили отмечал, что «получить смысл, установить, что есть на самом деле, нам удастся, если мы построим

текст. А литература как частный случай текста есть часть нашей жизни; для того, чтобы узнать, что есть на самом деле, мы должны что-то сделать. В данном случае: построить текст, который породит истину. Что значит *породить истину? Придать* смысл разрозненным частям информации или событий» [М.Мамардашвили. Психологическая топология пути. – С.-Петербург, 1997. С. 26].

Главным риторическим эффектом взаимодействия текста и читателя выступает способность художественного текста трансформировать облик аудитории, к которой он обращен. Как писал М.Ю.Лотман: «Явление это связано с тем, что всякий текст содержит в себе то, что мы предпочли бы называть *образом аудитории*, и что этот образ аудитории активно воздействует на реальную аудиторию, становясь для нее некоторым нормирующим кодом. Этот последний навязывается сознанию аудитории и становится нормой ее собственного представления о себе, переносясь из области текста в сферу реального поведения культурного коллектива» [М.Ю.Лотман. Риторика // Избр. ст. в 3-х т. – Таллинн: Александра, 1992. – Т.1. – С.167-187]. Остается только сожалеть, что в наши дни литература перестала быть «властительницей умов» и новые языковые личности формируются практически вне ее благотворного воздействия.

Аспирант А.В.Малюгина (Воронеж)

КОНТЕКСТ КАК ДЕТЕРМИНАТОР ТИПА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО КОНЦЕПТА

Концепты как когнитивные структуры представляют собой определенную иерархию, организованную на основе их типологии. Различают концепты-картинки, схемы, фреймы и сценарии, которые «улавливаются» соответствующими лексемами и определяются по их словарным дефинициям. Например, «ромашка» – это концепт-картинка, «дерево» - концепт-схема, «больница» – фрейм, а «свадьба» – концепт-сценарий, соответственно. Известно также, что концепты объективируются не только универбами, но и устойчивыми сочетаниями слов, в том числе и единицами фразеологического корпуса языка.

Тип фразеологического концепта можно определить не только по буквальному толкованию того или иного фразеологизма, но и по контекстному окружению, в котором они проявляются.

Проиллюстрируем детерминацию контекстом типов фразеологических концептов.

Фразеологический концепт-картинка *«морской волк»* (Опытный моряк) объективируется в рамках следующего контекста:

Ганс Дитмерсен подлинный морской волк. Стоило взглянуть на его потемневшее от загара и ветров, покрытое шрамами лицо, чтобы убедиться в этом (В. Костылев, Иван Грозный).

Фразеологизм, репрезентирующий концепт-картинку, представлен в начале высказывания; контекст эксплицирует смысл фразеологического концепта свободным сочетанием слов.

Концепт-схема заключен в рамки фразеологизма «коломенская верста»: *...Тёплые пальцы пробежали по Шуркиному лицу, ... скользнули по плечам... – В отца, должно, растешь, верста коломенская... (В.Смирнов, Открытие мира)*

Контекст, представленный свободным сочетанием слов, «раскрывает» содержание соответствующей ему устойчивой фразеологической единицы.

Фразеологизм «золотое дно» (Богатый, неисчерпаемый источник дохода) реализуется в сознании в виде фрейма, и несомая в этой когнитивной структуре информация «перекликается» с информацией, содержащейся в примыкающем к фразеологизму контексте.

– Заведите питомник, сад, огород... Тут золотое дно (А.Кожевников, Живая вода).

Под рубрику фразеологизмов-сценариев можно подвести фразеосочетание «с жиру беситься» (Прост. Привередничать от пресыщения или безделья).

Иной человек хандрит и капризничает дома, когда нечего делать, не ест что подают, бранится и ругается; все не по нем, все ему досаждают, все ему грубят, все его мучают – одним словом, с жиру бесится, как говорят иногда о таких господах. (Достоевский, Записки из Мертвого дома).

Левая часть данного высказывания готовит к восприятию правой части – фразеологизма-сценария, представляющего собой кульминацию всего литературного фрагмента.

Как показывают примеры, возможны две позиции фразеологизмов в тексте высказывания. Фразеологизм может подводить итог, выступая в роли кульминационного момента высказывания, либо с него начинается высказывание, а последующий контекст эксплицирует содержание данного фразеологизма.

Таким образом, в самом контексте (будь он в препозиции или в постпозиции) имплицитно и определенным образом и дублируется идея, заложенная в плане содержания фразеологической единицы. А это значит, что концепт того или иного типа может быть выражен не только универбом и фразеосочетанием, но и синтаксически, т.е. свободным сочетанием слов, которые хотя и расчлененно, но тем не менее содержат ту же самую мысль, что и фразеологизм, приложенную к конкретной ситуации.

Вместе с тем, необходимо указать на то, что упомянутое выше «дублирование» имеет место только в случае предъявления самого фразеологизма. «Раскодирование» в пре- или постпозиции возможно лишь при условии знания носителем языка самого фразеологического оборота и «ключа» к его пониманию.

ГЕНДЕРНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В КАЛМЫЦКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

У калмыков очень богатый фольклор, для которого характерны различные жанры: героический народный эпос «Джангар», сказки, исторические, лирические, обрядовые (свадебные) песни, загадки, триады (трехстишия), пословицы и поговорки.

Многожанровый калмыцкий фольклор является одним из источников современных гендерных исследований. Афористическая поэзия калмыков – это, прежде всего, пословицы и поговорки, триады. Первые записи пословиц и поговорок калмыков относятся к началу 19 века. Имеются и современные записи пословиц и поговорок. Калмыцкие пословицы и поговорки типологически и текстуально сходны с такими же образцами в фольклоре этнически родственных народов – бурят и монголов. Можно провести ряд типологических параллелей и с фольклором англоязычных народов, чтобы определить ту или иную оценку аналогичных событий в устных жанрах и специфику гендерной репрезентации в них.

Происхождение пословиц и поговорок неразрывно связано с историей народа, его языком, бытом, моралью. В них отразился живой ум человека, смекалка, находчивость, способность отмечать характерные черты того или иного явления. Поэтому пословицы и поговорки занимают видное место в современной фольклорной традиции калмыков, в которой отразились многочисленные обычаи, традиции и мировоззрение народа. Пословицы разных народов, которые моделируют сходные ситуации, очень близки друг к другу, несмотря на историческую, этническую, географическую и языковую специфику.

Много пословиц и поговорок раскрывают взгляды калмыков на идеал человека, будь то мужчина или женщина. Они рисуют настоящего мужчину – человека трудолюбивого, отважного, находчивого, защитника Родины, твердого в данном слове. Женщина в калмыцких пословицах – это хранительница очага, наделена многими положительными качествами. Пословицы утверждают значимость мужчины для своего рода, семьи. Мужчина должен всегда выполнять свои намеченные дела и клятвы.

Мужчина в калмыцких пословицах обозначен следующими титулами – *эрин сайн* – лучший из мужей, *баатр* – богатырь, *залу* – молодой мужчина, *кен* – человек; а женщина – *хатн* – ханша, *куукн* – девушка, *гергн* – замужняя женщина, *аваль* – первая жена. В калмыцких пословицах также нашло гендерное различие понятия калмыков о счастье – *кишиг*. Счастье для мужчины – это охота, добыча, жизнь вдали от дома, удача, верность данной клятве, а для женщины счастье – это домашний очаг, воспитание детей, занятие рукоделием. Калмыцкие пословицы и поговорки отразили многие черты, которые должны быть в характере мужчины, согласно менталитету калмыков, согласно ценностям скотоводческого быта.

Например:

*Залугас уул хоогдг уга,
Уулас уули хоогдг уга. (калм.) //*
*Эр нег эндурдг.
Эрг нег нурдг. (калм.) //*

От мужчины дело не отстанет,
От горы туча не уйдет.
Мужчина один раз ошибается,
Обрыв раз обрушивается.

Му кову гаргхар, мугита укр деер (калм.)
Чем плохой сын, лучше корова с теленком.
Many a good cow has a bad calf (англ.).
Плохие телята и от хороших коров рождаются.
Ср. В семье не без урода (русск.)
Many a good father has but a bad son (англ.).
У многих хороших отцов плохие сыновья.
Ср. В семье не без урода (русск.).

Теплота и нежность чувствуется в калмыцких пословицах об отношении матери к детям:

<i>Экин седкл – урнд, Урна седкл – кодэд (калм.) //</i>	Мысли матери в детях, Мысли ре- бенка в степи. //	<i>He that has no children knows not what love is</i> (англ.)//□	Тот, у кого нет детей, не знает что такое любовь.
---	---	---	---

Народ запечатлел в пословицах гендерные отношения не только между людьми, но и между животными, птицами, подметив их повадки, характерные черты, любовь к своим детенышам.

□□□□□□□□□□□□□□□□ *Гун догшин болвчн, унган ишклдг уга* (калм.).

Как ни зла лошадь, она не бьет своего жеребенка.

Шовун догшин болвчн, ондгэн хамхлдг уга (калм.).

Как ни зла птица, она не бьет своего жеребенка.

Crows do not pick crows' eyes (англ.).

Ср. Ворон ворону глаз не выклюет (русск.).

Hawks will not pick hawks' eyes (англ.).

Ястреб ястребу глаз не выклюет.

Анализ фразовых клише в противопоставлении мужчина – женщина в калмыцких пословицах показывает главенство мужчины в обществе, в семье, а женщина находится где-то в тени. Пословицы в которых отражены образ мужчины и женщины, синтаксически являются одночленными и двучленными. Через описание природы отражается характер мужчины и женщины, их хозяйственная деятельность, семейно-бытовой уклад, народный этикет, социальные отношения в далеком прошлом.

Например:

Куукд кун сун жиргдг
Залу кун йовн жиргдг (калм.)//

Женщина наслаждается счастьем дома,
Мужчина – в походах.

Паремиология (пословицы и поговорки) избрана в качестве предмета нашего исследования не случайно – она находится на пересечении фразео-

логии и фольклора, что делает изучение гендерных пословиц и поговорок весьма значимым с позиции современного лингвокультурологического подхода к коммуникативной и репрезентативной функциям языка. В разных лингвокультурах гендерный признак находит обязательное отражение в поговорках, что говорит о его социальной важности в языковом функционировании.

Аспирант И.Ю.Петрова (Самара)

К ВОПРОСУ О СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ ЗАИМСТВОВАННЫХ СЛОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В последние десятилетия мы являемся свидетелями активизации процесса заимствования русским языком иноязычных, главным образом английских, слов. Изучению этого процесса посвящено немало лингвистических работ, но аспект русского словообразования от иноязычных слов недостаточно изучен.

Л.П.Крысин справедливо полагает, что словообразовательная активность иноязычного лексического элемента, его способность служить базой для создания производных слов в русском языке с помощью аффиксальных средств заимствующего языка – один из показателей укоренения заимствования в этом языке [Л.П.Крысин, Ю.Хак Су 1998: 15]. Нельзя не заметить, что в русском языке среди новых заимствований преобладают имена существительные, среди которых есть и склоняемые – *ваучер, оффшор, хедж, таймшер, фьючерс, сканер* – и несклоняемые слова – *медиа, флоппи, фэнтези, авизо, яппи, йети*.

Словообразовательная активность слов иноязычного происхождения является результатом сложного процесса переработки иноязычных элементов средствами языка-реципиента, их адаптации на русской почве. Способность многих слов иноязычного происхождения образовывать производные, словообразовательные цепи и гнезда, приобретать русские аффиксы является индикатором активного освоения данных слов носителями русского языка. В связи с приобретением многими словами иноязычного происхождения русских широкоупотребительных аффиксов, возникает вопрос о том, каков статус данных лексических единиц, являются ли они заимствованиями. На возможность появления трудностей в решении данного вопроса (имеем ли мы заимствование или словообразовательное производное) указывается в лингвистической литературе. Так, Н.М.Шанский отмечает, что при интерпретации ряда языковых фактов (например, дестабилизация – это образованный присоединением приставки *деантоним* слова стабилизация или это слово целиком заимствовано из английского (*destabilisation*) или французского (*destabilisation*): "вполне допустим так называемый принцип неединственности решений" [Н.М.Шанский 2004: 12]. И объясняется это, прежде всего,

интернационализацией лексического состава современного русского литературного языка. Для того чтобы "отличить свое от чужого, надо знать историю вещей", использовать лексикографические сведения. Только на основании совокупности языковых и экстралингвистических данных мы можем определить статус той или иной единицы языка.

Как показал материал нашего исследования, многие заимствованные слова английского происхождения в процессе адаптации в языке-реципиенте приобретают русские аффиксы. Ассимилировавшись деривационно, данные слова вошли в систему русского литературного языка, утратив статус заимствований. Это уже русские слова, образованные от заимствованных основ при помощи русских аффиксов. Но важно их учесть для понимания степени освоенности наименований иноязычного происхождения на русской почве.

Отсутствие производных в русском языке, по мнению Л.П.Крысина, характерно для несклоняемых существительных [Л.П.Крысин, Ю.Хак Су 1998: 15]. Исследуемый языковой материал показывает, что в вопросе усвоения русским языком заимствованных слов многое зависит от степени их употребительности. Так, от слова *хобби* в русском языке нет производных, а морфологически и акцентно сходное с ним *лобби* образует целое словообразовательное гнездо. В этом словообразовательном гнезде представлены имена существительные – названия лица мужского и женского пола (*лоббист, лоббистка*), отвлеченные существительные *лоббизм, лоббирование*, имя прилагательное *лоббистский*; глаголы *лоббировать(ся), пролоббировать*. Быстрое освоение иноязычного слова *лобби* объясняется экстралингвистическими факторами: новые отношения в российском парламенте, Государственной Думе, обусловили не только появление новых слов, производных от заимствованного по законам русского языка, но и их активное освоение носителями русского языка, что подтверждают словообразовательные цепочки в словообразовательном гнезде *лобби*:

→ лобб-*изм*

→ лобб-*ист*

→ лобб*ист*-к-а

→ лобб*ист*-ск-ий

лобби нескл., ср.

(«представители

экономически

сильных структур

в парламенте»)

англ. *lobby*

→ лобб-*ирова-ть*

→ лобб*ирова*ть-ся

→ лобб*ирова*-ние

→ про-лобб*ирова*ть

Наибольшие словообразовательные возможности в русском языке имеют неологизмы – склоняемые заимствованные имена существительные с основой на согласный звук. Языковой материал исследования подтверждает мысль, что от таких существительных актуально образование адъективов (относительных прилагательных от заимствованных имен существительных, со значением лица (деятеля вообще, предмета в широком смысле) при помощи продуктивных суффиксов *-н(ый)*, *-ов(ый)*, *-ск(ий)*, например: *хакер – хакерский*, *риэлтер – риэлтерский*, *риэлтерный*, *тьютор – тьюторский*; *модем – модемный*, *фьючерс – фьючерсный*, *оффшор – оффшорный*; *чип – чиповый*, *клип – клиповый*, *онлайн – онлайн-овый*. Активизацию производных в русском языке от заимствований вполне оправданно, на наш взгляд, объясняет видный отечественный лингвист Е.А.Земская, заметившая, что герой современного словообразования – человек, поэтому значительную часть новообразований составляют именно существительные со значением лица, либо образования от таких существительных [Е.А.Земская 1996: 103]. Существительные со значением лица образуются как а) при помощи иноязычных морфем *-ер*, *-ист*, так и с помощью б) русских суффиксов *-щик*, *-ник*, *-чик*, например:

а) *скейт – скейтист*, *сноуборд – сноубордист*; *хедж – хеджер*, *трейд – трейдер*;

б) *велфер – велферищик*, *фудстэмп – фудстэмпищик*; *ваучер – ваучерник*, *оффшор – оффшорник*; *граффити – граффитчик*.

От склоняемых иноязычных существительных образуются также глаголы при помощи суффиксов *-а(ть)*, *-и(ть)*, *-ова(ть)*, *-ирова(ть)*, *-изова(ть)*, например: *хакер – хакать*, *юзер – юзать*; *апгрейд – апгрейдить*, *факс – факсить*, *прайс – прайсовать*; *сканер – сканировать*, *хедж – хеджировать*; *доллар – долларизовать*.

При реализации словообразовательных возможностей заимствованного слова имеет значение и его морфологическая структура, и грамматическая освоенность русским языком, а также частотность употребления в русском языке. Попадая в фокус социального внимания, делаясь частотным в средствах массовой информации и в речевом обиходе, некоторые новые заимствования могут породить производные гораздо более активно, нежели структурно сходные с ними не ставшие популярными заимствования. Так, например, широко употребительные слова *бизнес*, *пиар*, *ваучер* в русском языке образуют словообразовательные гнезда с очень большим количеством производных (26, 31, 6 производных соответственно).

Нельзя не обратить внимания на такой факт: иногда высокая частотность неизменяемого заимствованного слова словно обуславливает ту его особенность, что оно становится изменяемым. Так, слово *интернет*, первоначально имевшее статус неизменяемого, в русском языке довольно быстро перешло в разряд склоняемых существительных и стало вершиной словообразовательного гнезда с рядом цепочек: *интернет – интернетчик*, *интернет – интернетовский*, *интернет – интернетизация* и т.д.

Исследование словообразовательного аспекта иноязычных слов позволяет сделать некоторые выводы:

1) Заимствованные слова в русском языке обладают разными словообразовательными возможностями, объясняемыми не только их семантикой, но и грамматическим оформлением их в заимствующем языке.

2) Наряду с грамматической освоенностью, важную роль в словообразовании от них производных играет употребительность слова. Частотные иноязычные слова успешно образуют в русском языке цепи производных, даже если они являются несклоняемыми существительными.

Аспирант А.А.Пихурова (Саратов)

ЯЗЫКОВАЯ РЕФЛЕКСИЯ КАК ОДИН ИЗ АСПЕКТОВ СУДЬБЫ СОВЕТИЗМОВ

С советской эпохой уходит в прошлое целый пласт культуры, и вместе с этим происходят коренные изменения в русском языке. Они выражаются в сдвигах по оси “устаревшее – активное – новое” отдельных пластов лексики, изменении коннотаций многих слов, исчезновении привычной сочетаемости.

Языковые изменения могут быть выявлены, если проследить судьбу советизмов в начале XXI века. Термин “советизм” используется нами в качестве краткого и нейтрального наименования слов, возникших и функционировавших в советское время. Большинство из них слов уходит в пассивный запас (обновленец, совхоз, пятилетка, перегиб и др.). Некоторые советизмы, являясь одним из ЛСВ определенного слова, в результате превращения из оттенка значения в самостоятельное вызывают перераспределение актуальности значений в слове: Авангард – ТСУ1: Отряд войска, флота, находящийся впереди главных сил (воен.)// перен. Передовая часть какой-н. обществ. группы, ведущая за собой массы (книжн.); МАС²: 1. Часть войск, находящаяся впереди главных сил. 2. перен. Передовая, ведущая часть класса, общества. В начале XXI века идиомы, в которых содержалась положительная оценка советизмов, полностью утрачены (морально устойчивый, краснозвёздный герой, идейная подкованность и др.).

Особый вид переоценки культуры и языка – это языковая рефлексия (ЯР) над словами советского периода. Под ЯР понимается оценочно-аналитическое отношение к языковым средствам, выраженное как в метаязыковом комментарии, так и в модификациях лексической единицы слова, ЛСВ, словосочетания. Рефлексия проявляется в иронически насмешливом употреблении советизмов, языковой игре (ЯИ), “деидеологизации” идеологем, собственно ЯР, использовании слов-рефлексивов.

Реализацию данных видов рефлексии можно пронаблюдать в произведениях писателей-диссидентов С. Довлатова и М. Веллера:

1. Показателем иронии является намеренное введение в текст повествования прецедентных высказываний: *В Ленинграде есть особая комиссия*

по работе с молодыми авторами. Однажды меня пригласили на заседание этой комиссии. Члены комиссии задали вопрос: “Чем можно вам помочь?” “Ничем”, – сказал я. “Ну а все-таки? Что нужно сделать в первую очередь?” Тогда я им ответил, по-ленински грассируя: «**В пегвую оче- гедь?.. В первую очередь нужно захватить мосты. Затем оценить вокзалы. Блокировать почту и телеграф...**» Члены комиссии вздрогнули и переглянулись... (Довлатов “Ремесло”).

2. ЯИ представлена: а) лексико-словообразовательным каламбуром, основанном на паронимии: Эпизод из жизни в коммунальной квартире. На двери комнаты объявление: «Здесь **отдыхает полутруп**. Соблюдайте тишину!» И вдруг наступила тишина. Тихомиров бродил по коридору в носках, хватал всех за руки и шипел: – Тихо! У Довлатовой ночует **политрук!**” (Довлатов “Ремесло”); б) обыгрыванием многозначности слова: – Десять лет строгого режима за нелегальный переход границы при отягчающих обстоятельствах. И ты хочешь сказать, что предпочёл 10 лет лагеря жизни здесь? – Я не знал...за что... – А ты что думал – по головке тебя погладят?! – Что же мне делать?.. – **Колоться!** – **Чем?** – **Что – чем!! Сотрудничать! Рассказывать всё! Чистосердечно признаться!** (Веллер “Саги о героях”).

3. “Деидеологизация” идеологием осуществляется употреблением их в чуждом, стилистически сниженном контексте: *Философская подоплёка артиллеризма яснее всего проявилась в лозунге, некогда алевшем над пушками у входа в Первое высшее ленинградское артиллерийское училище: “**Наша цель – коммунизм!**”* (Веллер. “Гонец из Пизы”).

4. Собственно ЯР – это “метаязыковой комментарий” (И.Т. Вепрева): *Всё надо было “**доставать**”. А “**доставать**” означает: кроме того труда, который ты потратил на получение денег, ты должен потратить дополнительный труд: на “сувениры” и разные формы подношений, на заведение и поддержание связей <...> и стояние в очередях – вот тогда, с этим дополнительным трудом, ты что-то заимеешь.* (Веллер “Чёрный принц политической некрофилии”).

5. Совмещение оценки явления и слова проявляется в выборе определённых номинаций, которые сами по себе уже рефлексивы: *“При каждой гостинице, в каждом интуристовском кабаке, сидели **гэбэшники**: по штату надзирали за контактами иностранцев с **совками**”* (Веллер).

Таким образом, ЯР – это один из ярких показателей изменений, происходящих в современном русском языке.

Т.Б.Польская (Новороссийск)

РЕАЛИЗАЦИЯ КОГНИОТИПА ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ «МОРСКИЕ КАТАСТРОФЫ» В МОРСКОМ ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ

Извечная проблема соотношения языка и реальности в современном мире рассматривается как участие языковой личности или индивидуально-когнитивной системы (ИКС Баранов 1993г) в дискурсивных процессах.

Экспликация информации осуществляется посредством когниотипа – ментального фрейма социокультурного уровня (Баранов 1993г). Каждой предметной области соответствует свой текст (дискурс).

Когниотип предметной области «Морские Катастрофы» организуется из различных дискурсов: специальных, публицистических, художественных, научных, юридических, институциональных, учебных.

Происшествия на море, входящие в разряд бедствий, имеют следующий семантический ряд:

Hazard – риск, опасность.

Peril – опасность, подвергать опасности, (на свой собственный риск).

Disaster – бедствие, несчастье.

Catastrophe – гибель, несчастье.

Calamity – бедствие.

Специальные тексты по морским катастрофам рассматриваются в следующей узкой классификации: столкновения, крен судна, посадка на мель, пожар, взрыв, повреждения корпуса, проблемы в машинном отделении, травматизм людей, фатальные исходы опасных ситуаций.

В структуре логического комплекса данной предметной области на фоне организованного высказывания во времени, пространстве и действии выявляются импликации, недоступные первоначальному осмыслению, но при соответствующем построении дискурса способные к быстрой смысловой конвергенции (Бахтин 1979, Свойкин 2003). Невербализованными являются три основных понятия:

1. Страх – опасно-безопасно.

2. Значимость события – для автора реципиента, роль наблюдателя и участника.

3. Желания – выжить/чтобы выжили, получить коммерческий интерес, обвинить-отклонить обвинения.

В специальном морском дискурсе существует чёткое разграничение понятия disaster на термины accident & incident. Accident – необратимая катастрофа, связанная с гибелью людей. Incident – происшествие, связанное с порчей груза и материальным ущербом. Отмечается образование устойчивых словосочетаний, которые в морской практике считаются крылатыми: Don't wait for accident to happen, say something. Near Miss – специально морской термин, соответствующий общебытовому Narrow Escape. Incident is an accident, which could have happened. В общем коммуникативном контексте морского профессионального дискурса имплицитно два важных ценностных концепта:

1. Прежде всего – безопасность (Safety First)

2. Извлечение рационального зерна из опасных происшествий: Near Miss gives a learning opportunity.

Переход языковых структур из статического состояния в динамику порождения, восприятия, понимания осуществляется благодаря пересечению субъективных интересов ИКС с концептуальным содержанием и содержания с поверхностным форматом. Нереально рассчитывать на полное совпадение ожидаемых результатов продуцента и реципиента, однако чёткая актуализация языковых пластов при речепорождении может привести к весьма неожиданным интерпретациям.

Многообразие свойств единиц системы языка обнаруживается на различных его уровнях, причём за пределами системы нередко оказываются важнейшие языковые свойства и явления, поэтому в системном анализе языка следует учитывать и функцию языка, относящуюся к передаче мыслей ИКС и функцию передачи чувств ИКС.

Соискатель Ю.Н.Потемкина (Пенза)

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ВОЕННОЙ НЕКОДИФИРОВАННОЙ ЛЕКСИКИ В РАМКАХ НАЦИОНАЛЬНЫХ СУБКУЛЬТУР

Расширение международных экономических и торговых связей России со странами ближнего зарубежья не только привлекло внимание этих стран к изучению русского языка, но и заставило их задуматься о подготовке своих военных специалистов. Социальные процессы, происходящие в 90-е годы в наших странах, находят свое выражение в «демократизации» языка, что ведет к появлению некодифицированной лексики.

В своей работе с курсантами из Таджикистана, Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана и Армении мы обратили внимание на употребление стилистически сниженного разговорно-обиходного наречия.

В научной работе, посвященной проблеме учета индивидуальных психологических и языковых особенностей курсантов из стран ближнего зарубежья, рассматривается сущность и функционирование военной некодифицированной лексики в речи представителей национальных субкультур. На наш взгляд проблема распространения военной некодифицированной лексики является интересным лингвистическим явлением. В связи с этим проводилось социологическое исследование. Практическая значимость данного исследования состоит в том, что некодифицированная лексика влияет на развитие языковой личности будущего военного инженера.

Целью исследования является выяснение причин распространения данного рода лексики в речи курсантов, а также формулировка рекомендаций по улучшению культуры речи будущих офицеров.

Рассмотрим образцы некодифицированной лексики курсантов постсоветского пространства: Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана и Армении, в сопоставлении с идентичными единицами русского языка. В ненормированной лексике сопоставляемых языков имеют место сходные переносы значений, которые опираются на общие черты ассоциа-

тивного мышления и общие традиции бывшей советской армии. Это обуславливает возникновение эквивалентных единиц некодифицированной лексики. Таковы, например, названия лиц по военному званию: [летéха] – лейтенант, [кэп] – капитан, [мэн] – майор, [пóдпол] – подполковник, [пóл], [полкán] – полковник, [гéна] – генерал. С другой стороны, некоторые единицы отражают национально-культурную специфику этноса, при этом имея аналоги в русском языке.

Офицер: [шэф], [пáпа] – (русс.); [зóбыт] – (узбекск.); [кóт] – (киргизск.); [шáх] – (армянск.);

курсанты, обучающиеся специальности «Проектирование и хранение боеприпасов»: [боеприпáсник], [ящик] – (русс.); [охдóры] – (узбекск.); [сондýх] – (киргизск.); [жештанчý] – (армянск.);

жадный человек, обжора: [хомя́к] – (русс.); [очкю́с] – (узбекск.); [аш-кара́к] – (казахск.); [кариишкáмба] – (таджикск.); [очкю́с] – (киргизск.); [кишалóт] – (армянск.);

шутка: [прикóл] – (русс.); [хазýл] – (узбекск.); [тамашá] – (казахск.); [шухý] – (таджикск.); [тамашá] – (киргизск.); [анáк] – (армянск.).

Полученные в результате исследования данные могут быть использованы при решении важных вопросов языковой политики. Однако запретить или отменить выражения такого рода директивой невозможно. Но вмешиваться в процесс общения и словотворчества, в какой-то мере регулировать его, вытеснить из речи нежелательные грубые слова и выражения можно и нужно. Необходимо попытаться научно объяснить феномен военной некодифицированной лексики и принять меры, направленные на повышение речевой и общей культуры офицера. В некоторых случаях следует признать допустимость и подчас необходимость использования отдельных слов в разговорной речи, поскольку они обладают очень большими возможностями для интенсификации процесса общения, повышения его эффективности.

Докт. филол. А.В.Пузырёв (Пенза)

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА В РУССКИХ АНЕКДОТАХ

(Опыт системного подхода)

В русских анекдотах фиксируются многие (если не все) аспекты русской национальной картины мира. Воспользуемся опытом наших коллег, с помощью анекдотов иллюстрировавших основы психолингвистики, и на материале анекдотов продемонстрируем классифицирующие возможности универсальной схемы научного исследования, предложенной философом А.А.Гагаевым и операционализованной нами в рамках психологических, психолингвистических и лингвистических интересов (см.: А.А.Гагаев 1991; 1994; А.В.Пузырёв 1995; 2002).

Всеобщее-всеобщее. Генетический аспект исходных причин и условий. Сумма факторов судьбы личности. Психофизиологические аспекты связи мышления, языка человека и его судьбы: ФАМ, доминанта. Социально-этнические и психологические аспекты связи мышления, языка человека и его судьбы: архетипы сознания, культурные концепты, выраженность андрогинии, соотношение актуализационного и манипулятивного начал. Генетический аспект актуализаций и манипуляций, целостности человека и ее расщепления. Историко-философские и эзотерические аспекты связи мышления, языка человека и его судьбы.

В русских анекдотах отмечается всеобщий характер уникально-неповторимого, личностного восприятия мира:

Сидит маленький дракончик и плачет. Прохожий его спрашивает:

– *Где твоя мама?*

– *Я её съел...*

– *А папа где?!*

– *Я его тоже съе-е-ел...*

– *Да ты знаешь, кто ты после этого?!*

– *Зна-а-аю, круглый сирота... (Анекдоты 1993: 13).*

Всеобщее-общее. Логический аспект исходных причин и условий. Определение базовых понятий: сознание, мышление, личностность, судьба, бытие – сущность – явление – действительность, оппозиции рассудка и чувств, сознательного и подсознательного, идеального и материального, духа и души, души и тела, личности и человека, миров частиц и волн, духовности и заземленности, мужского и женского, “Родительского” и “Детского”; противоречие гармонии и распада, актуализаций и манипуляций, жизни и смерти, оптимизма и пессимизма, целостности и расщепленности сознания как основное противоречие судьбы.

В русских анекдотах содержатся определения базовых понятий человеческой жизни:

Какая разница между мужскими и женскими ногами?

– *В ногах разницы нет, разница между ними (Анекдоты 1993: 5).*

Всеобщее-конкретно-абстрактное. Динамический аспект исходных причин и условий. Целостность человека и ее расщепление как процесс. Гармония и распад, жизнь и смерть, оптимизм и пессимизм, целостность и расщепленность сознания, актуализации и манипуляции как основные движущие противоречия развития. Закон резонанса и процесс осознания смысла жизни (динамический, деятельностный аспекты). Процессуальные, динамические аспекты осознания движущих противоречий собственной судьбы (оппозиций гармонии и распада, оптимизма и пессимизма, актуализаций и манипуляций, жизни и смерти, целостности и расщепленности сознания). Мыслительные векторы саморазрушения и самоорганизации. Мыслительная деятельность или активность?

В анекдотах фиксируется типичность для всего живого мира стереотипного характера мышления:

Свинья увидела на стене сарая электророзетку:

– Что, дохрюкалась? Замуровали? (Анекдоты 1993: 9)

В русских анекдотах обозначается всеобщий характер такого способа психологической защиты, как отрицание психологических проблем:

Поспорили звери, кто из них умный, а кто красивый. Спорили, спорили, а потом решили: пусть красивые отойдут налево, а умные – направо. Все разошлись, а обезьяна стоит посередине.

– А ты что стоишь? – кричат ей звери.

– А что ж мне, разорваться что ли?! (Анекдоты 1993: 12)

В русских анекдотах обозначается всеобщий характер такого способа психологической защиты, как оглушение с помощью алкоголя:

В кабинете врача:

– Я никак не могу поставить точного диагноза. Думаю, что всё это из-за пьянки.

– О, я Вас понимаю, доктор. Я приду в другой раз, когда Вы будете трезвым (Анекдоты 1993: 17).

Или:

В бар входит мужчина и, указывая на мертвецки пьяного посетителя, говорит:

– Бармен, мне то же самое... (Анекдоты 1993: 17).

Или:

Больной показывает врачу совершенно чёрный язык.

– Что случилось? – удивляется врач.

– Пол-литра водки случайно разлил на свежий асфальт (Анекдоты 1993: 18).

В анекдотах иллюстрируется всеобщий характер разрушительной силы страха:

– Ничего не понимаю, – говорит один учёный другому. – Белым мышам я создаю идеальные условия, а онидохнут от разрыва сердца!.. А у серых – плохие условия, а им хоть бы что! Смотри, какие весёлые!

– Понимаешь, старик, я твоим белым мышам по вечерам кошку нашего сторожа показывал... (Анекдоты 1993: 12).

В русских анекдотах фиксируется всеобщий характер манипуляций в межполовых отношениях:

Пожилый мужчина советуется с другом:

– Мне уже 65 лет, я богат и я хочу жениться на молодой девушке. Как ты думаешь, мои шансы повысятся, если я ей скажу, что мне только 50?

– Твои шансы повысятся, если ты ей скажешь, что тебе 85! (Анекдоты 1993: 3-4).

Или:

Что делает лиса, когда хочет иметь маленьких лисят?

То же самое, что и женщина, которая хочет иметь лису (Анекдоты 1993: 6).

В русских анекдотах отмечается всеобщий характер видения мира через призму собственных занятий:

Открытое декольте одной знакомой дамы главный бухгалтер М. называл «непокрытым дефицитом»... (Анекдоты 1993: 4).

Или:

Один алкаш другому:

– *Сёма, а что бы нам взять на ужин?*

– *А там, на кухне, бутылка мяса... (Анекдоты 1993: 16).*

В анекдотах формулируются законы счастливой семейной жизни:

Как молодой жене обращаться с мужем?

– *Как с собакой: кормить, ласкать, почаще водить гулять (Анекдоты 1993: 6).*

Всеобщее-особенное. Функциональный аспект исходных причин и условий. Функциональные аспекты ФАМ, доминанты, выраженности андрогинии, архетипов сознания, культурных концептов, религии, актуализаций и манипуляций. Осознание смысла жизни, осознанность собственной жизни как фактор состояния психики, фактор судьбы. Психологические функции решения проблем смысла жизни и смерти. Может ли быть “горе от ума”?

В русских анекдотах обосновывается всеобщий характер деления живого мира на мужское и женское, обосновывается всеобщность гендерного влияния на характер мышления:

Лягушка прыгает по дороге. Сзади на неё наезжает асфальтоукладчик и вдавливают её в асфальт. Лягушка отлепляется от асфальта:

– *Вот прижал, так прижал, не то что наши мужжики в болоте! (Анекдоты 1993: 13)*

Всеобщее-единичное. Личностный аспект исходных причин и условий. Бытие личности, ее мышления, языка и судьбы как сложение многообразных причин формирования личности. Анекдоты на этот аспект универсального подхода к предмету нами не обнаружены.

Общее-всеобщее. Генетический аспект внутренних закономерностей развития. Онто- и филогенез души, ее проявления в мышлении и языке человека. Проблема реинкарнации. Психологические установки личности в плане их онто- и филогенеза. Возможная продолжительность жизни и кодировки на смерть как фактор становления и формирования личности, их связь с мышлением и языком человека. Психологические причины манипуляций (в том числе на уровне мышления и языка). Национально-культурные концепты как предпосылки гармонизации и разрушения судьбы. Некритическое отношение к словам как предпосылка саморазрушения.

В русских анекдотах обосновывается всеобщий характер (для представителя конкретной национальности) национальной картины мира:

Петух топчет курицу.

Из дома выходит грузин и бросает горсть зёрен. Петух бросает курицу и клюёт зёрна.

– *Нэ дай Бог так оголодать!* – со вздохом произносит грузин (*Анекдоты 1993: 13*).

В русских анекдотах отмечается своеобразие детского восприятия, неумение детей делать правильные выводы, от которых потом будет зависеть их собственная жизнь:

Вовочка спрашивает маму:

– *Мамочка, а почему невеста на свадьбе всегда в белом?*

– *Белый цвет – признак счастья, радости, чистоты... – объясняет мама.*

– *А... теперь я понимаю, почему жених в чёрном* (*Анекдоты 1993: 4*).

Общее-общее. Логический аспект внутренних закономерностей развития. Уточнение исходных понятий: личность и субличности, целостность и актуализатор как ее носитель, субличности и личностные психологические роли, манипуляции и их многообразие, манипулятор и актуализатор, типы и виды манипуляторов и т.п. Психологические аспекты соотношения *Человек “внешний” и “внутренний”*. Понятие о шести уровнях манипуляций. Единицы мышления, языка, речи, коммуникации и судьба. Принципиальная трудность их трансформации.

В русских анекдотах можно встретить весьма неожиданные определения известным понятиям:

Эротика – это порнография, которая умеет держать себя в рамках приличия (*Анекдоты 1993: 4*).

В подобных случаях можно говорить о языковой игре:

Что такое крест – накрест?

Поп на медсестре (*Анекдоты 1993: 5*).

Или:

Кто такой муж?

Заместитель любовника по хозяйственной части (*Анекдоты 1993: 6*).

Или:

Что такое реактивный муж?

Это когда – Ту-104, а жену ни разу (*Анекдоты 1993: 6*).

Общее-конкретно-абстрактное. Динамический аспект внутренних закономерностей развития. Агрессия и депрессия как процесс выявления информационной “невооруженности” на уровнях мышления и языка. Болезни и неприятности как процесс проявления нарушения связи с законами гармонии. Динамика субличностей как варианты саморазвития. Оптимистический и пессимистический способы кодировки мысли. Манипуляции со здоровьем, страх боли, болезней, неприятностей и борьба с ними или уход от них как симптомы саморазрушения. Психологические основы трансформации судьбы (понимание ситуации как неудовлетворительной, осознание личной ответственности, просьба и получение помощи, поднятие энергетики). Обязательность энергетической эквивалентности. Проблема материальных аспектов энергетического эквивалента. Языковые

сигналы саморазрушения и самоорганизации. Языковая деятельность или активность?

В русских анекдотах содержатся наблюдения над разрушительным характером типичного поведения на курорте:

- *Где Вы провели отпуск?*
- *Первую половину в Ялте.*
- *А вторую?*
- *В вендиспансере (Анекдоты 1993: 4).*

В русских анекдотах встречаются такие, которые фиксируют национальные особенности поведения:

Турист убегает от итальянской проститутки.

Она: «Импотенто? Сифилито? Педерасто? А-а, советико...» (Анекдоты 1993: 6).

В русских анекдотах подчас высмеивается пристрастие отечественных разведчиков к «девочкам» и «ресторанам»:

Главы разведок нескольких стран договорились выяснить, чьи разведки стойки в случае провала. С этой целью, по предварительной договоренности, были рассекречены по одному наименее важному резиденту от каждой стороны, и они были арестованы. Допросы велись по очереди с нарастающей строгостью.

Американского разведчика купили. Француз все выболтал подсунутой в камеру красотке.

Англичанин согласился только на потомственное право ношения титула лорда с родовым гербом и поместьем.

Русский разведчик молчал, как его не обрабатывали: не помогали не деньги, ни угрозы. Удивленная такой стойкостью, после очередного бесплодного допроса комиссия решила посмотреть, как он ведет себя в камере. Установили аппаратуру и уселись у экрана. Вот разведчика завели, закрыли дверь. Упав на кровать, испытуемый обхватил голову руками, потом вскочил и стал биться головой об стену, причитал:

– Вот тебе девочки! Вот тебе рестораны! Шифры надо было учить! Явки запоминать!> (Анекдоты 1995: 536)

В анекдотах можно встретить наблюдения над речью с «фрейдистскими» оговорками, когда из слов вытекает такое глубинное содержание, которое обычно принято скрывать:

- *Девушка! Разрешите Вас пригласить в турпоход.*
- *Какая я Вам девушка? Я уже два раза в турпоходе была (Анекдоты 1993: 5).*

Или:

– *Кума! Вчера в трамвае твой муж такой анекдот рассказывал, мы так смеялись, чуть с кровати не упали! (Анекдоты 1993: 5)*

Общее-особенное. Функциональный аспект внутренних закономерностей развития. Функциональные аспекты нарушения законов гармонии (смысл и цель осознания болезней и жизненных трудностей).

Психологические выгоды программ саморазрушения: заболеваний, неприятностей и отрицательного самопрограммирования. Культура и природа = вопрос меры и пропорции, а не “либо-либо” (Юнг). Функциональная несостоятельность манипуляций на личностном и принципиальном уровнях. Некритическое отношение к словам как проявление саморазрушения.

В русских анекдотах фиксируется тяжесть семейной жизни для многих мужчин:

Друг спрашивает:

– Почему ты не носишь обручальное кольцо?

– За глотку души! (Анекдоты 1993: 5)

Общее-единичное. Личностный аспект внутренних закономерностей развития. Связь мышления, языка и конкретной человеческой судьбы (постановка гипотезы). Личностность как уникально-неповторимое проявление особенностей мышления, психологических установок, языка и человеческой судьбы. Анекдоты на этот аспект универсального подхода к предмету нами не обнаружены.

Особенное-всеобщее. Генетический аспект материализации явления. Онто- и филогенез тела и способа его соединения с душой как основание для развертывания судьбы. Реальная продолжительность жизни как проявление диалектики законов гармонии и распада.

В русских анекдотах фиксируются национальные манеры поведения:

Рабинович заходит в аптеку весь в чёрном: шляпа, рубашка, галстук, трость, костюм и т.д. Шёпотом просит у девушки-продавца:

– У Вас найдётся чёрный презерватив?

– Для вас, конечно, но по какому случаю?

– Понимаете, умер мой лучший друг, хочу выразить его жене соболезнование (Анекдоты 1993: 24).

Или:

Едут двое чукчей в автобусе. Один подходит к водителю и спрашивает:

– Я доеду на этом автобусе до вокзала?

– Нет, не доедете.

Второй чукча подходит:

– А я? (Анекдоты 1993: 50)

Или:

Подходит еврей к рыбакам:

– Рыбаки, вы чёрную икру есть будете?

– Будем.

– Когда будете есть, позовите меня (Анекдоты 1993: 50).

Особенное-общее. Логический аспект материализации явления. Установление параметров гармонии, распада и “нормы” в соотношении мышления, языка и судьбы. Мышление, язык человека и критерии улучшения его судьбы. Предпочтительность ориентации исследования на биографии выдающихся людей.

В русских анекдотах формулируются параметры психологического типа «женщина с огоньком»:

Чем отличается женщина от такси?

– *Женщина с огоньком никогда не бывает свободной (Анекдоты 1993: 6).*

Особенное-конкретно-абстрактное. Динамический аспект материализации явления. Развитие тела как проявление преобладания закона распада над законом гармонии (доля самоубийц среди погибших “не своей смертью”). Речевые метки саморазрушения (“не смогу”, “не получится”). Болезнь и выздоровление как процесс, протекающий во времени. Процессуальные аспекты использования конкретных психотехник, помогающих осознанию и выздоровлению. Речевые метки саморазрушения и самоорганизации. Речевая деятельность или активность?

В русских анекдотах фиксируется «заразительность» антиобщественных форм поведения:

Возле общественного туалета стоит негр и писает. Подходит милиционер:

– *Как Вам не стыдно, не можете в туалете это сделать?*

Негр очень смущённо:

– *Нет, нельзя! Там – белый господин вино пьёт! (Анекдоты 1993: 15)*

В русских анекдотах отмечается, с одной стороны, психологический феномен прирастания маски к личности, а с другой – показывается некоторая неадекватность психологических масок:

Штирлиц с трудом открыл глаза и подумал:

«Если я у них, то я штандартенфюрер Штирлиц.

Если я у своих, то полковник Исаев...»

Входит милиционер:

– *Ну и здорово же Вы вчера надрались, гражданин Тихонов!.. (Анекдоты 1993: 15).*

В анекдотах высмеивается склонность большей части населения России к бытовому алкоголизму:

Бизнес по-советски. Украсть ящик водки, выпить содержимое, бутылки сдать, а деньги – пропить (Анекдоты 1993: 16).

Или:

– *Папа, мама сказала, что теперь водка дорогая, и ты будешь меньше пить.*

– *Она ошибается, сынок, это ты теперь будешь меньше есть (Анекдоты 1993: 17).*

Или:

Одна девушка говорит другой в баре:

– *Представляешь, никак не могу поймать кайф. То недобор, то в отключку... (Анекдоты 1993: 17).*

В анекдотах обращается внимание на типичность в семейных отношениях несовпадения сексуального темперамента:

Жена у сексопатолога:

– Доктор, посоветуйте, что мне делать, муж совсем измучил. Приходит домой, съедает борща – и сразу в койку. И откуда только силы берутся?

– Пусть устроится ещё на одну работу, скажите, что Вам не хватает денег.

Так она и сделала. Муж пришёл после второй работы поздно вечером очень усталый.

– Ну что, борща? – спрашивает жена.

– Какого борща – устал, как собака. В койку! (Анекдоты 1993: 24)

В русских анекдотах высмеивается распространённость среди мужчин инфантов и импотентов:

Молодая чета приходит к сексопатологу. Муж виновато:

– Доктор, я до сих пор не знаю, что нужно делать с женой в постели.

Врач скользнул взглядом по молоденькой жене:

– Сейчас покажу.

Уложил её на кушетку и исполнил обязанности мужа.

– Ну, теперь ясно?

– Спасибо, доктор. Только я не знаю...

– Что ещё?

– Если Вы будете заняты, то куда нам обращаться (Анекдоты 1993: 23).

В анекдотах подвергается иронии распространённость глупых женщин:

Беременная женщина на приёме у мужчины-гинеколога:

– Доктор, а в какой позе я буду рожать?

– Ну что Вы беспокоитесь, голубушка, в той же самой, в какой зачали ребёнка.

– Какой ужас. Рожать ребёнка на заднем сиденье автомобиля с высунутой в окно ногой!? (Анекдоты 1993: 23).

Особенное-особенное. Функциональный аспект материализации явления. Примеры выздоровления в результате изменения единиц мышления и языка, внутренней психологической ситуации. Конкретные психотехники и контрсуггестивные тексты как средство стабилизации личности. Функциональная несостоятельность манипуляций на физическом уровне.

В русских анекдотах фиксируется дефектность причинно-следственных связей в мировосприятии одного из директоров, сделавшего не самые точные выводы:

Директор уволил секретаршу и приказал найти новую. Объявили конкурс. Одна приходит, её проверяют – опытная. Директор спрашивает:

– А ножницы у Вас есть?

– Нет.

Отказал. И так не принял девять. Наконец, у десятой оказались ножницы. Приняли. Через неделю она спрашивает шефа:

– А при чём тут ножницы?

– Понимаешь, однажды я приехал на работу, а секретарши заметила, что на ширинке оторвана пуговица. Стала пришивать, пришила, а нитку стала откусывать зубами. В это время вошёл первый секретарь горкома. Объявил выговор за разврат в рабочее время... (Анекдоты 1993: 3).

В анекдотах говорится и о разрушительном характере привычного хода мыслей во вполне конкретной ситуации:

Аллочка пришла на работу с синяком под глазом.

– Кто это Вас так?

– Муж.

– Так он же в командировке?

– Я тоже так думала... (Анекдоты 1993: 4)

В русских анекдотах высмеивается невнимательность лечащего персонала в современных больницах:

К знахарю, ставящему диагноз по радужной оболочке глаза, приходит мужчина:

– Доктор, чем я болен?

Тот быстро его к прибору:

– Так, у Вас инфаркт миокарда, рубцующаяся язва желудка и хроническая ангина.

– О, какой ужас! Может, Вы посмотрите другой глаз?

– Зачем?

– Но ведь Вы смотрели стеклянный протез! (Анекдоты 1993: 22-23)

В анекдотах высмеиваются глупые надежды на чудесное исцеление в результате какого-то внешнего влияния:

Кашиповский зачитывает очередную телеграмму:

«У меня за ушами были бородавки. После Ваших сеансов уши отпали, а бородавки остались, но потемнели» (Анекдоты 1993: 25).

В анекдотах высмеивается убыточность не критичного отношения к словам:

Холостой мужчина купил жензаменитель:

– Не читая инструкции, быстро в постель, находит отверстие, вставляет своё хозяйство и медленно наживает кнопку в ожидании кайфа. Резкая боль пронзила его тело, осмотрел хозяйство, Боже! Пришита пуговица от кальсон (Анекдоты 1993: 38).

Особенное-единичное. Личностный аспект материализации явления. Реальная судьба личности как факт уникальной неповторимости факторов ее формирования и развития, как результат манипуляций и актуализаций в области мышления и языка.

В русских анекдотах содержится информация о конкретных исторических личностях, ср.:

У Бриджит Бардо спросили:

– Что для Вас является самым большим удовольствием?

– Рюмку коньяку – до, и сигарету – после (Анекдоты 1993: 3).

Единичное-всеобщее. Генетический аспект уникально-неповторимой интерпретации. “Другой” как отражение собственного “Я”. Социо- и нациокультурные аспекты восприятия “чужого”, “Другого”. Социо- и нациокультурные аспекты манипуляций над языком и мышлением (“лингвистические преступления”).

В русских анекдотах обнаруживается ирония по поводу «лингвистических преступлений», типичных для средств массовой информации:

Сообщение ТАСС:

«Вчера в Тихом океане столкнулась с айсбергом и затонула американская подводная лодка. Команда айсберга награждена орденами и медалями» (Анекдоты 1993: 43).

В анекдотах фиксируется армейская готовность согласиться с любым высказыванием, если оно принадлежит старшему по службе:

– Товарищ прапорщик! А крокодилы летают?

– Шо-о!? Кто тебе такую херню сказал?

– Товарищ майор.

– Товарищ майор?! Да-а...

– Видите ли, товарищ сержант, вообще-то, они летают, но низенько, низенько! (Анекдоты 1993: 44).

В русских анекдотах фиксируется сдвиг русского национального сознания в сторону криминализации:

Разговаривают две подруги:

– Наташа, ты ведь окончила школу с золотой медалью, была отличницей в университете!.. Как же ты стала валютной проституткой?..

– Ах, сама не знаю... Наверно, просто повезло? (Анекдоты 1993: 7)

Единичное-общее. Логический аспект уникально-неповторимой интерпретации. Тождество “лжи” и “правды” в коммуникации. Перспективы общества в плане решения проблемы гармонизации мышления, языка и судьбы.

В русских анекдотах фиксируется известное положение о том, что на уровне коммуникации каждый прав, а несовпадение точек зрения на одно и то же событие – вполне обычное явление:

– Жена, сколько раз ты мне изменяла?

– Всего два раза, милый: один раз с оркестром, другой – с футбольной командой (Анекдоты 1993: 5).

Или:

Проститутка спрашивает у товарки:

– Ты в первый раз – как? По любви или за деньги?

– Ну, три рубля не деньги. Значит, по любви! (Анекдоты 1993: 6).

Единичное-конкретно-абстрактное. Динамический аспект уникально-неповторимой интерпретации. Общение людей как процесс ма-

нипуляций и актуализаций на уровнях мышления, языка и речи. Языковые метки манипуляций: “надо”, “нельзя”, “не твое дело”, “это ваши проблемы”, глагольные формы 3-го лица и оппозиция “Я – Они” – как метки саморазрушения на уровне коммуникации и т.п. Коммуникативная деятельность или активность?

В русских анекдотах фиксируется довольно обычный меркантильный интерес при заключении браков:

Она выскочила за него замуж на 3-й день знакомства с его сберкнижкой (Анекдоты 1993: 5).

В анекдотах приводятся случаи квазикоммуникации, т.е. случаи «будто бы общения», когда собеседник как бы не слышит и не понимает партнёра по общению:

Муж под утро является домой:

– Где ты был?! Я всю ночь ждала, глаз не сомкнула! – набрасывается на него жена.

Муж устало:

– А ты думаешь я спал? (Анекдоты 1993: 5).

В то же самое время приводятся случаи сверхкоммуникации, когда один из партнёров по общению «говорит больше, чем говорит»:

Жена собирается на юг.

– Дорогой! Что тебе привезти?

– Что хочешь, сейчас всё лечат (Анекдоты 1993: 5).

В анекдотах обращается внимание на привычность манипуляций во внутрицерковном общении:

В шикарном автомобиле едут две монашки. Ведёт машину девушка.

Монашка:

– Кто Вам купил этот лимузин? Папа?

– Нет, Ваш пастор.

– А он, негодяй, нам говорит – Бог Вам заплатит (Анекдоты 1993: 7).

Единичное-особенное. Функциональный аспект уникально-неповторимой интерпретации. Стратегическая несостоятельность манипуляций с мышлением и языком на межличностном уровне: соотношение выгоды и потерь. Изменение характера восприятия “Другого” как трансформация личной судьбы. Неудачник ли Диоген?

В русских анекдотах обращается внимание на национальные особенности коммуникации:

Касса аэропорта.

Грузин подходит к кассе, вкладывает в паспорт тысячу рублей, подаёт его кассиру и просит:

– Дарагой! Одын бэлэт на Москва!

Из кассы:

– Бэлэтов – нэт! – и возвращает паспорт.

Пассажир добавляет ещё тысячу рублей.

– Дарагой! Дай бэлэт! Сильно спешу.

Кассир снимает трубку телефона:

– Девушка, мне областного прокурора.

Пассажир про себя думает: «Неужели земляк продаёт?» Но слышит речь кассира:

– Товарищ прокурор, Ваша бронь отменена. Вы в Москву не полетите (Анекдоты 1993: 38).

В русских анекдотах содержатся примеры манипуляций, которые, по логике событий, затем приведут к большим неприятностям для манипулятора:

Стук в дверь. Муж открывает и видит мужчину с ручкой и блокнотом в руках.

– Будете принимать участи в групповом сексе?

– А кто ещё будет?..

– Вы, я и Ваша жена.

– Не-е, я не буду.

– Тогда я Вас вычёркиваю (Анекдоты 1993: 3).

В русских анекдотах фиксируются удачные ответы женщин при неудачном комплименте:

Два лейтенанта идут по улице. Видят впереди девушку с прелестным задом. Обгоняют, заглядывают в лицо и разочарованно произносят:

– Девушка, если бы Вы были так же прекрасны спереди, как сзади, мы бы Вас расцеловали.

– Целуйте туда, где я красива! (Анекдоты 1993: 3)

В анекдотах фиксируются тонкие нападения женщин на мужчин:

Сарра:

– Дорогой, на тебе сидит гавнянная муха!

– Что ты хочешь сказать, что я говно?

– Нет, но муху не обманешь (Анекдоты 1993: 37).

Единичное-единичное. Личностный аспект уникально-неповторимой интерпретации. Мышление, язык и судьба личности в плане уникальной неповторимости ее восприятия другой личностью. “Дом с мезонином”, М.Горький.

В русских анекдотах обозначается уникально-неповторимое в коммуникативном акте несовпадение значения и смысла сказанного:

Доктор больному:

– Вам нельзя пить, курить, увлекаться случайным сексом, играть в карты.

Больной про себя:

– Видимо, тут уже побывала моя жена (Анекдоты 1993: 25).

Цитируемая литература:

Анекдоты. – Вып. 1. – М.: Вихрь, 1993. – 64 с.

Анекдоты: Сборник. – Ростов-на-Дону: Книга, 1995. – 576 с.

Анекдоты от Никулина. – Рига, 1991. – 48 с.

Гагаев А.А. Теория и методология субстратного подхода в материалистической диалектике. – Саранск: Изд-во Мордовск. ун-та, 1991. – 308 с.; вкл.

Гагаев А.А. Теория и методология субстратного подхода в научном познании: К вопросу о понятии «субстрат» в классической, неклассической, постнеклассической науке и метафизике. – Саранск: Изд-во Мордовск. ун-та, 1994. – 48 с.

Пузырёв А.В. Анаграммы как явление языка: Опыт системного осмысления. – М.; Пенза: Ин-т языкознания РАН, ПГПУ им. В.Г.Белинского, 1995. – 378 с.

Пузырёв А.В. Опыты целостно-системных подходов к языковой и неязыковой реальности: Сборник статей. – Пенза: ПГПУ имени В.Г. Белинского, 2002. – 164 с.

Канд. филол. наук О.И.Семянкова (Пенза)

К ВОПРОСУ О ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ВОСПРИЯТИИ РЕКЛАМНОГО ТЕКСТА

В восприятии и переработке рекламной информации практически всегда присутствуют три фактора: познавательный (когнитивный), эмоциональный (аффективный), поведенческий (конативный).

Познавательный аспект. Познавательный фактор определяет способ восприятия рекламного текста потенциальным потребителем. С точки зрения лингвистики – это определение репрезентативной системы. Репрезентативная система – это система, посредством которой субъект воспринимает и перерабатывает информацию, поступающую из внешнего мира. В зависимости от преобладающего способа отражения мира можно выделить визуальную, аудиальную и кинестетическую репрезентативную систему. Обычно составители текстов рекламного характера ориентируются на несколько модальностей сразу для того, чтобы максимально увеличить аудиторию клиентов.

Восприятие – это целостное отражение в коре головного мозга предметов и явлений. Оно номинализуется, т.е. обозначается названием того явления или предмета, который воспринимает человек.

Внимание. Привлечение внимания к рекламному продукту – это его выделение из ряда аналогичных. Из всего количества рекламной продукции потребитель в среднем выделяет около трети, а определенную покупку совершает под воздействием нескольких самых ярких текстов обращений. Следовательно, бессознательно человек тщательно отбирает поступающую информацию.

Память. Запоминание определенного материала связано с мотивацией, т.е. человек запоминает прочнее то, с чем связана его дальнейшая деятельность, то есть с будущим, со своими задачами, а также то, к чему у человека имеется выраженный интерес. Интерес предполагает удовлетворение потребностей, которые всегда связаны с конкретным товаром. Поэтому наиболее эффективным оказывается тот рекламный текст, который учитывает интересы и планы людей. Рекламисты говорят, что продается не товар, а те выгоды и ожидания, которые он предоставляет.

Мышление. Мышление – это обобщенное отражение в сознании человека предметов и явлений в их закономерных связях и отношениях (Р.И.Мокшанцев 2002: 33). Мышление тесно связано с внешней или внутренней речью. Любой человек мыслит и конкретными, и абстрактными понятиями, что находит самое широкое применение в рекламе при построении ассоциативных образов. Такие мыслительные операции, как сравнение, абстрагирование (отвлечение), конкретизация, анализ, синтез, обобщение, установление аналогий, ассоциирование, суждение, умозаключение и другие, активно используются в рекламе, особенно ассоциации.

Эмоциональный аспект. Эмоциональный (аффективный) аспект воздействия определяет эмоциональное отношение к объекту рекламной информации: симпатия, антипатия, нейтральное или противоречивое отношение.

Текст, созданный по принципу рекламы, вызывает неосознаваемые эмоциональные образы, которые записываются в эмоциональную память человека, а она является одной из самых прочнейших. Эмоции формируют желание или нежелание ответить на предложение (рекламный призыв). Положительные эмоции стимулируют человека к достижению цели, к положительному ответу, к покупке и т.п. Сообщение, которое вызывает негативные эмоции или эмоционально не окрашено, человек не пытается запомнить, и ответной реакции автор не получит.

Следовательно, составителям рекламной корреспонденции нужно ориентироваться и нацеливаться на положительные эмоции человека, если, конечно же, хочется получить положительную ответную реакцию.

Поведенческий компонент. Поведенческий компонент объясняет поведение человека на сознательном и бессознательном уровнях под воздействием реальных ситуаций делового общения. На сознательном уровне в поведении человека действуют его потребности, а на бессознательном – интуиция. На поведение потребителя влияют такие факторы как объективная необходимость покупки, социальная среда, культурная среда, субъективные факторы.

Таким образом, психологическое программирование рекламного текста имеет своей целью получение нужной ответной реакции от потребителя, и при этом необходимо сделать так, чтобы партнер был уверен, что им сделан единственно верный выбор.

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ НА СТЕРЕОТИПЫ ВОИНСКОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ

В социальной лингвистике при рассмотрении вопроса о влиянии общества на язык принято использовать термин «социолингвистический фактор». Развернутое определение социолингвистического фактора дал В.П. Тимофеев. «Социолингвистическим фактором надо считать физические, психические, социальные способности и склонности говорящих индивидов, исторические факторы, культурные, бытовые, хозяйственные и военные события и явления, связи и отношения, которые определяют изменение и развитие общего и индивидуального языков, или, наоборот, способствуют их устойчивости» (В.П.Тимофеев 1971: 9).

В работе мы проанализировали влияние на язык такого социолингвистического фактора, как привлечение женщин к профессиональной военной службе.

Увеличение количества женщин в армии стало приводить к изменению характера и частотности употребления тех или иных стереотипов профессионального воинского общения, которые мы понимаем как национально специфические и профессионально обусловленные устойчивые коммуникативные единицы, закрепленные воинскими законодательными документами для выполнения воинских профессиональных задач.

Это явление находит подтверждение в исследованиях речи военнослужащих Пензенского артиллерийского инженерного института, в частности, в употреблении воинских служебных регулятивов.

К служебно-профессиональным регулятивам относятся слова, указывающие на чин, род занятий и место работы адресата. Следует сказать, что наличие подобных регулятивов как особого типа обращений является важнейшей особенностью армейского профессионального речевого этикета.

Семантический ряд воинских служебных регулятивов (используемый в качестве названий и самоназваний) представлен в основном существительными мужского рода по функциональному признаку (*дневальный, дежурный, боец и т.д.*) по социально-должностному (*майор, курсант и т.д.*), по эмоциональному (*братцы, молодцы, орлы и т.д.*), которые либо не имеют соотносительного существительного женского рода в функции регулятива (воин, боец, курсант), либо не имеют стилистически или семантически равнозначного. Сравните – «*майорша*» (воспринимаемое значение – «жена майора»), сестрица – «медицинский работник», молодица, орлица также вызывают совершенно иные, не вписывающиеся в границы армейского общения, ассоциации. Регулятив *дежурный*, хотя и имеет соотносительные существительные женского рода – *дежурная*, все же традиционным в воинской среде считается употребление мужского рода (*Дежурный*

– прапорщик Петрова). Заметим, что двойное использование существительных мужского рода по отношению к женщине (*дежурный и прапорщик*) создает сугубую официальность.

Частотное в последнее время субстантивное прилагательное *военнослужащие* выглядит в этом ряду неспецифическим. В отличие от вышеупомянутых, оно имеет как мужской, так и женский семантически и стилистически равнозначные варианты (военнослужащий - военнослужащая). Это дает возможность, во-первых, использовать его в качестве самоназвания единицы профессиональной армейской общности как мужчине, так и женщине в отличие от таких понятий профессиональной общности, как *Вооруженные Силы, армия, офицерский корпус, военные*, напр., – *Она военнослужащая*, *Военнослужащая Петрова является примером...* Во-вторых, несмотря на то, что обращение *военнослужащие* в армейской среде чаще применимо во множественном числе и в составе усложненного со словом *Товарищи (Товарищи военнослужащие!)*, что формально исключает дифференциацию, по признаку пола, можно говорить о существовании некоторой тенденции к «феминизации», в пользу которой выступает адресация данного регулятива. Он употребляется, если в качестве адресата выступают и мужчины, и женщины или только одни женщины. В последнем случае может добавляться приложение, например: *Товарищи военнослужащие-женщины! Разрешите поздравить вас с Международным женским днем 8 марта!* (из плаката-поздравления). Если же в качестве адресата выступают только мужчины, то употребляется регулятив *Товарищ генерал, товарищи офицеры и товарищи курсанты....*

Из сказанного следует, что, в профессиональном армейском общении признаки пола существенны, и их следует учитывать в качестве постоянных статусных социальных показателей при изучении единиц воинского речевого этикета.

Докт. филол. н. С.А. Сухих (Краснодар) соискатель А.Ш. Калашава
ПРИНЦИПЫ АНАЛИЗА СОЦИАЛЬНОГО ВЛИЯНИЯ
ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

В социальной коммуникации одна из главных ее функций принадлежит политическому воздействию на коллективного адресата. Поэтому с помощью политического дискурса осуществляется в большей степени процесс идентификации адресата, нежели его эвристическая деятельность. Это подтверждает доминирование знаний рецепта (скрипто-фреймовая организация) над знанием ретуши (несоответствия ожиданиям фрейм-скриптовой структуре).

Сила социального воздействия политического дискурса (ПД) как предмет исследования предполагает в качестве приоритетного отношения выделять прагматическую составляющую, ибо цель ПД лежит в плоскости

убеждения, побуждения. На адресата влияет тот текст, содержание которого представляется ему истинным, а степень истинности зависит от: а) степени совпадения когнитивные установок или ценностными ориентациями автора и адресата; б) степени совпадения лингвистического конструирования, свойственного психотипу автора и адресата.

Семиотическая модель представляет информационно-политические технологии, с помощью которых поддерживают и изменяют через нарративы модели мира. Это достигается в виртуальном пространстве благодаря героизации и демонизации участников ситуаций. Само воздействие предполагает наличие трех этапов: возбуждения интереса, эмоциональной стимуляции, демонстрации снятия напряжений. Семиотическая модель имеет дело с сигналами, которые указывают на сокрытый «эмоциональный смысл» личности. Такие возможности позволяют изучать психологический портрет лидера, в основе которого лежит качество сознания. Вслед М.Люшером различают гармоничное, «идол-Я» и «страх-Я» качества сознания. Наряду с этим может выявляться мотивационная сторона (мотивы-достижения, власти, близости), а также саногенность/патогенность мышления, репрезентируемые шкалами оптимизма-пессимизма, удовлетворенности-неудовлетворенности.

Психологическая интерпретация социального воздействия схватывает природу манипулятивного воздействия, которое объединяет такие понятия как рефлексивное управление (макиавеллизм) и манипулирование. Различают нормативное (внешнее, объективное) и информационные формы (внутреннее, субъективное) влияния. Большой вклад психологическая модель внесла в понимание восприятия ПД эвристическим и фокальным способом. При этом существенно понимание селективности восприятия, которое опирается на принципы резонанса, защиты, сенсбилизации.

Теории самокатегоризации, атрибуции, когнитивного диссонанса, психосемантические технологии, представляют отдельные стороны многомерного феномена социального влияния в своих эмпирических обобщениях. В качестве методологической платформы может использоваться модель Р. Уилсона о восьми контурах как уровнях эволюции сознания индивида. Плодотворны в изучении процесса социального влияния идеи психоистории, где политический лидер выступает защитником от групповой фантазии, так как он лучше всех ее осознает. А процесс политического лидерства представляет собой аналогию фетальной драмы, где каждая внутриутробная стадия порождает определенные фантазии в отношении лидера, нации, врага, которые могут вскрыты с помощью фантазийного анализа.

ОТРАЖЕНИЕ В ЯЗЫКЕ МОРАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИХ НОРМ ПОВЕДЕНИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РАЗЛИЧНЫХ СОЦИУМОВ

Нравственное сознание каждого этноса, материализованное в языке, наряду с общенациональными морально-этическими нормами поведения содержит специфические правила, свойственные отдельному социуму. Каждая социальная группа может иметь свои собственные идеалы и поведенческие схемы, не приемлемые для представителей других социумов. Ярким подтверждением этому служит моральный облик женщины и особенности ее поведения, воссоздаваемые на основе французских афористических высказываний, а именно: пословиц и сентенций.

Женщина, о которой идет речь в пословицах, вне всякого сомнения принадлежит к третьему сословию, в то время как в сентенциях воссоздается образ женщины из высшего общества.

Анализ фактического материала показывает, что единственное, что сближает этих женщин – это их более низкий по сравнению с мужчинами социальный статус.

Авторы оценивают женщину на основании общеизвестных в период создания пословиц и сентенций эталонов поведения, согласно которым ей отводится второстепенная роль в общественной жизни.

Женщина не имеет никаких социальных функций, кроме одной – быть женой. Но пословицы полагают, что в семье она призвана играть главную роль, ибо только жена способна вдохнуть жизнь в дом. Более того, жена – это своеобразный капитал, который позволяет мужчине сделать головокружительную карьеру, например, из скотника стать рыцарем. В пословицах определены и идеальные отношения между мужем и женой: предполагается, что муж и жена – одно целое, одна плоть, как этому учит библия. Сформулированы и требования к идеальной жене: трижды скромная, мудрая, осторожная, недоступная для других мужчин, домоседка. Реальная же женщина может иметь массу недостатков. Она криклива, сварлива, неуживчива, лжива. Все эти отрицательные качества проявляются главным образом в семье, в ее отношениях с мужем.

В отличие от простолюдинки, женщина из высшего общества не создана для семейной жизни. Замужество – это лишь необходимый первоначальный этап, после которого и начинается ее жизнь, но не в семье, а в обществе.

Поскольку браки в исследуемый период заключались по расчету, то как бы заранее предполагалось, что женщина не будет счастливой в супружестве, однако, следуя правилам общественной морали, она должна казаться счастливой (Лашоссе). Настоящая жизнь женщины разворачивается вне семьи, когда она вступает в отношения с другими членами общества и ищет то, чего ей не достает в семье. Эта двойственность положения женщины оказывает влияние на ее моральный облик. В силу обстоятельств

она не может быть правдивой и искренней. Ее лживость и нечестность проявляются прежде всего в неверности по отношению к мужу. Будучи относительно благоразумной в девичестве, так как на карту ставится ее собственная честь, она забывает об этом в замужестве, поскольку речь идет о чести мужа (Мерсье). Единственное, что может пообещать женщина, не искать самой повода для неверности (Леви). Подобное поведение нисколько не осуждается авторами сентенций, наоборот, верность возлюбленному, благоразумие, честность осмеиваются. Существование благоразумных и целомудренных женщин кажется проблематичным, поскольку женщины целомудренны только ушами, а не другими частями тела (Мольер).

Отдавая себя целиком любовным отношениям, женщина не может быть другом, поддерживать дружеские отношения, так как они ей кажутся слишком пресными по сравнению с любовью (Ларошфуко). Она отдает дружбе лишь то, что остается от любви (Шанфор). По своей натуре женщины опасные враги и очень слабые друзья (Тансен).

Как мы видим, в сентенциях происходит пересмотр нравственных ценностей, изменяются моральные характеристики женщины, манера ее поведения. Изменяются даже отрицательные черты. Так, аристократка не может быть крикливой, сварливой, по-видимому, в силу своей воспитанности, она не стремится к богатству, так как оно у нее есть.

В сентенциях особо подчеркивается тщеславие женщины. В своих амбициях она не знает предела (Буало), т.к. полагает, что способна постоянно внушать любовь. Подлинной поэзией для нее является кокетство.

Следует также отметить, что недостатком женщины, по мнению авторов сентенций, является высокий образовательный уровень. Считалось, что образование для женщин – излишняя роскошь, намного важнее для нее искусство обольщения. Некоторые авторы допускали, что женщина может быть образованной, но ни в коем случае ученой (Лепинас). Ученье не принесет ничего, кроме вреда: «Солнце, светящее с утра, ребенок, вскормленный вином и женщина, говорящая на латинском языке, "добром не кончат"» (Луизарне).

Таким образом, анализ афористических высказываний показывает, что женщина как личность воссоздается в языковой картине мира, исходя из системы нравственных норм, характерных для определенного социума, а не для всего народа. Ее образ в сентенциях разительно отличается от образа женщины во французских пословицах.

Канд. филол. наук Е.В.Харченко (Челябинск)

ОТРАЖЕНИЕ В ЯЗЫКЕ СИСТЕМЫ КОРПОРАТИВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Исследование поддержано РФФИ № 04-06-96025

Разрушение социалистической идеологии, появление новых социально-экономических реалий сказались на системе ценностей россиян, отразилось в конфликте старого и формирующегося нового мировоззрения.

На место общероссийских приходят корпоративные идеалы, способствующие социализации личности в непривычных условиях рынка и отражающиеся в языковой спецификации. Профессиональные объединения основываются зачастую на древнем принципе разделения «свой – чужой»: ассоциации, гильдии, объединения противопоставляют своих членов другим (чужим) специалистам в той же области по таким критериям, как профессионализм, соблюдение этических норм, честность и под. В первую очередь необходимость в положительном, сознательно создаваемом корпоративном имидже осознали адвокаты, юристы, риэлторы, аудиторы и подобные специалисты, оказывающие нематериальные услуги, а следовательно, нуждающиеся в доверии клиентов. В этом случае объединение выступает в роли гаранта профессионализма своих членов.

В отдельно взятой организации система корпоративных ценностей закрепляет правила поведения сотрудников с внешними и внутренними клиентами, определяет фокус внимания при работе (что является важным/ неважным, за что хвалят/ ругают и проч.). Отсутствие единых корпоративных ценностей в организации (мы не относим к ним формальное написание миссии и стандартов поведения сотрудников, которые могут не только не отражать, но и противоречить реальным ценностям, поскольку зачастую заимствуются из переводных источников) часто приводит к попыткам выхода в надсистему для поиска общих смыслов (вслед за А.Н.Леонтьевым мы разграничиваем понятия значение и смысл как *отражение действительности* независимо от индивидуального, личностного отношения к ней человека и *отношение* к осознаваемым объективным явлениям).

Нам известна неудачная попытка внедрения на одном из челябинских заводов учения Р.Хабарда с целью повышения работоспособности сотрудников. Очень популярно в Челябинске течение «Прорыв», возглавляемое американкой, внедряющей ценности западной культуры (*ты можешь все, измени мир вокруг себя*). Руководители, прошедшие этот тренинг, часто посылают на него своих подчиненных для того, чтобы потом «говорить с ними на одном языке», а точнее, иметь общее поле смыслов, позволяющее эффективно взаимодействовать.

Психолингвистическое направление исследования корпоративных культур следует признать, на наш взгляд, очень важным, поскольку бездумное вмешательство в формирующиеся системы ценностных смыслов как объединения специалистов, так и конкретной организации может разрушительно влиять на личности сотрудников, большинство которых действуют исходя из «социальных архетипов» (К.Касьянова), свойственных носителям русской культуры. Насаждение самых эффективных инокультурных ценностей и моделей речевого поведения разрушает национально-

культурные стереотипы и расшатывает мировосприятие отдельной личности, поэтому любая корректировка корпоративной культуры должна базироваться на общечеловеческих и этнокультурных ценностях и начинаться с диагностики, в том числе проводимой средствами и методами психолингвистики.

ЭСТЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ

Канд. филол. наук Н.А.Аверьянова (Пенза)

АЛЛЮЗИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Одним из способов создания зрительных и чувственно осязаемых образов в художественном тексте является аллюзия. Традиционно аллюзия определяется как приём преднамеренного использования в тексте определённых слов, косвенно соотносящихся с засвидетельствованными фактами культуры.

Каждая аллюзия привносит в художественный текст, в котором она используется, контекст своей первоначальной ситуации. Аллюзивное слово является именно тем сигналом-указанием, который вызывает в сознании множество сопряжённых с этим словом ассоциаций. Так, имена Отелло, леди Макбет стали социально закреплёнными ярлыками определённых понятий.

Основными формами реализации аллюзии являются имена собственные: топонимы, антропонимы (названия мест событий, имена мифических героев, библейских и литературных персонажей, исторических лиц) и цитаты.

Используя антропонимы или топонимы в качестве аллюзий, автор выбирает имена или географические названия, предположительно знакомые читателю, то есть с общеизвестной энциклопедической информацией. Имена собственные, обладающие общеизвестной информацией, имеют тенденцию переходить в нарицательные. Это явление давно отмечено в лингвистике.

Важной особенностью аллюзий (топонимов и антропонимов) являются модификации в плане содержания, претерпеваемые ими под влиянием принимающего контекста.

Антропонимы принимают различную информационную значимость в зависимости от принимающего контекста. Информационная нагрузка обуславливается объёмом импликационных признаков, реализованных под влиянием контекста и в соответствии с функциями аллюзивных антропонимов. Объём реализованного импликационала аллюзивных антропонимов в поэтическом тексте определяет возможности их перевода.

М.В.Никитин подразделяет импликацию признаков на жёсткую, высоковероятностную, слабую (свободную) и отрицательную. В соответствии с этим аллюзивные антропонимы делятся на те, что реализуют только жёсткий импликационал, высоковероятностный импликационал, и антропонимы, чей слабый импликационал приобретает в контексте значительную роль и представляет, таким образом, возможность сотворчества автора и читателя.

Другой формой реализации аллюзии является цитата. Приём аллюзивной цитаты в сущности носит метонимический характер, поскольку, аккумулируя в себе на основе смежности содержание своего непосредственного контекста, она включает это содержание в контекст употребления, приобретая в новом окружении символическую значимость.

Таким образом, сфера применения аллюзии многообразна. Сущность её как стилистического приёма состоит во взаимодействии ситуативного контекста, привносимого аллюзией, с новым контекстом её употребления.

С точки зрения принадлежности аллюзий к той или иной категории культурных сведений, аллюзии можно условно поделить на два вида:

1) аллюзии на факты, составляющие основной фонд сведений социальной культуры определённого общества;

2) аллюзии на факты-однодневки и явления массовой культуры.

Первая группа включает аллюзии на сведения из области библейских сюжетов, мифологических источников, литературы, исторических событий, невербального искусства.

Предполагается, что читатель или собеседник знает полный текст материала, на котором основывается автор аллюзии. Часто источником аллюзии являются Библия, Коран, мифология (особенно древнегреческая), исторические факты. Другим немаловажным источником аллюзии являются художественные классические произведения разных народов. Ярким примером может служить роман Агаты Кристи “Ten Little Niggers”, в котором встречается такая фраза: “Eh, my lad, that is the question”. Здесь содержится явный намёк на первую строку известного монолога Гамлета: “To be or not to be? That is the question...” (W. Shakespeare).

Нередко встречаются аллюзии на факты, рекламируемые СМИ, на лица и события светской или уголовной хроники, на популярные песни и т.д.

Таким образом, сфера применения аллюзии широка и многообразна. Сущность её как стилистического приёма состоит во взаимодействии ситуативного контекста, привносимого аллюзией, с новым контекстом её употребления.

Канд. филол. н. Л.И. Андреева (Балашов)

ОНОМАСТИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ И СИСТЕМА НАИМЕНОВАНИЙ ПЕРСОНАЖЕЙ А. Н. ОСТРОВСКОГО

Анализ рукописей, а также высказываний А.Н. Островского и его героев о собственных именах свидетельствует о том, что с самого начала и на протяжении всего творчества в центре внимания драматурга в качестве наименований персонажей были использованы реальные антропонимы, а не вымышленные, придуманные автором. Причем они характеризовались четким фоносемантическим обликом.

Немногочисленные высказывания А.Н.Островского о собственных именах свидетельствуют о том, что у автора была четкая ономастическая концепция. С разных сторон оценивая наименование героя (лексической, словообразовательной, структурной, функциональной), писатель учитывал социальную неоднородность именника, его реальность, степень распространенности и др. Это нашло отражение и в высказываниях действующих лиц.

Пути поисков имен персонажам были различными. Однако прежде всего автора интересовали: 1) реальность, жизненность, естественность онимов как по составу, так и по социальному статусу; 2) способность к ассоциативным связям (через апеллятивные основы слов общенародного языка, диалектизмы, личные имена и др.); 3) фонетическая мотивированность личных имен.

Так же, как и в реальной системе языка, драматург использует способность онимов к семантической мотивированности, то есть языковой обусловленности. Она явно прослеживается и у вымышленных автором, и у взятых им из реальной действительности имен. У онимов семантика так или иначе связывается с определенными свойствами денотата и зачастую становится дополнительным средством художественной характеристики (ср.: Дикой, Катерина, Тихон, Кабанова, Варвара и т.д.).

Обусловленность выбора собственных имен влиянием системы языка прослеживается у мастера слова в фонетической мотивированности онимов. Подбор наименований героям свидетельствует о такой тонкой и точной народной экспрессивно-эстетической оценке имен, которую, несомненно, мог знать и чувствовать только большой мастер слова.

Фонетическая мотивированность собственных имен – новое направление в исследовании авторского ономастикона. Его результаты помогут более объективно определить своеобразие писательской антропонимической системы, ее адекватность или неадекватность языковым нормам реального именника.

Тенденция использования наименований, аналогичных, взятых из жизни, с присущими им особенностями, как известно, доминирующая у писателей-реалистов. И тем не менее своеобразно подобранный и организованный состав, введенный и обыгрываемый в контекстах, способствует созданию оригинальных авторских антропонимических систем.

Проникновение в творческую лабораторию драматурга, знакомство с путями поисков им онимов для своих персонажей свидетельствует о том, что А.Н. Островский специально создавал систему собственных имен, поскольку все пути и приемы отбора имен у него преследовали определенные цели и в совокупности составляли некое единство, позволяющие говорить об антропонимической системе писателя, своей ономастической микросистеме.

ФЕНОМЕН КОНФЛИКТА В ДИСКУРСИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Конфликт является предметом исследования целого ряда наук, лингвистика же делает только первые шаги в освоении этого непривычного для неё объекта изучения. Однако этот интерес является вполне естественным и оправданным.

Осмысление бытия «конфликта» в рамках естественного языка, т.е. выявление смыслов данного понятия в сознании носителей языка, привело нас к необходимости рассмотрения «конфликта» как лингвокультурного концепта. Проанализировав составляющие данного концепта в русской и английской лингвокультурах, мы обнаружили общее содержание в понятийном и образном компонентах, а также существенные различия в ценностной составляющей, которая определяется особенностями национального характера и менталитета, ценностными доминантами культуры и идеологии, часто неосознаваемыми и эксплицитно невыраженными. Выделение ценностной составляющей подтверждает тезис В. фон Гумбольдта о «промежуточной реальности», которая определяет «языковое мировидение» народа.

Нам представляется, что данное обстоятельство имеет объяснительную силу для результатов анализа лингвистической проекции конфликта в драматургии Б.Шоу и А.П.Чехова, ярких представителей английской и русской культур одной исторической эпохи.

Так, персонажи Б.Шоу на различные конфликтные явления объективной реальности реагируют преимущественно игровой дискурсивной стратегией. Известно, что логическая теория игр уже давно используется для разрешения конфликтов, однако особенности проявления конфликта в естественном языке накладывают определённые ограничения на применение теории игр к функционированию дискурса. Прежде всего, это связано с таким важным условием существования игры как *сознательное* творчество говорящего по созданию условного мира - игровой реальности. В этом смысле вполне закономерным выглядит именно англичанин как *Homo ludens* в условиях конфликта, так как среди выделяемых исследователями национальных доминант англичан характеризует «высокий самоконтроль эмоций» (J. Gorer), «здравый рассудок» (О. Розеншток - Хюсси), что и позволяет человеку говорящему – *Homo loquens* – соединить рациональность и эмоциональность в своей игровой деятельности.

Совершенно другим предстаёт конфликт в речи чеховских персонажей, которые не пробуют на прочность окружающий мир, а скорее, прогибаются под него. Такие национальные доминанты как двойственность, «поляризованность» (Н.А.Бердяев), «иррациональность поступков» (Б.П.Вышеславцев), неконтролируемость чувств, судьбы (А.Вежбицкая) создают основу для принципиально иной – «неигровой» проекции конфликта. Внутренний конфликт чеховских героев, который можно было бы

назвать «конфликтом нереализованного желания», по степени постижения сути конфликта самим персонажем выступает в двух формах - осознаваемой и неосознаваемой. Первый реализуется в монологах, раскрывающих глубину переживаний, в которых персонаж четко называет, что с чем вступает в его душе в борьбу. Вторым эксплицируется в «провисающих» репликах, остающихся без ответа, в которых чеховские герои выносят «вовне» скрытые от них самих фрагменты их внутренней жизни.

Такая полярность в восприятии конфликта объясняется, с нашей точки зрения, как индивидуальностью авторского стиля в изображении действительности, так и этническим своеобразием культурно - исторической общности людей. Являясь, безусловно, универсалией, концепт «конфликт» принадлежит различным культурам, в связи с чем особую значимость представляет полифоничность ментальных проекций этого явления. Только диалог с другими национальными культурами открывает такие грани универсальных концептов, на которых в родной культуре внимание не останавливалось.

Аспирант Е.М.Барановская (Тамбов)

ПОКАЗАТЕЛЬ И ОЦЕНКИ ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ОТНОШЕНИЙ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТА

Ведущей идеей цивилизованного общества, его высшим гуманистическим смыслом является утверждение отношения к человеку как к высшей ценности бытия.

Гуманистическое мировоззрение, основывающееся на примате общечеловеческих ценностей над региональными, национальными, предполагает активизацию духовного потенциала общества.

Образование как неотъемлемый компонент культуры, в этой связи, приобретает особую значимость, так как является основным средством развития гуманистической сущности человека, поэтому, именно в студенческой среде открываются эффективные пути освоения гуманистических ценностей.

В качестве критериев у будущих специалистов нами выделены четыре уровня сформированности гуманистической направленности отношений личности будущего специалиста: (высокий, нормальный, допустимый, низкий), состоящих из понимания феномена "гуманизм", иерархия мотивов "для людей", "для дела", "для себя", наличие и проявление в поведении студентов гуманных или антигуманных качеств, ставших их внутренней или внешней детерминацией.

При высоком уровне у студента наблюдаются: явное господство устойчивых положительных мотивов "для людей", наличие гуманных чувств, эмпатии, отношений взаимопонимания, взаимопомощи, доброты, толерантности, личной и коллективной ответственности, способности проявления гуманности, ставшие внутренней детерминацией поведения.

Нормальный уровень включает постоянное преобладание положительной мотивации "для людей", наличие чувств товарищества, взаимовыручки, личной и коллективной ответственности, доброты, толерантности, способности проявления гуманности в поведении, которые еще зависят в большей степени от внешних факторов, от социальных условий, нежели от внутренних – осознания и переживания их как значимых.

Допустимый уровень характеризуется непостоянством превалирования мотивации: в одних случаях преобладают мотивы "для людей", а при других обстоятельствах – "для себя" или "для дела", в основном все же наблюдаются чувства гуманности, отношения товарищества, взаимовыручки, толерантности, личной ответственности, способности проявлять гуманность в действиях и поведении, однако это происходит в условиях сильно действующего внешнего фактора – социального окружения.

Низкий уровень отличается преобладанием у студента мотивов "для себя" и "для дела", над мотивом "для людей", слабо развитыми гуманными отношениями и отсутствием чувств товарищества, доброжелательства, эмпатии, терпимости, личной и коллективной ответственности, наличием ярко выраженных черт эгоизма, грубости, равнодушия, жестокости, злобы, агрессивности, которые проявляются в поведении и действиях студента.

Указанные характеристики, соответствующие высокому уровню гуманистической направленности формируются в процессе обучения будущего специалиста в вузе, являются результатом специально организованной учебной деятельностью самостоятельной работы будущего специалиста по овладению профессий, выступают отражением стремления студента к личностному самосовершенствованию.

П.Ф.Беседин (Балашов)

СИНЕСТЕТИЧЕСКИЕ МЕТАФОРЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

(На материале произведений И.А.Бунина)

Синестезия (от греческого *sunaisthesis* – совместное чувство, одновременное ощущение) – явление, состоящее в том, что какой-либо раздражитель, действуя на соответствующий орган чувств, помимо воли субъекта вызывает еще и добавочное ощущение или представление, характерное для другого органа чувств.

Термин «синестезия» был введен в научный оборот английским лингвистом Стефаном Ульманом. Явление синестезии в семантике – это особый тип переноса, основывающийся на ассоциациях между чувственными восприятиями и получивший название – синестетические метафоры.

Теоретически природа этого явления не вполне выяснена. Но в любом случае явление синестезии – это свидетельство постоянной взаимосвязи анализаторных систем человеческого организма, целостности чувственно-го отражения объективного мира.

Одним из ярких авторов, использовавших синестезию в своем литературном творчестве, был И.А.Бунин. Как верно заметил К.Г. Паустовский, «есть некая крепкая связь между такими явлениями, как свет, запах, звук и цвет... Читая Бунина, часто ловишь себя на ощущениях такого рода. Краска дает запах, свет дает краску, а запах восстанавливает ряд удивительных картин» (К.Г.Паустовский 1972: 83-84).

В данной работе рассмотрим синестезии, включающие слова из семантического поля слуха.

Осязание – звук:

... *с горячим шумом* /температурное восприятие – звук/ *отходят от моста пакеботы...* (Тень птицы);

... *лошади шлепали, блестя подковами, по синей грязи, тарантас влажно шуршал...* /тактильное восприятие – звук/ (Суходол);

Ветер, пробегая по саду, доносил до нас шелковистый шелест /характеристика поверхности – звук / *берез* (Суходол).

Вкус – звук:

На юте сладко щебечут канарейки... (Копье Господне);

... *птицы сладко звенят в зеленых чащах...* (Золотое дно).

Звук – зрение:

... *она говорила с тихим светом в глазах...* (Чистый понедельник);

... *а внутри – огромная пустота, молчание, тихие огоньки семисвечника...* (Господин из Сан-Франциско).

Рассмотренные явления взаимодействия лексики чувственного восприятия в целом согласуются с общей тенденцией процесса синестезии, установленного С.Ульманом. Он отметил, что перенесение имени в направлении от более «низких» (осязание, вкус) к более «высоким» (зрение, слух) видам чувств является основой таких переносов. Обратные процессы «сверху вниз» почти не наблюдаются (С.Ульман 1970: 279-281).

Комплексная синестезия:

Было тихо, тепло, сыро и темно (Деревня) /звук – температура – осязание – свет/;

Из-под готового поезда, сверху освещенного матовыми электрическими шарами, валил горячо шипящий серый пар, пахнувший каучуком (Генрих) /цвет – температура – звук – цвет – консистенция – запах/.

В последних примерах мы наблюдаем слияние целого комплекса ощущений.

Проведенные нами наблюдения над синтетическими метафорами еще раз подчеркивают особый характер изобразительности в произведениях И.А. Бунина, что определяет своеобразие индивидуального стиля писателя.

Аспирант Т.А.Беспалова (Тамбов)

«ЧАС ДУШИ» М. ЦВЕТАЕВОЙ. СЕМАНТИКА И ФОРМА
ТЕМПОРАЛЬНОГО СЛОВА *НОЧЬ*

В «ночном мире» М. Цветаевой можно выделить группы художественных образов: **Человек, Природа, Материальный мир** и др. Группа **Человек** основана на нескольких дифференциальных признаках: возрастная дифференциация (*старик; тот, кто молод; девушка / девушки, дети / ребенок (отрок, дитя)*); социальная принадлежность (*солдаты, пленники, палачи, кормчий, паства, сторож, вор, сосед, цыган*); качественная характеристика (*с нелюбимым, с милой, красавицы (красотка)*). **Живая природа:** а) **растительный мир:** луг (*сонный, бессонный*), лес (*ломится в окна*), поле (*сон полей*), деревья (*черные огромные деревья*), кусты, трава, цветок (*И в руке - цвет*), лист (*Ночного листика во рту вкус*) и тополь/тополя (*ошалелые столбы тополей*); б) **животные и птицы:** пёс (*сед*), сторож-гусь и спящие гуси, корова (*вздохнула в хлеву*), кони (*фыркали*), птицы (*ошалелое в ночи пенье*), даже город, как бык (*город, топоча, словно бык*). **Предметный мир** ночи активен: *рокошет ярая колотушка, за каждою спиною – нож, чадит огарок*, как и природные явления: *ветер, ключи, луна*. **Пространство** представлено единицами: *лес, луг, поле, город* и городскими реалиями: *дилижанс, трамвай, комнаты, окно, склад, казармы, гавань, памятник*.

Ночь в сравнительных конструкциях и оппозиции **Дню** развивает дополнительные значения: 1. Бог/ Праматерь Песен: Подземная река - /Бог – так ночь под светом; о праматерь /Песен, в чьей длани узда четырех ветров!; 2. Солнце – Испепели меня/ Черное солнце – ночь!; 3. Глаза (зрачок) – (как зрачок сосущая/ Свет) в корреляции: *зрачок/ночь – веко/день - (Так черного зрачка/ Ночь – прикрываясь веком)*; 4. Вода /река (Подземная река/ Ночь, – глубока под днем;). 5. Огонь (огнь) (*Огнь, прикрываясь дымом*) - член корреляции: *огонь/ночь – дым/день*; 6. Группа философских (**ментальных**) значений: а) суть - (*Суть, прикрываясь словом*) или от обратного: Свет: некая мило'ть,/ Наброшенная сутью, где милоть – «овчина» [Даль II, с. 325]; б) хаос (*свет – это только веко/ Над хаосом*) – сравнение света с веком, прикрывающим зрачок → хаос → ночь; 7. Группа **экзистенциальных** характеристик, расширяющих семантику **ночи**: **Час (Души)**; *слуховых верховий; совы; тьмы; мглы; когда в души глядишь - как в очи; когда в уши нам мир — как в очи!*; *как час/ Струны Давидовой сквозь сны/ Сауловы; как час грозы; как час/ Беды; как час/ Ножа; сокровеннейших низов/ Грудных; обнажающихся верховий час; когда на всех устах/ Засуха последних смут; когда ухо разъяв/ Как веко, <...> слышим*. Характеристика «отсутствия времени» выражается в глаголе с оценочным значением: *времени явственное затишье*.

Расширение семантического объема единицы **ночь** связано с закреплением в слове философского пласта информации и нового текстового

значения, что обусловлено самой языковой системой, наличием оппозитов ночь – день (солнце), зависимостью от солнца (ночь: «часть суток от захода до восхода солнца»), а также развитием лексемой солнце (через компонент свет) дополнительных оттенков семантики в оппозиции ночь – свет.

Аспирант Е.А.Братчикова (Балашов)

О ЗВУКОСМЫСЛОВЫХ СВЯЗЯХ В ПОЭЗИИ
(На материале стихотворения Э.А.По «The Bells»
и перевода К.Бальмонта «Колокола и колокольчики»)

В настоящее время не ослабевают интерес к проблеме звуко-символизма, под которым обычно подразумевают наличие произвольной связи между звучанием и значением слова, то есть между звуком и смыслом. Исследуется способность фонетических единиц выражать те или иные значения, настроения или чувства, вызывать в сознании говорящего или слушающего определенные психологические ассоциации. Особое место в современной лингвистической науке отводится исследованию звуковой организации поэтического текста, который понимается как образная речь, сконструированная специфическим образом в связи с необходимостью создания сложных моделей – знаков для сверхсложных явлений денотатов. При этом подчеркивается большая информационная насыщенность художественного поэтического произведения.

Несомненно, что в поэтическом тексте звуковая оболочка слов и всего текста в целом не является лишь формальным выражением содержания, а привносит в него дополнительные эмоциональные и смысловые оттенки, отражая психологическую и прагматическую установку автора и помогая ярче выразить идею произведения. Принципы анализа фонетического слоя разработаны С.Ворониным, А.Журавлевым, В.Григорьевым, А.Пузыревым, А.Михалевым, Н.Любимовой, Н.Пинежаниновой, Е.Сомовой, Ю.Казариным, К.Штайн, Е.Винарской. Их исследования доказывают, что в стихотворных текстах звуку отводится одна из главных ролей.

В настоящей работе предпринята попытка сравнить звуковую организацию стихотворения «The Bells» Э.А.По и его перевода, выполненного К.Бальмонтом. Оба поэта знамениты своим пристальным вниманием к материалу искусства, в данном случае – к слову и его звуковой оболочке.

Стихотворение состоит из четырех частей, в каждой из которых изображается звон разных колокольчиков и колоколов: в первой – звон серебряных бубенчиков санной упряжки в ясную зимнюю ночь, во второй – венчальный звон золотых колоколов, в третьей медные (или бронзовые) колокола бьют тревожный набат, возвещающий о пожаре, в четвертой звучит погребальный звон железных колоколов. Все стихотворение представляет собой развернутую метафору, где звон – это образ метафоры, а ее

предмет – эпохи в жизни человека. Первая – беззаботная радость детства и ранней юности, вторая – счастье любви, третья – тревоги и борьба зрелости, четвертая – смерть.

Очевидно, что все картины и образы текста – звуковые, зрительные образы представлены лишь в виде случайных деталей. Нельзя не согласиться с наблюдением Н.Ф.Пелевиной, что «действие стихотворения развертывается не в обычном зрительном, а в звуковом пространстве» (Н.Ф.Пелевина 1980: 53). Все стихотворение построено на звукописи: в нем не только рассказывается о звоне, но и изображается звон при помощи всевозможных звуковых повторов, аллитераций, ассонансов, рифм, звукоподражательных слов.

Нами был произведен анализ употребления гласных звуков в названных произведениях по методике исследования ладовой структуры художественного текста, предложенной Е.Н.Винарской (Е.Н.Винарская 1989). Изучение ладовой структуры позволяет глубже проникнуть в коннотативно-понятийную структуру произведения и обнаружить корреляции между звуковой организацией текста и его содержанием.

Обратимся к первой строфе стихотворения, где изображается радостное детство и беззаботная юность. Данная строфа – легкая, быстрая, светлая, веселая. Назначение всей лексики – передать легкость и быстроту движения, а также мелодичный перезвон серебряных бубенчиков. Инструментовка этого отрывка в оригинальном тексте построена на многократном повторении мажорных [i], [e] звуков, а также нежных и мягких сонантов [m], [n], [l], [w], что отвечает общему настроению этой части. Одновременные аллитерация и ассонанс в строке *What a world of merriment their melody foretells!* привлекают наше внимание к главному слову отрывка *merriment*. В ткань звукописи вплетаются звукоподражания *tinkle, jingle, tintinnabulation*. В переводе Бальмонта также заметно выделяются мажорные И- и Э-вокализации и сонорные [m], [m'], [n], [n']. Повтор слова *звон* и других слов с тем же корнем создает такой же мелодичный эффект, что и повтор слова *bells* в оригинале.

Характер второй строфы – торжественный, лирический. Счастье и гармонию обещает нежный звон свадебных золотых колоколов. Снова в инструментовке и оригинального текста, и перевода преобладают звуки мажорной тональности и сонорные. Строка *What a world of happiness their harmony foretells!* содержит парную аллитерацию звука [h], который несет коннотацию облегчения, спокойствия. Парные аллитерация и ассонанс обнаруживаются и в переводе: *сколько нежного блаженства, из волны певучих звуков*. Использование слова *delight* и его синонима *rapture* в тексте Э.По и синонимов *наслажденье* и *блаженство* у Бальмонта связывает первую и вторую части, ведь именно они рисуют самое счастливое время в жизни. Однако изучение ладовой структуры показывает, что это счастье не будет вечным. Хотя на лексическом уровне мы не находим ни одного сло-

ва с негативной коннотацией, звуковая организация отрывка имплицитно предсказывает будущие тревоги и беды.

Третья строфа – тревожная, темная. Резкие, пронзительные звуки медных колоколов, возвещающих о катастрофе, переданы лексикой: *alarm, affright, clamorous, frantic, mad, clang, clash*. В этой строфе заметно выделяются согласные [r], [p], [k], [f] и [p], [щ], [т], [к] в переводе. Примечательно, что мажорно-минорный показатель в стихотворении Бальмонта гораздо ниже, чем в стихотворении Э.По. Однако и в оригинальном тексте третья часть оставляет неприятное, тревожное ощущение, которое достигается при помощи обилия слов, имеющих негативные коннотации: *scream, shriek, roar, wrangling, anger, clangor* и так далее.

И наконец, четвертая часть стихотворения – самая печальная. В ней слышится скорбный погребальный стон железных (ржавых – в переводе Бальмонта) колоколов, переданный при помощи звуков [f], [d], [r], [h] и [ж], [ш], [p], [x]. На минорный характер этой части указывает самый низкий во всем стихотворении показатель соотношения мажорных и минорных вокализаций как в оригинальном тексте, так и в его переводе. Интересно заметить уравновешенный характер ритма второй половины четвертой части. Одинаковые по длине строки с одинаковым размером как бы указывают на вечный покой души.

В заключении мы можем сделать вывод, что многоуровневый подход к прочтению и толкованию поэтического текста предполагает обязательное включение анализа его звуковой организации. Проведенный нами анализ функционирования символики звуков в поэтических текстах показывает, что между символической содержательностью звуковой ткани текста и общим эмоционально-коннотативным содержанием произведения обнаруживается определенная корреляция. Установление такой корреляции особенно важно при попытке оценить адекватность перевода, выявить его достоинства и недочеты, но не в качестве самоцели, а в качестве этапа следующей стадии работы над художественным произведением переводчиками следующих поколений.

Соискатель М.В.Викторова (Пенза)

ПРОДЛЕНИЕ ЗВУКОВ В АВТОРСКОЙ ПЕСНЕ:

К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

(на материале песен Ж.Бреля и В.Высоцкого)

Фоносемантические средства языка – такие языковые средства, сущность которых состоит в наличии у самой звуковой субстанции (звука, слога, слова, синтагмы, фразы, текста) ярко выраженных прагматических характеристик и весьма размытой, но относительно самостоятельной – от предметной отнесенности – семантики.

Опираясь на дихотомический принцип деления, ученые-лингвисты на основании признака материальной выраженности подразделяют фоносе-

мантические средства на материально выраженные и материально не выраженные. В свою очередь, среди материально выраженных фоносемантических средств можно выделить две подгруппы: сегментные и суперсегментные. К суперсегментным фоносемантическим средствам относятся: ритм, интонация и ударение. Сегментные подразделяются на парадигматические (продление звука), преимущественно парадигматические (онома-топоя, звуковой символизм) и синтагматические (рифма, фонетическая гармония, паронимическая аттракция, анафония и анаграммы) (см.: А.В.Пузырев 1995: 262).

Объектом исследования данной работы является продление звуков в авторской песне во французском и русском языках.

Цель работы – определить роль продленных звуков в авторской песне в русском и французском языках.

Задачи исследования:

1. Найти сходства и различия в использовании звуковых продлений в авторской песне двух языков.

2. Выявить закономерности употребления звуковых продлений языка в авторских песнях русского и французского языков.

Вопрос об использовании фоносемантических средств в авторской песне может представлять интерес для лингвистов с точки зрения соотношения в них семантического и прагматического аспектов. Известно, что в лингвистической литературе более детально исследован семантический аспект, прагматический же привлекает не в такой степени. Наблюдения над структурой лексического значения слова показывают, что роль прагматического компонента в фоносемантических средствах велика. Прагматический аспект проблемы отчетливо обнаруживается в том случае, когда исследователи увязывают употребление фоносемантических средств с их функциями в коммуникативном акте.

Коммуникативные акты, по мнению ведущих ученых-лингвистов, – это «прошлое языка». Лучше всего это прошлое зафиксировано в текстах художественных произведений.

Исследуя звуковую организацию речи, лингвисты отмечают интенсивное использование фоносемантических средств языка в поэзии. Особый интерес представляет авторская песня. Это объясняется, прежде всего, особенностями жанра. Доминантой в авторской песне является стихотворный текст, которому подчинены и музыка, и манера исполнения. Поэтому словесная сторона принадлежит области художественной литературы.

Рассмотрим использование фоносемантики, а именно продление звуков, в авторской песне В. Высоцкого и Ж. Брежя.

Продление-растягивание звука – это такое материально выраженное сегментное фоносемантическое средство, сущность которого заключается в увеличении сверх обычного длительности произношения какого-либо звука.

С точки зрения языковой системы, продленные звуки – это интенсификаторы, это средство интенсификации звуковой (на письме – графической) формы слова.

С точки зрения прагматики, продленные звуки – это средство, позволяющее говорящему выразить свое отношение к тому, что он сообщает, и обеспечить воздействие высказывания на адресата.

С точки зрения стилистики, продленные звуки – это средство эмфазы, примета эмоциональной, экспрессивной речи.

С точки зрения психологии общения, продленные звуки – это языковое средство, отражающее психологические взаимоотношения говорящего и слушающего (А.В.Пузырев 1995: 264, 280).

Обратимся к песне Жана Бреля «Фламандки» («Les Flamandes») и рассмотрим продление согласных звуков с точки зрения прагматики, т.е. как средство, позволяющее автору выразить свое отношение к тому, что он сообщает, обеспечивая воздействие высказывание на адресата.

Лейтмотив этой песни заключается в жизнеутверждающем начале, которое олицетворяет собой женщина:

Et qu'a vingt ans il faut se fiancer,
Et se fiancer pour pouvoir se marier,
Et se marier pour pouvoir des enfants...

В 30 лет она успешно реализует себя в материнстве:

Et qu'a trente ans il est bon de montrer
Que tait va bien, que poussent les enfants...

И в 70 лет она прекрасна, свое продолжение она видит во внуках:

Qu'a septante ans il est bon de montrer
Que tout va bien, que poussent les petits-enfants.

Эта песня посвящена фламандкам, жительницам Фландрии. Слово «Flamandes» употребляется в песне 22 раза, и каждый раз наблюдается удлинение сонанта [m]. Данное удлинение оказывает максимальное воздействие на слушателя, в представлении которого образ фламандок воспринимается как признак женственности и нежности.

На втором месте по частоте употребления находится звук [r] (9 случаев). Из 9 примеров в восьми звук [r] встречается в глаголах. Подобное удлинение обеспечивает динамику, ритмичность:

Les Flamandes dansent sans fremir...
Les Flamandes dansent sans sourire...

На третьем месте по частоте употребления находится звук [s]. Удлинение этого звука наблюдается четыре раза в одном и том же слове «sonnats».

Sans mollir aux dimanches sonnants.
Sans sourire aux dimanches sonnants.

Выражение «dimanches sonnants» сопровождается на протяжении всего стихотворения фламандок, которые танцуют, не обращая на окружающих внимание:

Les Flamandes dansent sans rien dire,
Sans rien diere aux dimanches sonnants...

Своей излишней серьезностью они вызывают снисходительную усмешку лирического героя:

Les Flamandes dansent sans rien dire,
Les Flamandes ca n'est pas causant.

У Владимира Высоцкого мы взяли для анализа «Песню о друге». Высоцкий тоже удлинняет не только гласные, что естественно для песни вообще, но и согласные звуки, как звонкие, так и глухие.

Интенсивнее всего он прибегает к удлиннению звонкого согласного звука [р] в позиции перед гласным. Частота удлиннений звука [р] составляет 19. Почему Высоцкий удлинняет звук [р] в этой песне? Это можно связать с содержанием песни, с ее главным смыслом. Лирический герой формулирует свое отношение к другу. Эта позиция очень требовательного, жесткого человека, который не допускает компромиссов. Мы наблюдаем растягивание, пропевание согласного звука [р] вопреки правилам русского языка (согласные звуки не тянутся, тянутся только гласные). В песне Высоцкого это правило нарушается. Но если звук [р] хотя бы звонкий, и в его образовании участвует голос, то чем можно объяснить продление глухих согласных звуков [х] – 9, [ш] – 2, [к] – 2?

Не разберешь, плох он или хорош...

Продление глухих согласных звуков также подчинено идейному содержанию стихотворения. Данное удлиннение глухих согласных звуков также подчеркивает жесткость позиции лирического героя песни. С помощью этих удлиннений в голосе певца появляются «металлические» нотки. Голос звучит уверенно, каждая фраза отточена:

Если парень в горах не ах,
Если сразу раскис и вниз,
Вверх таких не берут,
И тут о таких не поют.

Наблюдения над авторскими песнями Бреля и Высоцкого свидетельствуют о том, что удлиннение согласных является характерной особенностью авторской песни, но обнаруживается разница в качестве звуков. У Бреля удлиннению подлежат сонанты: [m], [r], [l] и [s], у Высоцкого – [р], [х], [ш].

Л.А.Горшкова (Самара)

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ НЕОПРЕДЕЛЕННЫХ МЕСТОИМЕНИЙ В ТВОРЧЕСТВЕ Б. К. ЗАЙЦЕВА

Проблема многообразного функционирования неопределенных местоимений в художественном тексте в лингвистике не получила пока должного освещения. Исследование выразительных возможностей неопределенных местоимений в художественном тексте в русистике находится

на стадии накопления материала. Неопределенные местоимения обладают богатыми возможностями изобразительности в художественном тексте.

Неопределенность, обоснованная в русистике как лингвистический феномен в конце XX столетия Н.Ю.Шведовой, Ю.Н.Карауловым и Н.Д.Арутюновой, передается в художественных текстах XIX века различными языковыми средствами. Н.Д.Арутюнова выделяет два вида творческой манеры писателей: одни максимально стараются избавиться от неопределенных местоимений, другие, напротив, применяют средства неопределенности как своеобразную технику письма. Предметом нашего исследования являются неопределенные местоимения в творчестве Б.К.Зайцева.

Б.Зайцев осознанно продолжил традиции чеховского импрессионизма. С годами усилились черты реализма, сквозь которые проглядывает мистическое ощущение жизни. Б.К.Зайцев в своих произведениях часто употребляет неопределенные местоимения для создания возвышенного стиля. *«Но потом на сердце моем стало легче, и как будто я даже расстроился, в нежность **какую-то** впал. Все мне хотелось вспомнить **что-нибудь** очень хорошее, трогательное в моей жизни, что меня бы согрело»* (Грех).

Художественным контрапунктом всех книг Зайцева является Жизнь и Смерть человека вообще. Этот *«человек вообще»* показывается нам не в заботах житейских, порой мы не знаем, кто он по роду занятий, где служит, – для писателя - лирика это не имеет значения. Эти люди просто живут, некоторые уходят из жизни – безбоязненно, спокойно, исполненные смирения и мудрого понимания естественной, предопределенной неизбежности конца всего сущего. Из *«Усадьбы Ланиных»* Б.К.Зайцева: *«Не скрою, что мне хотелось **чего-то** большего, высокого – быть может, творчества или служения ценностям, как говорят люди умные, стоящим над жизнью. Но я не имел никакого божьего дара, мог только завидовать...тем художникам, философам, писателям, которые тоже знают свой путь, но путь которых бесконечен, и, те, кто идет по нему, подобны крестоносцам».*

Герои Зайцева тоже живут и действуют в земных обычных условиях, и вместе с тем есть у каждого из них свой «микрокосм», отрешенный от конкретного бытия, от повседневья – как бы второй глубокий план, возникающий в раздумьях наедине с собой. Пример из *«Аграфены»*: *«Сердце ее обнималось тогда благоговейной ясностью; и среди тихих напевов, неожиданно вставал **некто** дивный и грозный; случалось – вдруг перед лицом этих риз на иконостасе, от голоса отца Дмитрия, высокого, тонкого, веяло таким безмерным, что она в ужасе спрашивала себя: верю или не верю».*

В прозе Зайцева отмечается пантеистическое мироощущение и мистицизм, укрытые в прекрасную поэтическую оболочку. Например, герой произведения *«Аграфена»* размышляет о жизни: *«– Отчего так бывает, смотришь на небо и облачка такие, – кажется, **когда-то** в детстве ви-*

дел это, – а когда, не помнишь, и как тогда чудесно было... Вот и лето, и все, а тогда было другое»

Соискатель Н.А.Давыдкина (Самара)

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ НАРЕЧИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ В.НАБОКОВА

В русистике довольно подробно изучены и описаны неопределенные местоимения. Исследования неопределенных местоимений ведутся в различных направлениях. Однако неопределенные наречия остались на периферии исследовательских интересов. Предметом настоящего исследования является функционирование наречий с семантикой незначительного количества (*несколько, немного, немножко*) в работах В. Набокова.

Предварительное наблюдение функционирования наречий позволяет отметить продуктивность их тропеического использования.

Особый интерес представляют эвфемизмы (троп, состоящий в непрямом, прикрытом, вежливом, смягчающем обозначении предмета или явления). Напр., вместо того, что портной был толстый, встречаем: *Портной, отойдя на шаг, прищурился на лужинскую фигуру, промурлыкал с вежливым смешком, что господин **несколько** в теле (...)* (Защита Лужина).

Продуктивно употребляются наречия в функции семантического оператора, модифицирующего содержание высказывания в сторону увеличения семантической неопределенности. Напр., *Она носила очень простые, очень хорошо сшитые платья, обнажала руки и шею, **немного** щеголяя их нежной свежестью* (Защита Лужина).

Примыкая к словам сферы чувств, семантический оператор воздействует на их значение, расширяя его границы в сторону неопределённости. Это способствует более точной передаче внутреннего состояния персонажей. Напр., *И было ему **немного** досадно, что она не совсем так хороша, как могла быть, как мерещилась по странным признакам, рассеянным в его прошлом* (Защита Лужина).

В. Набоков продуктивно использует наречия в качестве «фигуры вежливости». Напр., *«Я боюсь, ему **немного** надоели разговоры о путешествии», - сказала Лужина* (Защита Лужина). В данном примере функционирует ансамбль языковых приёмов, использованных в качестве «вежливого слова»: глагол *бояться* с семантикой неуверенности, наречие *немного*.

В другом примере наречие *несколько* в качестве «вежливого слова» является средством более точной передачи внутреннего состояния персонажа: *Чернышевский был прежде всего учёный экономист, и как такого его надобно рассматривать, – а при всём моём уважении, к поэтическому таланту Фёдора Константиновича, я **несколько** сомневаюсь, сможет ли он оценивать достоинства и недостатки «Комментариев к Миллю»* (Дар).

Наречие *немножко* продуктивно используется В. Набоковым в функции «фигуры скромности». Напр., «Если бы хоть **немножко** (1) интересуетесь моим мнением, то должна вам сказать, что считаю этот брак чепухой. Кроме того, вы вероятно, думаете, что муж будет вас содержать. Признайтесь: думаете?» «Я испытываю стеснение в капиталах, - сказал Лужин. – Я бы совсем **немножко** (2) брал. И мне предлагали вести шахматный отдел в одном журнале...» (Защита Лужина). Кроме того, *немножко* (2) характеризует состояние персонажа в конкретной ситуации: уничижительность.

Таким образом, наречия с семантикой незначительного количества, реализуясь в художественном пространстве В. Набокова, продуктивно используются в функциях эвфемизмов и семантического оператора, в качестве фигуры вежливости и фигуры скромности.

Аспирант С.И.Исаева (Тамбов)

«БЕЛОЕ» И «КРАСНОЕ» В ТЕКСТАХ Е.ЗАМЯТИНА

В творчестве Е. Замятина преобладающими являются текстовые единицы с семантикой красного и белого цветов. «Белое» и «красное» рассматривается нами как концепт, предметом анализа является семантика данных цветообозначений. Мы берём во внимание и денотативное значение, эквивалентное *снегу, зиме* (белый цвет) и *крови, огню* (красный цвет). Белый цвет доминирует в зимнем русском пейзаже, а *зима* и *снег* метонимически означают саму Россию. В качестве актуализаторов белого цвета *зима* и *снег* в текстах Е. Замятина употребляются 57 раз. Для обозначения красного цвета используются актуализаторы *кровь* и *огонь* (92 раза).

В рассказе «Икс» образ времени имеет определённый колорит – от *багрово-красного* до *чёрно-белого*, между которыми не менее значимы полутона – от *бледно-розового* (как *размытая кровь*) до *молочно-белого* (цвет *тумана*, стелющегося над разрушенной Землёй). В рассказе «Пещера» багровый реализует коннотат «*тревожный*», т.к. пещерная жизнь неизбежно ведёт к смерти: ... и в скалах – глубокие, багрово-освещённые дыры: там, в дырах, возле огня – на корточках люди.

Оттенок красного, малиновый, присутствует в романе «Мы» при изображении символа «Мефи», крылатого юноши, у которого там, «где должно быть сердце – ослепительный, малиново-тлеющий уголь». I, рассказывая герою о «Мефи», говорит: «они обросли шерстью, но зато под шерстью, сберегли горячую, красную кровь». Т.о., названы идеальные носители красного – *огонь* и *кровь*. С кровью связано отождествление красного и жизни, с огнём – разрушительная стихия. *Малиново-тлеющий уголь* присутствует в символе «Мефи», который отстаивает «вечное борение, энергию, стремление к поиску», но и «разрушение».

Белый цвет, традиционно символизирующий чистоту и святость, может означать и печаль, пустоту, смерть. В романе «Мы» белый не безмя-

тежен, его пустота, неизведанность пугают: *Внутри – грудой сложены скамьи; посредине – столы, покрытые простынями из белоснежного стекла; на белом пятно розовой солнечной крови. И во всём этом скрыто какое-то неведомое – потому жуткое – завтра»; «...на непорочном стекле ступеней – опять белый листок: «Мефи» ... везде та же самая белая, жуткая сыпь».*

Наиболее «сильные» части романа «Мы» – первый и последний абзацы – отмечены мотивом *белые зубы* (ср. зуб как символ смерти в традиционной символике).

Повышение частотности красного цвета связано с тем, что красный (цвет крови) обычно связывают с активностью, с мужским началом. Красный цвет – цвет, всегда привлекающий внимание.

Ожидание нового и страшного в России первой трети XX в. окрашено в белый цвет. Интересно то, что белый цвет в творчестве Е. Замятина вполне соответствует той символической заданности, которая утвердилась в русской культуре первой трети XX в.

Докт. филол. наук С.В.Пискунова (Тамбов)

ВОСПРИЯТИЕ И ПОРОЖДЕНИЕ ЗНАЧЕНИЙ СЛОВА В ТЕКСТЕ: ПОЭТИЧЕСКАЯ СИМВОЛИКА М.ЦВЕТАЕВОЙ

Семантика слова зависит от ряда объективных условий: соотношение уровня порождения и восприятия информации; структурная организация и текстовая позиция; функция актуализированной лексемы; статичность и динамичность содержания в ситуациях общения; потенциальные возможности системы языка и ее соответствие знаниям о картине мира.

К исходному значению в рамках реального текста ассоциативно присоединяется новое содержание (тема и рема значения в слове). Данный процесс осуществляется во взаимодействии ключевых и фоновых компонентов, что приводит к развитию информационного поля, вовлечению в текстовое пространство новых знаний. Актуализация одного из значений приводит к нейтрализации с другими в пределах одного слова или нескольких лексем, порождаются новые семантические связи, обусловленные прежде всего историческим опытом автора и читателя.

Анализ содержания позволяет говорить о прогнозируемом, потенциально возможном и объективно ошибочном его развитии: соотношение проверяется взаимодействием текстовой и языковой систем, что проявляется через нулевые единицы и вторичные формы текста. Подтверждение этому находим в творчестве М. Цветаевой (1916 г.), когда лексема **лебедь** реализуется в нескольких значениях: птица – *лебеди домой летят* («Разлетелось в серебрянные дребезги...»); *Не надо мне ручных голубей, лебедей, орлят!* («В день Благовещенья...»); судьба, дорога – *Ветры веяли, птицы реяли, /Лебеди – слева, справа - во'роны...; Душу – выкличешь, /Очи – выплечешь.* («Отмыкала ларец железный...»); ледоход – *Ярою дугою – как*

брызнет!// Встречною дугою – млад – лебедь... («К озеру вышла...»); снег, смерть – Снежный лебедь/ Мне под ноги перья стелет; Он поет мне /...Длинным криком, /Лебединым кликом -/Зовет. («Стихи к Блоку». 2.); В певчую прорезь, в запекшийся пыл -/ Лебедем душу свою упустил! («Стихи к Блоку». 12); ребенок – Мама, куда лед идет? /- Вперед, лебеденок. («Четвертый год»).

В более сложные семантические отношения вступает данное слово в стихотворении «Разлетелось в серебряные дребезги...». Его сочетаемость и текстовая зависимость от слов **зеркало** и **серебро** основана на сближении по первому восприятию цвета, а затем происходит актуализация и наложение мифологических значений: зеркало (10 из 21), лебедь (8 из 11), серебро (6 из 8), перо (2). К ним примыкает взгляд (2 из 3). Комбинаторика значений формирует последовательно основные темы произведения: символ беды, предсказания, слезы, хлопоты, смерть; весна, чистая любовь, верность; воздух, полет, надежда; уверенность в предсказании; колокола, песнь, защита, покаяние и мольба о помощи. Одновременно получает развитие тема поэтического символа, но на фоне осознания двойственности, метафоризации души, языческого и христианского, что делает знаковым строки: *Пойду и встану в церкви, /И помолюсь угодникам о лебеде молоденьком.*

Докт. филол. наук А.В.Пузырев, студ. И.А.Макарова (Пенза)
**ЯЗЫКОВОЕ ВЫРАЖЕНИЕ СУБЛИЧНОСТЕЙ
В РОМАНЕ Л.Н.ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИР»**

При исследовании эстетически организованного текста важно, на наш взгляд, обращать внимание на характер психологического рисунка, исполняемого тем или иным персонажем. При подобном анализе весьма перспективным может оказаться понятие языковой субличности, уже предлагавшееся одним из авторов настоящего сообщения (см.: А.В.Пузырёв 1997).

Языковая субличность – это выраженное в речи некое психологическое образование, подобное живому существу, существующее (совместно с другими) в общем пространстве нашей психики. В предметном поле психологии субличность – это, вероятней всего, мотив, являющийся элементарной единицей всех мотивирующих структур. В другом, менее элементарном плане, с субличностью в психике человека соотносится понятие комплекса (по К.Г.Юнгу) – совокупность образов, объединённых одним аффектом. В смысле вышеуказанного нам близко представление, согласно которому каждый отдельный мотив «можно считать самостоятельным «субъектом», поскольку он, несомненно, является источником активности» человека (см., в частности: Е.Л.Доценко 1997: 88).

Основная задача нашего сообщения – рассмотреть, как выражаются языковые субличности персонажей романа Л.Н.Толстого «Война и мир».

Уже самые первые наблюдения показывают, что персонажи Л.Н.Толстого – по проявлению в их поведении различных субличностей – делятся на две неравные группы: 1) персонажи с узким «ролевым веером» (они составляют большинство); 2) персонажи с широким ролевым веером (их немного).

Так, Анатолий Курагин выступает практически в одной субличности – *Ребёнок*: «Сначала мне мало нравилось, потому что что делает город приятным? Это хорошенькие женщины. Ну а теперь очень нравится. Поедете на карусель, графиня? Пожалуйста, поезжайте. Вы будете самая хорошенькая. Поезжайте, милая графиня, и в залог дайте мне этот цветок» (Л.Толстой 1967 т.2: 674). В то же самое время Анатолию неизвестны психологические роли Родителя и, тем более, Взрослого.

Из всех героев толстовского романа самым широким ролевым веером обладает Пьер Безухов. Этот увалень обладает острым умом и потому умеет приспосабливаться к различным ситуациям, умеет в нужный момент вызвать нужную ему субличность.

Он может выступать и в роли *Ребенка*: «Наполеон велик, потому что он стал выше революции, подавил ее злоупотребления, удержав все хорошее,– и равенство граждан. И свободу слова и печати,– и только потому приобрел власть» (Л.Толстой 1967 т.1: 50);

и в рамках роли *Родителя*: «Этот молодой человек теперь себя так держит, что, где есть богатые невесты – там и он. Я как по книге читаю в нем. Он теперь в нерешительности, кого ему атаковать: вас или Жюли Курагин» (Л.Толстой 1967 т.2: 652) (*Родитель. Добрый папа*);

и в роли *Взрослого*: «Вы не можете не понять наконец, что, кроме вашего удовольствия, есть счастье, спокойствие других людей, что вы губите целую жизнь из того, что вам хочется повеселиться. Забавляйтесь с женщинами, подобными моей супруге,– с этими вы в своем праве, они знают, чего вы хотите от них. Они вооружены против вас тем же опытом разврата; но обещать девушке жениться на ней... обмануть, украсть... Как вы не понимаете, что это также подло, как прибить старика или ребенка!» (Л.Толстой 1967 т.2: 706) (*Взрослый. Критик*).

Любопытно замечание психолога, что наличие широкого ролевого веера – свидетельство человеческого обаяния (А.Б.Добрович 1987). Широта ролевого веера Пьера Безухова, вероятней всего, – одна из причин обаяния этого толстовского образа.

Доктор филол. наук В.С.Соловьева (Балашов)

ФУНКЦИИ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ЛИНГВОАНАЛИЗА ТЕКСТА
(на основе стихотворений «Памятник» А.С.Пушкина и В.С.Высоцкого)

Сопоставительный анализ двух (и более) текстов на одну тему выявляет принципиально важные особенности изобразительно-выразительных средств в плане:

- традиций и новаторства в раскрытии идейно-тематического содержания,
- доминирующих языковых средств, связанных с жанром,
- идиостилевых особенностей сравниваемых текстов,
- выявления творческих принципов автора и др.

Торжественное звучание «*Exegi monumentum*» Пушкина предопределено как высокой темой бессмертия истинной поэзии, которая служит народу, так и классическим жанром оды, вольными переводами Ломоносова и Державина оды Горация «К Мельпомене» (М.П.Алексеев 1988). Инкрустации из текста Г.Р.Державина и его строфика поддерживают традиции жанра в стихотворении Пушкина. С этой же целью используется традиционная символика (муза, лира, венец) и поэтическая фразеология: подлунный мир, народная тропа, веленье божие. Архаический жанр оправдывает употребление фонетических архаизмов *столпа*, *пиит* и старославянизмов: главою, прах, воздвиг, вознесся, восславил, заветный, тленье, веленье, сущий, пробуждал, милость; библеизмов – к падшим, т.е. изгнанным (восходит к библейскому «падший ангел») – в данном случае говорится о судьбе декабристов, чьи идеалы разделял поэт (Л.А.Новиков 1988: 57); образ памятника нерукотворного, как отмечает Н.М.Шанский, соотносится с библейским образом Спаса нерукотворного (Н.М.Шанский 1990: 293), а потому не может быть сравнен с земным (рукотворным) памятником – Александрийским столпом (одним из еми чудес света) (Н.М.Шанский 1990: 293; иное толкование см.: Л.А.Новиков 1988: 62).

Все это представляет лексико-фразеологическую доминанту «Памятника» Пушкина – духовного завещания поэта, его творческого и гражданского кредо – бескорыстно служить народу.

Тема бессмертия поэта в стихотворении В.Высоцкого выражена подтекстно: поэт смотрит на себя умершего со стороны и развивает процесс обряда похорон и установки памятника. О себе он говорит в прошедшем времени: «Я при жизни был рослым и стройным...». Лексика стихотворения далека от поэтической, она урбанистична: здесь названия материалов, из которых сделан памятник (цемент, каркас, железо, гранитное мясо, гипс), что характерно для поэзии 2-ой половины XXв.; называются элементы электромагнитной техники, музыкальной записи (с намагниченных лент, динамики, рупоры).

Преобладает разговорная лексика и фразеология, придающая всему тексту декламативно-говорную тональность.

Памятник у Высоцкого – символ смерти, дань живых ушедшему из жизни, не случайно через весь текст проходит ряд слов, передающий детали этого сооружения (пьедестал, постамент, слепок, крепко сбитый литой монумент и др.).

Саркастическое отношение к «рукотворному» памятнику, его несовершенству поэт выражает многократно:

*Охромил меня и согнули,
К пьедесталу прибавил ахиллес.*

.....
*И не знаю, кто их надоумил, -
Только с гипса вчистую стесали
Азиатские скулы мои.*

.....
*И считал я, что мне не грозило
Оказаться всех мертвых мертвей, -
Но поверхность на слепке лоснилась,
И могильную скукой сквозило
Из беззвучной улыбки моей.*

.....
Неужели такой я вам нужен?

Душа поэта-артиста не могла уместиться в «привычные рамки», и, подобно трагедийному герою Пушкина, он оживает:

*Командора шаги злы и гулки.
Я решил: как во времени оном –
Не пройтись ли, по плитам звеня? –
И шарахнулись толпы в проулки,
Когда вырвал я ногу со стоном
И осыпались камни с меня.*

Его жизнь продолжается в музыке и в песнях. Мысль о бессмертии и памяти народа выражена вздохом облегчения:

*Из разодранных рупоров все же
Прохрипел я похоже – живой!*

Песни Высоцкого в день открытия памятника звучали н а д ним, то есть выше памятника рукотворного:

*Тишина надо мной раскололась,
Из динамиков хлынули звуки...*

Усилием мифической воли поэта-командора памятник рассыпался, и живой поэт появился перед народом. Так Высоцкий символически выражает свою творческую позицию – служить народу, которая роднит его с великим Пушкиным:

*Не сумел я, как было угодно, –
Шито-крыто, –
Я, напротив, ушел всенародно –
Из гранита!*

Современники отмечают эту главную особенность песенного творчества Высоцкого: «Его песни были народными, и сам он был народным артистом» (Ю.Визбор 1988: 10).

З.М.Степанова (Пенза)

ДИНАМИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
ПРЕДЛОЖНЫХ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ КОНСТРУКЦИЙ
В РОМАНЕ А.ТРУАЙЯ «АННА ПРЕДАЙЛЬ»

Основной гипотезой настоящего исследования является предположение о том, что функционирование предложных пространственных конструкций в художественном произведении соотносится с его смысловым и идейным содержанием и отражает динамику авторского повествования.

Материалом исследования послужил современный психологический роман «Анна Предайль», автором которого является французский писатель Анри Труайя.

А.Труайя – значительное явление современной французской прозы (С.А. Дангулов 1987:264). А.Труайя – псевдоним Льва Тарасова. Родился в 1911 году в Москве. Вскоре после революции семья эмигрировала во Францию. Через всю жизнь А. Труайя пронес глубокий интерес к истории и культуре своей родины, что нашло отражение в целом ряде крупных произведений (см.: А.В.Дмитренко, В.Н.Пронин 1981: 70-71).

Творчество А.Труайя чрезвычайно объемно и многообразно: романские циклы, новеллы, романизированные биографии, исторические труды. Его творчество получило официальное признание, свидетельствующее об отношении к Труайя как к мэтру. Он – лауреат Гонкуровской премии, член Французской академии; его произведения издаются массовым тиражом.

Блестящий знаток французской и русской классической литературы, А. Труайя в своем творчестве следует лучшим традициям крупнейших мастеров слова обеих стран: Бальзака, Флобера, Стендаля, Золя, Гоголя, Достоевского, Толстого (см.: А.В. Дмитренко, В.Н. Пронин 1981:73).

«Анна Предайль» – однотомный роман, изданный в 1973 году (Н.Труайя 1973). Перевод на русский язык выполнен Г. Ерофеевой (А.Труайя 1975). Перевод романа дан в сокращенном варианте: отсутствуют главы 14-17, всего в романе 28 глав.

По мнению французских критиков и авторов работы (А.В.Дмитренко, В.Н.Пронин 1981: 72), названный роман тяготеет к "психологическим монографиям".

Главная героиня романа – женщина, которая считает возможным вершить судьбами своих близких: умертвив тяжело больную мать, доведя до суицида возлюбленного, подавив морально отца, эта "дарительница смерти" (по выражению одной из читательниц – см.: С.Курылева 1976: 92-93) мечется в поисках своего места в жизни и не находит его.

Для анализа были взяты три главы романа (главы 1, 8, 15). Выбор глав объясняется двумя факторами:

1) указанные главы находятся примерно на одинаковом расстоянии друг от друга;

2) они фиксируют разный характер событий в рамках сюжета произведения.

Предварим собственно анализ кратким изложением содержания романа по главам.

Глава 1. Мать Анны – Эмильенна – жестоко страдает и угасает от смертельной неизлечимой болезни. Муж и дочь переживают тяжелую депрессию. Бывший муж Анны и даже служанка глубоко опечалены. Анна, не в силах больше видеть мучений матери, приходит к мысли ввести в нее смертельную дозу морфия...

Глава 8. Выходной день. Утром в постели Анна вспоминает все подробности похорон матери, крайнее отчаяние отца в этот и последующие дни. Затем ее мысли оборачиваются к молодому человеку, с которым она недавно познакомилась по воле случая. После завтрака Анна занимается генеральной уборкой, переставляет вещи, придает комнате покойной жилой вид. После обеда дочь приглашает отца погулять по Парижу, чтобы как-то развеять его печальные мысли.

Глава 15. Пьер (отец Анны) и Элен (интеллигентная женщина, вдова, с которой он недавно познакомился в книжном магазинчике) совершают поездку-экскурсию в Версаль. Пьер оживает: он страстный знаток истории, прекрасный рассказчик, и ему нравится эта женщина. Но на обратном пути Пьер проявляет сильное беспокойство из-за возможных упреков своей дочери. Опасения отца подтвердились, но его спасло появление в доме Лорана, друга Анны.

Нас интересует вопрос: отражает ли функционирование в романе предложных пространственных конструкций описанную динамику событий.

Под предложной пространственной конструкцией (ППК) мы понимаем четырехкомпонентную синтаксическую модель $X+V+R+Y$, где X – локализуемый объект, Y – локализатор, V – глагол, R – пространственное отношение, выраженное предлогом (ср.: Л.С.Шишкина 1973:65; В.Г.Гак 1998: 76). Например:

- (1) Книга (X) лежит (V) на (R) столе (Y);
- (2) [Мария] положила (V) книгу (X) на (R) стол (Y).

В случае (2) подлежащее предложения не входит в состав предложной пространственной конструкции, а в роли X -а выступает не субъект, а объект высказывания. Как видно из приведенных примеров, предложная пространственная конструкция может соответствовать простому двусоставному предложению или словосочетанию.

Предлагается различать два типа предложной пространственной конструкции: статический/динамический. В основу такого разбиения положен объективный критерий, а именно постановка логического вопроса *где?/куда? – откуда?*

Динамический тип предложной пространственной конструкции подразделяется на два подтипа: а) "что куда?" ("in locum"); б) "что откуда?"

("ex locō"). Характерный признак всех динамических пространственных конструкций – наличие глагола движения, ср.: *Петр едет в Москву – Павел уезжает из Москвы.*

Статический тип предложной пространственной конструкции также подразделяется на два подтипа: а) собственностатический (СС); б) условностатический (УС).

Собственностатический подтип предложных пространственных конструкций предполагает вопрос "где?" и содержит в своем составе глагол местонахождения, который в конкретных речевых реализациях может заменяться глаголами других ЛСГ. Ср.: "*Они были (сидели, разговаривали, пили чай) в комнате*".

Условностатический подтип также предполагает вопрос "где?", но содержит глагол со значением перемещения в пространстве, изменения местонахождения или положения тела, например: "*Она ходила по комнате; Он появился на пороге; Она уселась на диване в гостиной*".

Путем сплошной выборки из каждой главы были извлечены все речевые реализации всех типов и подтипов предложной пространственной конструкции и сделаны соответствующие подсчеты (см. таблицы 1, 2).

Таблица 1 отражает количественное соотношение двух типов предложной пространственной конструкции по главам и в среднем на 1 страницу (поскольку выбранные главы неравновелики).

Типы ППК		Все ППК				Статические ППК				Динамич. ППК			
Глава	К-во стр.	Всего		В среднем на 1 стр.		Всего		В среднем на 1 стр.		Всего		В среднем на 1 стр.	
		К-во	%%	К-во	%%	К-во	%%	К-во	%%	К-во	%%	К-во	%%
1	11,5	84	100	7,3	100	59	70,2	5,1	70,2	25	29,8	2,2	29,8
8	7,5	95	100	12,6	100	58	61,1	7,7	61,1	37	38,9	4,9	38,9
15	9,5	105	100	11,0	100	53	50,5	5,5	50,5	52	49,5	5,5	49,5
Итого:	28,5	284	100	9,9	100	170	59,8	5,6	59,8	114	40,2	4,3	40,2

Из таблицы 1 видно, что процентное соотношение частотности употребления статических и динамических предложных пространственных конструкций по главам резко меняется: процент статических конструкций сокращается от главы к главе (соответственно 70,2 %, 61,1 %, 50,5 %), в то время как употребительность динамических конструкций возрастает (соответственно 29,8 %, 38,9 %, 49,5 %).

Из таблицы следует, что наиболее статичной, "неживой" оказывается 1 глава романа. В ней статический тип предложных пространственных конструкций значительно преобладает над динамическим (соответственно 70,2% и 29,8%).

Приведем примеры:

1) статической конструкции: *“Elle se moquait de leurs voisins, au restaurant”* (Н. Тройат 1973:9). – “Как она подтрунивала над их соседями по столику в ресторане!” (А. Труайя 1975:29);

2) динамической конструкции: *“Ils prirent la rue de Seine en direction du quai”* (Н.Т. 1973:8). – “Они свернули на улицу Сены и пошли в сторону набережной” (А.Т. 1975:28).

В 1 главе статические конструкции выполняют ряд функций, а именно они используются:

1) для описания места действия, интерьера, местонахождения действующих лиц: *“Ce bistrot était un îlot hospitalier dans le mouvement fou de la ville”* (Н.Т. 1973:5). – “Быстро казалось гостеприимным островком в бешеном водовороте городской жизни” (А.Т. 1975:27); *“Dans la pénombre ... les meubles faisaient cercle”* (Н.Т. 1973:15). – “В полутемной комнате мебель стояла полукругом” (А.Т. 1975:33); *“Le poste de radio, posé sur la commode, jouait en sourdine France-Musique”* (Н.Т. 1973:8). – “Из приемника, стоявшего на комодe, доносилась тихая музыка...” (А.Т. 1975:29); *“Des illustrés par terre”* (Н.Т. 1973:8). – “На полу валялись иллюстрированные журналы” (А.Т. 1975:29); *“Ils avaient été si heureux tous les quatre, pendant leur bref séjour en Italie!”* (Н.Т. 1973:9). – “До чего же они были счастливы, все четверо, во время их краткого пребывания в Италии!” (А.Т. 1975:29);

2) для указания на занятия, место работы: *“– Et au bureau, quoi de neuf ?”* (Н.Т. 1973:8). – “А что нового на службе?” (А.Т. 1975:29); – *“Plus que jamais dans l’électronique industrielle”* (Н.Т. 1973:7). – букв. “– Больше чем когда-либо (занят) в промышленной электронике”.

3) для передачи физического и эмоционально-психологического состояния героев, атмосферы приближающейся смерти: *“Une mèche de cheveux pendait sur son front”* (Н.Т. 1973: 16). – букв.: “Прядь волос висела у нее на лбу”; *“Visiblement, la franchise de sa fille le dérangeait dans ses illusions”* (Н.Т. 1973: 14). – букв.: “Прямота дочери ему мешала в его иллюзиях”; *“Dans le lit à deux places trop vaste, ce petit paquet d’os et de chair, d’un jaune cireux, ces cheveux gris en désordre, ce regard noir brillant de douleur, d’exigence, de tendresse – sa mère”* (Н.Т. 1973: 9). – “На двухспальной, слишком широкой кровати, лежала она, ее мать, - совсем крошечная, одни кости да желтая, как воск, кожа, седые растрепанные волосы, черные лихорадочно блестящие глаза, в которых боль, мольба, нежность” (А.Т. 1975: 29).

Что касается динамических конструкций, они занимают в 1 главе весьма скромное место (см. таблицу 1). В подавляющем большинстве случаев динамические пространственные конструкции отражают в этой части романа слабые физические действия умирающей женщины, ее состояние, а также действия близких по уходу за больной: *“Une main de squelette se tendit vers elle”* (Н.Т. 1973: 9). – “Исхудавшая рука протянулась к ней” (А.Т. 1975: 29); *“Sa tête s’inclinait sur sa poitrine”* (Н.Т. 1973: 16). – “Голова

упала на грудь" (А.Т. 1975: 33); "Elle porta un sandwich à sa bouche. Ses dents mordirent faiblement dans la mie. Un flux rose monta à ses joues" (Н.Т. 1973: 12). – "Она поднесла сандвич ко рту и надкусила. Щеки ее порозовели от усилий". (А.Т. 1975: 31). – букв. "Легкий румянец поднялся к ее щекам"; "Elle versait l'eau sur les mains de la malade, doucement" (Н.Т. 1973: 9). – "И стала потихоньку лить воду на руки больной" (А.Т. 1975:29).

Перейдем к анализу 8 главы романа. Как следует из таблицы 1, в 8 главе доля статических конструкций уменьшается, а удельный вес динамических конструкций возрастает, тем не менее статический тип продолжает преобладать (соответственно 61,1% и 38,9%).

В этой части произведения статические конструкции передают:

1) размышления Анны о местонахождении ее покойной матери: *Où était-elle maintenant, la belle, la volontaire, la charmante Emilienne? Au cimetière, sous cette levée de terre fraîche? Ou ailleurs, dans un espace indéterminé et séraphique, sous la lumière d'un Dieu qu'elle n'avait guère prié. Ou ici, sur les lieux mêmes où elle avait vécu, dans le coeur de ceux qui l'avaient aimée?* (Н.Т. 1973: 63) – "Где она сейчас, своенравная, красивая, прелестная Эмильенна? На кладбище под слоем свежерытой земли? Или же в некоем пространстве, населенном ангелами, купается в лучах господней благодати, о которой она никогда не молила? Или же осталась здесь, где жила, в сердцах тех, кто ее любил?" (А.Т. 1975: 59);

2) состояние транса отца Анны в день и после этого печального события: *A l'église, il s'était presque évanoui pendant la cérémonie, affalé sur sa chaise, l'œil vide...* (Н.Т. 1973: 63) – В церкви во время службы он едва не потерял сознание – сидел на стуле как мешок, тупо глядя в пространство... (А.Т. 1975: 59).

Ряд статических конструкций представляют пространственные отношения метафорически, например: *Les jours suivants, il avait vécu dans une sorte d'hypnose* (Н.Т. 1973: 64) – В последующие дни он жил как под гипнозом (А.Т. 1975: 59); "Il s'arc-boutait, horrifié, au bout d'un abîme" (Н.Т. 1973: 66). – "Он упирался в ужасе, точно стоял на краю пропасти" (А.Т. 1975: 60).

Динамический тип предложных пространственных конструкций встречается в 8 главе гораздо чаще, чем в главе 1 (соответственно 38,9% и 29,8%). Динамические конструкции особенно многочисленны в эпизоде, рассказывающем о прогулке отца и дочери по воскресному Парижу: "Ils se dirigèrent vers le Louvre" (Н.Т. 1973: 68). – "Они шли по направлению к Лувру" (А.Т. 1975: 61); "Un moineau se posa sur la tête de la statue" (Н.Т. 1973:68). – "На голову статуи уселся воробей" (А.Т. 1975: 61).

Ожидание счастья – Анна думает о своем друге Лоране – хорошо передано следующей метафорой: "De nouveau l'oreiller se creusa sous sa tête, son corps se perdit dans le fleuve des draps, un courant tranquille l'emporta vers la mer" (Н.Т. 1973: 65) – "Голова ее снова погрузилась в по-

душку, тело бессильно распласталось в потоке простынь, и спокойное *течение понесло ее к морю*" (А.Т. 1975: 59).

В последней из анализируемых глав романа – главе 15 – удельный вес динамических конструкций продолжает возрастать, так что количественное соотношение статического и динамического типов предложных пространственных конструкций практически уравнивается (50,5% и 49,5%).

Глава 15 романа характеризуется довольно высокой динамичностью действия, поскольку большую часть главы занимает эпизод, повествующий о поездке Пьера и Элен в Версаль. Функция многочисленных динамических конструкций, употребленных в этой части романа, заключается, таким образом, в отображении (в т.ч. метафорическом) интенсивного характера действия: "*C'était elle qui avait eu l'idée de cette promenade, pour le lundi après-midi, à Versailles*" (Н.Т. 1973: 119). – "Это она предложила съездить в Версаль в понедельник после обеда"; "*Il la ramenait à Paris, ivre d'histoire*" (Н.Т. 1973: 119). – "Он вез ее в Париж, совершенно счастливый"; "*Tout Paris, scintillant et sautillant, venait à sa rencontre*" (Н.Т. 1973: 122). – "Весь сверкающий и мигающий Париж шел ей навстречу". Этот эпизод, пожалуй, – самый светлый и жизнеутверждающий из всего произведения.

Напомним, что каждый из двух выделенных типов предложной пространственной конструкции (статический/динамический) подразделяется на два подтипа.

Внутри статического типа различаются подтипы:

- 1) собственностатический (СС);
- 2) условностатический (УС).

Ср.: *Он стоял на пороге / Он появился на пороге.*

Специфика условностатического подтипа предложной пространственной конструкции заключается в том, что он содержит в себе черты, релевантные для статического и динамического типов конструкций: а) предполагает вопрос «где?», что свойственно статическим конструкциям; б) содержит глагол со значением перемещения в пространстве, что характерно для динамических конструкций.

Внутри динамического типа также выделяются два подтипа:

- 1) «что куда?» ("in locum");
- 2) «что откуда?» ("ex loco").

Ср.: *Он входит в комнату / выходит из комнаты.*

По таблице 2 можно судить о количественном распределении подтипов предложных пространственных конструкций внутри каждого типа.

Проанализируем функционирование подтипов предложных пространственных конструкций в романе «Анна Предайль».

Из таблицы 2 видно, что в статическом типе ППК собственностатический подтип (СС) явно превалирует над условностатическим (УС) (соответственно 70,0% и 30,0% от общего числа статических конструкций,

употребленных во всех трех анализируемых главах романа). Обилие собственностатических конструкций в этом и других произведениях А. Труайя можно, вероятно, объяснить особенностями его творческого метода. Исследователи творчества этого писателя отмечают, в частности, его тяготение к детальным описаниям места действия, обстановки, в которой разворачиваются события, тщательному воспроизведению предметов быта, которые окружают героев, поскольку "вещи могут многое рассказать о хозяевах" (А.В. Дмитренко, В.Н. Пронин 1981: 74-75).

Типы ППК	Статические ППК						Динамические ППК					
	Всего		СС		УС		Всего		in locum		ex locō	
Глава	К-во	%%	К-во	%%	К-во	%%	К-во	%%	К-во	%%	К-во	%%
1	59	100	42	71,2	17	28,8	25	100	21	84,0	4	16,0
8	58	100	42	72,4	16	27,6	37	100	31	83,8	6	16,2
15	53	100	35	66,1	18	33,9	52	100	46	88,5	6	11,5
Итого:	170	100	119	70,0	51	30,0	114	100	98	86,0	16	14,0

Проанализированный речевой материал свидетельствует о том, что у А. Труайя детальные описания обстановки дают представление об укладе и образе жизни, интересах, вкусах и предпочтениях героев; они также служат важнейшим средством физической, нравственной и эмоционально-психологической характеристики героев.

Подтвердим сказанное примерами собственностатических предложных пространственных конструкций по главам.

Глава 1: "D'habitude elle buvait au comptoir" (Н.Т. 1973:5). – "Обычно она пила у стойки" (А.Т. 1975:27); "Des gens ... discutaient avec le patron dans une amicale odeur de vinasse" (Н.Т. 1973: 5). – "Люди ... беседовали с хозяином быстро в роднившей их атмосфере винных запахов" (А.Т. 1975: 27); "Assis derrière un petit bureau Louis XVI, son père faisait des mots croisés" (Н.Т. 1973: 8). – "За письменным столиком в стиле Людовика XVI сидел ее отец и решал кроссворд" (А.Т. 1975: 29).

Глава 8. "Le petit déjeuner était servi sur une table de bridge .. Six petits pains s'érigeaient sur une assiette" (Н.Т. 1973:65). – "На карточном столике их ожидал завтрак... Рогалики лежали на тарелке" (А.Т. 1975: 60); "Tous les médicaments à portée de sa main, dans l'armoire à pharmacie" (Н.Т. 1973: 63). – "Там, в аптечном шкафчике, хранились все лекарства" (А.Т. 1975: 59); "Assise au soleil, face au clocher de Saint-Germain-des-Prés, elle renversait la tête et fermait à demi les paupières comme pour boire la lumière par tous les pores de sa peau" (Н.Т. 1973: 65). – "Сидя на солнце лицом к колокольне Сен-Жермен-де-Пре, она запрокидывала голову и прикрывала веки, словно стремилась всеми порами впитать в себя солнечный свет" (А.Т. 1975: 60).

Глава 15. "Il ne pouvait pas mentir sous le regard pénétrant de sa fille" (Н.Т. 1973: 123). – "Он не мог лгать под суровым взглядом своей дочери";

“Vingt fois, cent fois, elle lui avait donné à comprendre par un mot, par un regard, qu’elle trouvait du plaisir à sa compagnie” (Н.Т. 1973: 125). – “Двадцать, сто раз она давала ему понять, что ей приятно находиться в его обществе”; “Perdue dans ses pensées, Anne mangeait silencieusement” (Н.Т. 1973: 125). – букв. “Потерянная в своих мыслях, Анна ела молча”; “Elle avait un grain de beauté sur sa joue gauche” (Н.Т. 1973: 126). – “У нее была родинка на левой щеке”; “Quelle douceur dans le regard de son père!” (Н.Т. 1973: 128). – “Какая нежность во взгляде отца!”

Что касается условностатических конструкций, то, на наш взгляд, их специфика (они занимают промежуточное место между двумя основными типами предложных пространственных конструкций) определяет их особую роль в развитии сюжета: такого рода конструкции привносят «квази-динамику», некоторую степень оживления как во внешние события, так и во внутреннюю жизнь персонажей, что очевидно из следующих примеров:

Глава 1: “Un pâle soleil d’octobre coulait sur les façades” (Н.Т. 1973: 8). – “Бледное октябрьское солнце скользило по фасадам домов” (А.Т. 1975: 28); “Sur l’écran éclairé, apparurent des acteurs aux costumes extravagants” (Н.Т. 1973: 15). – “На осветившемся экране появились актеры в вычурных костюмах” (А.Т. 1975: 32); “Anne apporta le plateau à sa mère et l’aida à s’asseoir dans son lit” (Н.Т. 1973: 12). – “Анна отнесла матери подносик с едой, помогла сестре в постели” (А.Т. 1975: 31).

Глава 8: “Cette fois, Anne disposa le couvert sur la table dans le salon” (Н.Т. 1973: 66). – “На этот раз Анна накрыла столик в гостиной” (А.Т. 1975: 60); “Sur les tables de nuit apparurent quelques bouquins” (Н.Т. 1973: 67). – “На ночных столиках появились книги” (А.Т. 1975:61); “Sous les yeux de Pierre, le décors devenait peu à peu masculin” (Н.Т. 1973:67). – “На глазах у Пьера комната стала приобретать мужской характер” (А.Т. 1975:61).

Глава 15: “Gêné, il se mit debout et fit quelques pas dans la pièce” (Н.Т. 1973: 124). – “В замешательстве он встал и сделал несколько шагов по комнате”; “Pierre se montra sur le seuil” (Н.Т. 1973: 127). – букв. “Пьер показался на пороге”; “La sueur perlait à son front” (Н.Т. 1973:121). – “Пот выступал каплями у него на лбу”; “Penchée sur son épaule, Héléne se désolait...” (Н.Т. 1973: 120). – “Склонившись над его плечом, Элен сокрушалась...”.

Из таблицы 2 следует, что среди динамических конструкций, употребленных в трех главах романа, подавляющее большинство составляют конструкции подтипа “in locum” (“что куда?”), тогда как конструкции подтипа “ex locō” (“что откуда?”) встречаются довольно редко (соответственно 86,0% и 14,0%).

Предложные пространственные конструкции подтипа “in locum” несут в романе большую функциональную нагрузку. Они служат важным средством развития сюжета и воссоздания психологических портретов персонажей.

Проследим функции предложных пространственных конструкций указанного подтипа по главам.

В главе 1 конструкции “in locum” передают:

1) привычные повседневные действия персонажей, а также их вкусы и пристрастия: “*Anne se rendit dans la cuisine et ouvrit le réfrigérateur*” (Н.Т. 1973:11). – «*Анна отправилась в кухню и открыла холодильник*» (А.Т. 1975:30); “*Anna ramassa les assiettes et les porta sur l'évier*” (Н.Т. 1973:14). – «*Анна собрала тарелки и сложила их в раковину*» (А.Т. 1975:32); “*Elle prit son verre et s'assit à une table*” (Н.Т. 1973:5). – «*Она взяла рюмку и села за столик*» (А.Т. 1975:27); “*Elle avançà les lèvres vers la fraîcheur pierreuse et parfumée du muscadet*” (Н.Т. 1973:5). – «*Попробовала душистое, свежее, прохладное "мюскаде"*» (А.Т. 1975:27). – букв. «*протянула губы к прохладной и душистой свежести "мюскаде"*»;

2) движение в сторону любимого существа: “*Pierre s'assit au bord du lit. Il regardait sa femme de biais, amoureuxment...*” (Н.Т. 1973:12). – «*Пьер присел на край постели. Он украдкой с любовью поглядывал на жену...*» (А.Т. 1975:31); “*Soudain il lui prit la main et la porta à ses lèvres. Un baiser appuyé, prolongé*” (Н.Т. 1973:13). – «*Вдруг он взял ее руку и, поднеся к губам, прильнул к ней долгим поцелуем*» (А.Т. 1975:31);

3) угасание жизни: “*Une main de squelette se tendit vers elle*” (Н.Т. 1973:9). – «*Исхудавшая рука протянулась к ней*» (А.Т. 1975:29); “*Sa tête s'inclinait sur sa poitrine*” (Н.Т. 1973:16). – «*Голова упала на грудь*» (А.Т. 1975:33); “*Elle porta un sandwich à sa bouche. Ses dents mordirent faiblement dans la mie*” (Н.Т. 1973:12). – «*Она поднесла сэндвич ко рту и надкусила*» (А.Т. 1975:31). – букв. «*ее зубы слабо кусали в мякише*».

В главе 8 конструкции “in locum” выражают:

1) состояние крайнего отчаяния отца Анны: “*Il ... se jetait sur le corps d'Emilienne*” (Н.Т. 1975:63). – «*Он ... бросался на труп Эмильенны*» (А.Т. 1975:59); “*... quel élan vers la fosse ouverte ...*” (Н.Т. 1973:63). – «*... когда он рвался к вырытой могиле ...*» (А.Т. 1975:59); “*... son père s'enfonçait toujours plus avant dans une prostration malade*” (Н.Т. 1973:64). – «*Ее отец все больше погружался в прострацию*» (А.Т. 1975:59);

2) витание духа покойной в доме: “*Oui, oui, sa présence dans la maison était indéniable. Elle adhérait aux objets, elle tiédissait l'air, elle s'insérait en buée rose dans les têtes*” (Н.Т. 1973:63). – «*Да, да, ее присутствие в доме чувствовалось повсюду: ее прикосновение осталось на вещах, ее дыханием был согрет воздух, мысли о ней не выходили из головы*» (А.Т. 1975:59). – букв. «*она прикасалась к вещам, она включалась розовой дымкой в головы*»;

3) действия Анны по «наведению порядка» в доме: “*Anne ... se mit au ménage ... Elle enleva les draps, la couverture, l'oreiller, ramassa les livres qui traînaient par terre et transporta le tout dans la chambre*” (Н.Т. 1973:66). – «*Анна ... занялась наведением порядка. Сначала – придать дивану надлежащий вид. Она сняла простыни, одеяло, подушку, подобрала валявшиеся*

на полу книги и *перенесла все в спальню*» (А.Т. 1975:60-61); «- Papa, il faut que *tu retournes coucher dans la chambre*» (Н.Т. 1973:66). – «Папа, надо тебе *вернуться в спальню*» (А.Т. 1975:60).

В главе 15, самой динамичной из анализируемых глав романа, конструкции подтипа “in locum” являются наиболее многочисленными (см. таблицу 2) и функционально очень весомыми.

Они отражают:

1) внешние действия и события, разворачивающиеся в этой части произведения: “C’était elle qui avait eu l’idée de *cette promenade*, pour le lundi après-midi, à *Versailles*” (Н.Т. 1973:119). – «Это она предложила *съездить в Версаль* в понедельник после обеда»; “Elle conduisait, *le nez tendu vers un crépuscule brumeux*” (Н.Т. 1973:122). – «Она вела автомобиль, *устремив глаза в туманные сумерки*»; – “*Je suis allé voir les copains, à Saint-Ouen*” (Н.Т. 1973:126). – «*Ездил в Сент-Уан* навестить друзей»; “Il tira de sa poche trois billets de dix francs chiffonnés et *les jeta sur la table*” (Н.Т. 1973:126). – «Он вынул из кармана три помятые десятифранковые купюры и *бросил их на стол*»;

2) богатую гамму чувств, эмоций, душевных переживаний героев: “Il *la ramenait à Paris, ivre d’histoire*” (Н.Т. 1973:119). – «Он *вез ее в Париж*, совершенно счастливый»; “*Dans quelle aventure s’était-il lancé inconsidérément?*” (Н.Т. 1973:121). – «*Во что он ввязался так опрометчиво?*»; “*Tout Paris, scintillant et sautillant, venait à sa rencontre*” (Н.Т. 1973:122). – «Весь сияющий и мигающий *Париж шел ей навстречу*»; “*Anne tourna vers lui un visage soucieux*” (Н.Т. 1973:123). – букв. «*Анна повернула к нему встревоженное лицо*»; “*Anne était entrée dans sa tête comme dans un moulin*” (Н.Т. 1973:123). – букв. «*Анна вошла в его голову как в мельницу*».

Что касается предложных пространственных конструкций подтипа “ex locō”, то, как следует из таблицы 2, их доля в проанализированных главах невелика.

Основная функция конструкций указанного подтипа – передача движения «откуда». Однако мы заметили, что в проанализированных главах романа, как правило, такого рода движение несет на себе определенную психологическую нагрузку.

Так, в главе 1 ряд конструкций “ex locō” выражают чувство беспокойства Анны за своих родителей, ее стремление как можно скорее вернуться домой после работы: “*Anne ... descendait du trottoir de temps en temps pour aller plus vite*” (Н.Т. 1973:8). – «Время от времени *она* даже *спускалась с тротуара*, чтобы идти быстрее» (А.Т. 1975:28); “*Détournant les yeux de l’écran, elle regarda ses parents assoupis...*” (Н.Т. 1973:16). – «*Отведя взгляд от экрана, она смотрела на спящих родителей...*» (А.Т. 1975:33).

В главе 8 конструкции “ex locō” подчеркивают переход героини из состояния оцепенения в состояние душевного равновесия: “... *elle était tirée de son sommeil ...*” (Н.Т. 1973:62). – букв. «*ее вытянули из сна*» (мета-

фора); “*Une clarté fraîche et paisible venait de la rue*” (Н.Т. 1973:65). - «С улицы тянуло свежестью и покоем» (А.Т. 1975:60).

В главе 15 конструкции анализируемого подтипа характеризуют поведение героев и их взаимоотношения: “*Depuis qu’il habitait la maison, elle rentrait plus tôt du bureau et se montrait toujours d’une humeur enjouée*” (Н.Т. 1973:122). – «С тех пор как он жил в доме, она возвращалась с работы раньше и была всегда веселой»; “*Jamais il ne s’était écarté d’une parfaite correction avec Hélène*” (Н.Т. 1973:125). – букв. «Он никогда не отходил от корректного поведения с Элен»; “*Un gouffre le séparait de sa fille. Il la voyait de tout près et cependant elle courait à mille lieues de lui*” (Н.Т. 1973:126). – «Его отделяла от дочери пропасть. Он ее видел совсем близко, и в то же время она бежала за тысячу миль от него».

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод, что функционирование предложных пространственных конструкций в художественном произведении в значительной мере соотносится с его смысловым и идейным содержанием и в известной степени отражает динамику авторского повествования.

Цитируемая литература:

Гак В.Г. Языковые преобразования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 763 с.

Дангулов С.А. Труайя // Дангулов С.А. Художники: Литературные портреты. – М.: Советский писатель, 1987. – С. 262-265.

Дмитренко А.В., Пронин В.Н. Трилогия Анри Труайя «Семья Эглетьер»: (К проблеме метода) // Проблемы метода и жанра в зарубежной литературе. – Вып. 6. – М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1981. – С. 69-80.

Курылева С. Дарительница смерти // Литературное обозрение. – М.: Изд-во «Правда», 1976. - № 3. – С. 92-93.

Шишкина Л.С. Опыт функционально-семантического анализа предлогов русского языка // Вопросы металингвистики. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1973. – С. 65-72.

Troyat H. Anne Prédaille. – P.: Editions J’ai lu, 1973. – 215 p.

Труайя А. Анна Предаиль: Роман / Перевод с франц. Г. Ерофеевой // Иностранная литература. – М., 1975. - № 8. – С. 27-125.

Докт. филол. наук Е.А.Яковлева, асп. А.С.Кудрякова (Уфа)
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ В ЛИНГВО-ПРАГМАТИЧЕСКОМ
АСПЕКТЕ: РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЛИРИЧЕСКОЙ ГЕРОИНИ
(На примере поэзии А.Ахматовой и М.Цветаевой)

Интерес к изучению художественного текста в лингвистике стабильно высок. Современное текстоведение ставит перед собой различные задачи,

начиная от определения самого понятия текст, его отличия от дискурса, выделения основных категориальных признаков текста, законов его порождения и восприятия и многих других. Однако среди них, по нашему мнению, еще не нашел освещения вопрос о речевом поведении персонажей художественного текста, в частности, лирического героя (героини). Наш доклад в Казани (к 200-летию со дня рождения Е.Баратынского) был посвящен проблеме речевого поведения поэта в его элегиях и встречен благожелательно. Это послужило основой продолжения данной тематики, что сейчас и делается, но уже на материале лирики А.Ахматовой и М.Цветаевой.

Впервые сам термин «речевое поведение» использовал Л.В.Щерба в работе «Очередные проблемы языковедения», где подчеркнул, что речевое поведение говорящего должно соотноситься с языковой действительностью. Позже к этой проблеме обращались А.А.Холодович, Ю.В.Рождественский, Т.В.Шмелева и другие ученые. В частности, структуру термина "речевое поведение" рассмотрела в работе «Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения» Т.Г.Винокур, выделив пять его составляющих, связанных с узуальными лексико-грамматическими отношениями внутри текста и коммуникативной, прагматической, психолингвистической и социальной характеристикой самого текста. Дополнительно ею были привлечены социально-ситуативные факторы (коммуникативные причины и цели говорящего, его поведение в процессе порождения текста, а также социальные характеристики). Несмотря на подробный анализ феномена речевого поведения, Т.Г.Винокур так и не дала его окончательного определения, хотя и поместила между двумя полюсами – речевой деятельностью и речевым поступком.

В центре нашего внимания стоит проблема сопоставительного изучения речевого поведения лирических героинь А.Ахматовой и М.Цветаевой, которое с позиции художественного текста всегда «знаково» и может быть рассмотрено в коммуникативном, прагматическом и эстетическом ключах.

Мы считаем, что главной особенностью речевого поведения лирической героини является использование ею определенных речевых жанров (РЖ), поскольку еще М.М.Бахтин подчеркивал, что «даже в самой свободной и непринужденной беседе мы отливаем нашу речь по определенным жанровым формам». Набор РЖ и манера их использования зависит прежде всего от психических характеристик самого автора (см. работы В.П.Руднева), а также от тех целей, которые он ставит в данный момент. Важно также и то, что здесь мы можем получить данные и в аспекте гендерной лингвистики, поскольку «психология мужская совершенно отличается от психологии женской» и обе поэтессы отразили в своих стихотворениях особенности женского мышления, женской психики и мировосприятия.

На примере более 400 стихотворений был проанализирован репертуар речевых жанров, используемых обеими поэтессами, что позволило сделать некоторые выводы.

На первом месте по частоте употребления стоит РЖ вопроса, что связано непосредственно с особенностями женского поведения, направленного на желание вновь и вновь анализировать волнующую проблему, не боясь продемонстрировать свою некомпетентность (что совершенно не характерно для мужчин). В лирике М.Цветаевой было выделено 169 вопросов, у А.Ахматовой – 130. Сюда же можно отнести и РЖ вопроса-упрека, который также можно считать типично «женской» чертой.

Достаточно часто в лирике обеих авторов встречается РЖ просьбы (в стихотворениях М.Цветаевой – 32 раза, у А.Ахматовой – 36) и РЖ мольбы и РЖ жалобы (соответственно 28 и 24; 20 – 17). Весьма показательным в отношении характерологических особенностей идиостиля можно назвать и РЖ приказа (М.Цветаева - 43, А.Ахматова -15). Кроме того, были отмечены РЖ обещания, наказа, угрозы, различные этикетные РЖ (приветствие, прощание, обращение и пр.). По нашему мнению, анализ лирики в лингвокоммуникативном и прагматическом аспектах может дать много интересного для изучения человеческого характера, ведь, по словам американского ученика З.Фрейда А.Брилла, человеческое сознание складывается из двух факторов – его конституции и судьбы.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ ВЗАИМОСВЯЗИ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ

Е.С.Афанасенко (Пенза)

ПРОБЛЕМА ЭФФЕКТИВНОСТИ РАБОТЫ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ СЛУЖБ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ СИСТЕМЫ СОЦЗАЩИТЫ

Сейчас все более остро перед обществом и государством встает проблема роста числа социально-дезадаптированных детей и подростков, которые становятся жертвами трудных жизненных обстоятельств. По данным исследователей, в 2000 г. такая категория составляла 630 тыс. человек, в 2001 г. – 650 тыс. человек. Ежегодно эта цифра увеличивается примерно на 100 тысяч. Но при этом нет точных данных о количестве так называемых «социальных сирот», т.е. детей, ставших сиротами при живых родителях.

Последнее десятилетие в рамках федеральной целевой программы «Дети России» отмечено ростом числа специализированных учреждений для социально-психологической реабилитации несовершеннолетних. Однако практика показывает, что, к сожалению, даже развитие таких учреждений не избавляет от многих проблем, а главная беда заключается в том, что большинство детей, пройдя курс реабилитации, вновь оказываются в психотравмирующей ситуации, возвращаясь зачастую к тем же проблемам, которые привели его в реабилитационное учреждение, либо оказываются перед новыми (приемная семья, детский дом, лишение одного из родителей прав и т.п.). Поэтому особенно остро перед психологами учреждений системы социальной защиты стоит вопрос о разработке критериев объективной оценки эффективности психосоциальной реабилитации несовершеннолетних группы риска.

Особые трудности решения этих вопросов связаны с тем, что негативные факторы социальной среды, вызвавшие дезадаптацию, неизбежно влияют на все стороны личности ребенка, деформируя его систему ценностей, принципы, установки на «хорошее» и «плохое», «ломая» характер и отнимая то чувство защищенности, которое необходимо растущему человеку для формирования его как полноценного члена общества, для его успешной социализации и жизнеустройства.

Так, на мой взгляд, и с опорой на теоретические и практические разработки основ и методик психокоррекционной и реабилитационной работы с детьми группы риска (А.М.Прихожан, 1990; Л.Я.Олиференко, Т.П.Цымбал, Т.Я.Сафронова, 1993; Л.Я.Олиференко, Т.И.Шульга, 1997; С.А.Беличева, 1999; А.Н.Голик, 2000; Л.А.Регуш, 2001; Г.М.Иващенко,

2003 и др.), повышению эффективности психосоциальной реабилитации данной категории будет способствовать следующее:

– индивидуальный подход при первичной диагностике социальной дезадаптации и при построении индивидуальной модели социально-психологической реабилитации воспитанника;

– построение коррекционной работы с учетом знания социальной ситуации развития ребенка и перспектив его устройства после выхода из реабилитационного учреждения;

– опора психокоррекционной работы на базовый принцип: хорошего в любом ребенке больше, чем плохого, и задача психолога – найти все лучшее, показать это ребенку и научить его самому использовать сильные стороны своего характера и положительные качества для борьбы с собственными недостатками;

– направленность коррекционной работы на формирование у воспитанника социальной компетентности и комплекса адаптивных механизмов, которые в дальнейшем помогут ему приспособливаться к меняющимся внешним условиям и преодолевать жизненные трудности.

Канд. техн. наук В.А.Баранов, И.В. Пахомова (Пенза)

ИНТЕГРАТИВНАЯ МОДЕЛЬ ОБУЧЕНИЯ
РЕЦЕПТИВНЫМ ВИДАМ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
СТУДЕНТОВ-НЕФИЛОЛОГОВ
(НАЧАЛЬНЫЙ И СРЕДНИЙ ЭТАПЫ ОБУЧЕНИЯ)

В настоящее время обучение студентов-нефилологов на начальном и среднем этапах стало определяться изменившимися социально-экономическими условиями: многие вузы принимают на подготовительном факультете (начальный и средний этапы обучения) студентов в течение всего учебного года, начиная с сентября и заканчивая примерно маем-июнем.

В данной статье предпринимается попытка исследовать учебно-научную сферу общения в целях выделения в ней типичных, повторяющихся структурных единиц (компонентов) коммуникации, которые могли бы стать основой методической организации целенаправленной работы по взаимосвязанному развитию и совершенствованию речевых умений высказать некоторые методические рекомендации.

В данных условиях появилась необходимость в альтернативной технологии обучения, существенно сокращающей сроки обучения студентов-нефилологов на подготовительном факультете. Оптимальную технологию можно реализовать за счет новых подходов, базирующихся на интегративных моделях процесса обучения. Данные модели могут быть созданы за счет адекватной оценки коммуникативных особенностей учащихся-нефилологов, их возможностей усвоения, и как результат, адекватного вы-

бора параметров, на основе которых и анализируются современные модели обучения в аспекте выбора интегративных средств. Такая постановка вопроса приводит к необходимости рассматривать обучение рецептивным видам речевой деятельности на иностранном (русском) языке в качестве одной из целей преподавания на подготовительном факультете.

Исследование коммуникативных потребностей учащихся-нефилологов с дифференциацией по основным видам речевой деятельности показывает, что потребности учащихся в том или ином виде речевой деятельности – величина относительная. Она зависит от множества условий, в которых протекает учебный процесс. Например, одной из основных определяющих является стиль работы преподавателя-предметника, организующего учебный процесс на подготовительном факультете, а также в первом семестре на первом курсе. Так, потребность в классическом аудировании лекции с параллельной записью возникает, естественно, там, где преподаватель читает лекцию в классическом ее варианте. Запись под диктовку актуальна, как известно, там, где преподаватель, руководствуясь разного рода соображениями, «надиктовывает» учащимся актуальный, на его взгляд, материал.

Итак, как показало исследование, постоянной величиной в области изучения коммуникативных потребностей учащихся-нефилологов является только величина, отражающая речевую деятельность студентов-нефилологов. по окончании вуза: независимо от различных условий учебного процесса самым актуальным для специалистов-нефилологов является чтение как речевая деятельность, обеспечивающая интерес к специальной литературе на иностранном (в данном случае, русском) языке. Таким образом, чтение, несомненно, является составляющей коммуникативной компетенции иностранного специалиста-нефилолога. В данном случае чтение трактуется как информационная активность, при которой путем набора условных символов передается информация от одного лица к другому. При этом необходимо подчеркнуть, что чтение представляет собой активную мыслительную деятельность, очень сложную, так как читающему приходится выполнять большую и сложную работу, чтобы понять автора. Мыслительный процесс опирается на умения и включает в себя узнавание слов, использование структурного фонетического анализа, контекстуальную догадку, понимание прямого и истолкование переносного значения.

Так, если в основу выбора положен такой критерий как "трудность", в качестве актуального выбирается аудирование лекций по специальности как наиболее трудный вид речевой деятельности на 1-3 курсах. В целом же, независимо от критерия (в тех случаях, где критерий не обозначен), чтение и аудирование выбираются учащимися как наиболее актуальные виды речевой деятельности нефилологов. Переменной величиной здесь является только порядок их актуальности (при одном стиле преподавания в качестве ведущего выбирается чтение, при другом - аудирование).

Исследование, затрагивающее проблему обучения рецептивным видам речевой деятельности, выявляют в этой деятельности такие черты: соотнесенность процессов восприятия и мышления, сложность этих процессов, активный характер процесса чтения, его значения для развития личности.

Исходя из сказанного выше, представляется наиболее приемлемым определение чтения с психологической точки зрения как процесса восприятия и активной переработки информации, графически закодированной в системе языка.

С другой стороны, чтение и аудирование как рецептивные виды речевой деятельности являются, безусловно, именно тем видом деятельности, который обеспечивает усвоение не только предметного компонента, но и способов формирования и формулирования мысли на иностранном (русском) языке. Применительно к предметному компоненту последнее можно интерпретировать как усвоение способов формирования и формулирования устойчивых когнитивных структур и способов оперирования ими (последнее условно назовем как формирование операциональных когнитивных структур). Применительно к учебному специальному тексту структурной единицей, связывающей в единый узел: А) когнитивные образования с их потенциальными функциями; Б) текст как продукт структур, определенным образом выстраивающихся компонентов.

Структурные модели, из которых выстраивается последующий текст - своеобразная структурная единица, инвариант некоторого множества аналогичных текстов. Усвоение за счет адекватного отбора текстов на базе единого "инварианта" оптимизирует учебный процесс и позволяет на этой основе правильно задать критерии структуры. Мы полагаем, что сокращение сроков обучения возможно за счет исследования и структурных единиц и создания моделей: А) этап обучения (выбор структурных единиц начального и среднего этапа); Б) вид речевой деятельности (на базе общих механизмов аудирования и чтения); В) сфера общения (выбор структурных единиц нейтрального и учебно-профессионального стиля); Г) специальный предмет: выбор структурных единиц по таким предметам, как математика, физика, информатика, химия, биология.

Предварительный эксперимент показывает, что построение модели обучения по структурным моделям позволяет сократить сроки обучения с 10 до 5-7 месяцев на подготовительном факультете при сохранении качества умений вести коммуникацию на неродном (русском) языке.

Канд. пед. наук Г.В.Захарова (Волгоград)

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ АСПЕКТА СОДЕРЖАНИЯ И АСПЕКТА ОТНОШЕНИЙ В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

На первом этапе коммуникативного подхода к обучению иностранным языкам в Германии наряду с проблемой определения целей интенсивно обсуждался вопрос о содержании обучения. В процессе дискуссии представителей коммуникативного направления дидактики об отражении эмансипации в целях обучения иностранным языкам поднималась проблема коммуникативных отношений и отражения данного аспекта в содержании обучения. Остановимся на основных моментах этой дискуссии и рассмотрим в этой связи проблему соотношения аспекта отношений и аспекта содержания.

Коммуникация, коммуникативное общение партнёров друг с другом трактовались первоначально в коммуникативно-теоретических моделях как аспект отношений (Watzlawick P.) или как взаимопонимание (Habermas J.). Согласно этим моделям необходимо было организовать участие учащихся в управлении учебным процессом и создать для этого соответствующие условия (Portmann P., 1981). В некоторых исследованиях аспект отношений обозначался в противоположность аспекту содержания как коммуникация о коммуникации, как метаинформация, которая свойственна «высшему логическому типу». Тем самым аспект отношений становился идентичным метакоммуникации (Watzlawick P., 1974), которая не связана с темами, а представляла собой исходный пункт коммуникации и образования, а также способ движения за эмансипацию (Portmann P. 1981, 97).

К критериям эмансипации наряду с симметричными отношениями, участием в познании и в принятии решений была отнесена связь с общественным движением. Это предполагает, что особенностям внешкольной сферы коммуникации будет противопоставлено не только общение в форме дискурса, но и стремление к осознанию содержания и к солидарной деятельности (Moser H., 1976, 81).

Аспект отношений в коммуникации предполагает также отношение коммуникативных партнёров друг к другу и коммуникативное намерение высказывания. Уже в рамках описания лингвистической системы, на которую опирается «прагматическая» дидактика иностранных языков Германии, рассматривался вопрос об аспекте отношений (Pauels W., 1983, 40).

В терминологии теории речевых актов, которую использовал Ю.Хабермас в своих исследованиях, аспект отношений назывался «перформативным» уровнем, определяющим «прагматический смысл применения высказываний». Д.Х.Хаймз рассматривает аспект отношений как целенаправленное соответствующее адресату использование предложений, «организующий элемент коммуникативной компетенции». В теории речевых актов Остина и Серля аспект отношений находит выражение в «иллокутивном акте», который представляет собой коммуникативно-прагматический уровень высказываний. В работах М.А.К.Халлидея «функциональный» аспект языка является аспектом коммуникации, уста-

навливающим социальные отношения, а Д.А.Вилкинс называет эту функцию языка «коммуникативной» функцией.

Общая «коммуникативная» дидактика и «прагматическая» дидактика иностранных языков заимствовав исследовательский интерес к аспекту отношений коммуникации, обратили своё внимание к проблемам его дидактического преобразования, а аспект содержания рассматривался как нечто второстепенное (Pauels W., 1983, 41).

При доминанте аспекта отношений коммуникации речь идёт в «прагматической» дидактике иностранных языков о том, что учащиеся должны понять через высказывания предполагаемые отношения и выразить свои отношения к темам и мнениям. Предполагается не идентификация с заданными (языковыми) ролями и образцами поведения, а о критическом восприятии и анализе предложенной информации в соответствии с коммуникативными намерениями. Так, предлагается изменить работу над текстами, заменив принуждение к идентификации анализом прагматических фактов и определением их значения в межчеловеческих отношениях. Анализ содержания вытесняется анализом отношений, для описания которых используется понятие «прагматические факторы» (Pauels W., 1983, 43; Pelz M.).

Сведения об авторе:

Захарова Галина Владимировна, канд. пед. наук, доцент кафедры немецкой филологии Волгоградского государственного педагогического института

И.В.Зубкова (Саратов)

КОГНИТИВНЫЙ КОМПОНЕНТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ВНИМАНИЯ

Лингвистическое внимание – это внимание, направленное на различные рече-языковые категории и формы в целом и на многообразные речевые сигналы в частности. Лингвистическое внимание рассматривается нами в контексте изучения иностранного языка на базе родного, т.к. по сравнению с процессом овладения родным языком имеются существенные отличия его функционирования.

При целенаправленном обучении внимание учащихся акцентировано на формальных признаках иностранного языка и овладение языком осуществляется через усвоение эксплицитного знания. К формальным признакам относятся разного рода языковые правила (фонетические, грамматические, лексические, стилистические и спеллинговые). Однако владение языком подразумевает не просто знание некоторых правил, а способность мобилизовать и использовать это знание при выполнении определенных коммуникативных задач в различных ситуациях. Для этого необходима контролируемая переработка информации, которая требует активности всех по-

знавательных процессов. В процессе овладения иностранным языком у индивида формируется определенная система знаний, которая постоянно дополняется, т.к. интегрирование новой информации в систему знаний вызывает необходимость переструктурирования уже имеющейся системы. Простое добавление элементов не является переструктурированием, поэтому, каждая новая стадия языкового развития приводит к новой внутренней организации.

Большую роль в этом процессе играет самонаправленное лингвистическое внимание, при помощи которого актуализируется оперативный самоконтроль, позволяющий выявлять сходства и различия систем родного и иностранного языков и реорганизовать внутреннюю структуру языка индивида. Актуализация самонаправленного лингвистического внимания дает возможность количественно улучшить продвижение по континууму промежуточного языка и качественно приблизить систему языка индивида к системе языка его носителя.

В процессе изучения иностранного языка можно выделить два основных уровня научения: когнитивный и метакогнитивный. К когнитивному уровню относятся ментальные процессы, непосредственно направленные на переработку, хранение и извлечение информации для научения. Метакогнитивный уровень требует от обучающегося выхода за пределы научения и взгляда на научение со стороны. Этот уровень включает в себя способность отслеживать и сознательно регулировать использование определенных стратегий научения в различных ситуациях. Другими словами метакогнитивный уровень – это способность обучающегося к рефлексии относительно того, как он чему-то научается, или же знание того, как он что-то узнает. Для оптимизации процесса овладения иностранным языком на всех уровнях обучения и научения существенную роль играет интеллектуальное внимание, при актуализации которого осуществляется познание-научение иностранному языку.

Продолжение исследования данной проблематики необходимо вести с целью поиска средств регуляции функционирования всех видов внимания и как следствие получение средств оптимизации процесса овладения иностранным языком.

О.С.Иванова, И.А.Романова (Пенза)

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ СИНТАКСИСУ
НОСИТЕЛЕЙ АРАБСКОГО ЯЗЫКА
НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ОБУЧЕНИЯ

Успешному обучению русскому языку в качестве иностранного, как известно, в значительной степени способствует учет родного языка обучаемых.

Одной из трудностей, которую могут испытывать арабские учащиеся на самых первых занятиях, являются ошибки в построении простейших с точки зрения носителя языка предложений, в которых субъект выражен личным местоимением, а предикат – глаголом прошедшего времени (*Он писал*). Сигналом к коррекции служит отсутствие в таком предложении подлежащего (*Подожел к девушке и сказал...*). Дело в том, что в арабском синтаксисе личное местоимение 3-его лица является, как и в русском, указательным эквивалентом названия, но только в качестве подлежащего или сказуемого именного предложения, в глагольном же предложении личные местоимения, как правило, не используются, так как форма арабского глагола указывает на лицо деятеля.

В дальнейшем при изучении сложного предложения, в частности, с придаточным определительным, преподавателю следует обратить внимание на предотвращение появления лишнего местоимения, выступающего как бы в функции второго подлежащего (*Страны, которые встали на самостоятельный путь развития, они решают многие проблемы*). Аналогичное явление может наблюдаться в предложении с именным сказуемым (*Его отец он учитель*). И в том, и в другом случае мы имеем дело с интерференцией родного языка, в котором личное местоимение 3-его лица выполняет роль так называемого разделительного местоимения. Оно ставится между группой подлежащего и группой сказуемого (темой и ремой) в конструкции *кто есть кто* или в вербальном предложении, подлежащее которого имеет при себе распространенное определение, выраженное причастным оборотом или придаточным определительным. В последнем случае преподавателю помогут упражнения на уяснение структуры предложения (указать границы придаточного предложения или причастного оборота, найти подлежащее главной части и т. д.). Избежать употребления лишнего местоимения в конструкции с именным предикатом поможет усвоение названных конструкций через набор возможных моделей, а также закрепление их в речи посредством моделей.

При изучении темы «Безличные предложения» следует предупреждать замену личными конструкциями безличных (*Мы двести миллионов. Девочка совсем стало хуже*). При этом возможно выражение предиката отдельным предложением (*Одна девочка ей было два года, когда взорвалась атомная бомба*). Необходимо обратить внимание учащихся на то, что русские предложения, содержащие указание на возраст, состояние, количественную характеристику субъекта высказывания, являются безличными, в которых субъект высказывания употребляется в косвенном падеже и не несет на себе нагрузки грамматического субъекта. Важен анализ семантического значения предиката такого предложения. Предикативные наречия, выступающие в таких предложениях в функции сказуемого, подлежат запоминанию.

В арабском синтаксисе управление используется шире, при этом всякая конструкция управляет падежом не независимо от ее синтаксической

функции и позиции. Это находит отражение, в частности, в том, что арабские учащиеся склонны употреблять родительный падеж, например, в простом предложении после вводных слов со значением степени достоверности сообщаемого (*Действительно, такого поступка – это подвиг*) и в сложном с придаточными причины и образа действия, а также в придаточном изъяснительном (*Командир знал, что маршрута сложный*). Поэтому преподаватель при изучении темы «Вводные слова и предложения» должен обратить внимание обучаемых на синтаксическую несвязанность вводных слов с высказыванием и особо выделить их главную функцию – отношение говорящего к высказываемому. Рекомендуется при прохождении тем «Способы выражения объектных, причинных отношений и образа действия» тренировать учащихся в нахождении субъекта придаточной части и последующем конструировании подобных предложений в заданной ситуации.

Арабские учащиеся должны хорошо представлять структуру русского сложного предложения, поскольку в арабском языке не такие четкие границы между простым и сложным предложением, что является причиной многих ошибок, которые нередко встречаются в работах арабских учащихся. Полезной в этом плане представляется тренировка в структурном анализе предложения и составлении структурных схем предложений.

Канд. пед. наук Г.Н. Можайцева (Балашов)

О ПУТЯХ ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ УЧАЩИХСЯ В ПРОЦЕССЕ ПОДГОТОВКИ К ЕГЭ

Современный этап развития методики преподавания русского языка характеризуют новые подходы к определению целей обучения и его содержания через понятия языковой, лингвистической и коммуникативной компетенции. Данные смежных наук, в частности, лингвистики и психологии, позволяют обосновать, уточнить содержание и методы работы по развитию связной речи и имеют решающее значение для интерпретации процесса формирования коммуникативных умений у школьников

В системе контрольных измерительных материалов ЕГЭ обязательным является сочинение-рассуждение на основе предложенного текста.

Первой задачей учителя будет отбор текстов. Целесообразно предъявлять учащимся для работы тексты с учетом их функционально- смысловых и жанрово-стилистических особенностей и четко структурированные. Содержание текстов тоже может быть разным: информативно значимым, проблемным, эстетическим. Очень актуальны тексты морально-этического, культурологического, экологического содержания, позволяющие выпускникам уяснить проблему и выразить свой взгляд на нее, а может быть и сложившиеся убеждения.

Вторая задача – это выбор формы работы: анализ текста или его переработка.

Третьей задачей учителя является обеспечение внимания учащихся к подтексту. При всей полноте запоминания учащиеся обязаны передать во всей глубине содержание текста, которое зачастую не лежит на поверхности и воспринимается «между строчек». Осознанность в передаче содержания поддерживается интерпретационными умениями учащихся.

Понимание исходного текста – важнейшее условие успешного выполнения задания с развернутым ответом. Адекватность переработанного текста теме, стилю, типу речи, языковым средствам автора, осознание и передача ценностной сущности текста, понимания художественной выразительности – все это делает подготовку к ЕГЭ продуктивной.

Четвертая задача учителя – это составление рекомендаций для учащихся в их самостоятельной работе. В работе по подготовке к ЕГЭ мы исходим из того, что умению интерпретировать текст необходимо обучать так же, как и любому другому умению. Учитывая, что основой восприятия исходного текста является воссоздающее воображение, мы положили в основу распределения приемов, методов и объема работы над сочинением – отзывом и сочинением-рецензией различные уровни воссоздающего воображения (четыре типа – по О.И.Никифоровой), т.е. того, без чего невозможно восприятие как таковое.

В основу системы обучения интерпретации текста мы положили четыре уровня воспроизведения текста, практически соответствующие четырем типам воссоздающего воображения. На первом уровне это будет свободный пересказ, т.е. выражение в устной речи первой эмоциональной реакции на прочитанное.

На втором уровне, не прекращая работы над свободным, выборочным и подробным пересказом, практикуем самостоятельную оценку учащимися ответов одноклассников. Работа над отзывом и рецензией является здесь средством стимулирования потребности самостоятельного анализа текста.

Третий уровень воспроизведения авторского текста предполагает дальнейшее углубление работы по объективному анализу авторского текста – краткому пересказу с обоснованной собственной оценкой.

Четвертый уровень – высший, или творческий, – это собственное творчество учащегося, выраженное как в формах рецензии-отзыва, так и в формах художественного творчества.

В заключение хочется отметить, что русский язык в старших классах – это особый, завершающий этап изучения родного языка в школе, но на самом деле, продолжающийся постоянно, бесконечно: родной язык мы постигаем всю жизнь.

Канд. филол. наук Н.Несмелова, Т.Н.Леплейская (Пенза)
**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВИДЕОФИЛЬМОВ
НА ЗАНЯТИЯХ С ИНОСТРАННЫМИ УЧАЩИМИСЯ
ПОДГОТОВИТЕЛЬНОГО И ОСНОВНОГО КУРСОВ**

Использование технических средств обучения на занятиях с иностранными учащимися имеет ряд аспектов, во-первых, это лингвистический аспект, т.к. грамотное применение различных технических средств позволяет снять многие лексические и грамматические трудности. Во-вторых, методический и психологический аспекты, т.к. возможности ТСО снимают трудности экстралингвистического характера, позволяют более эффективно развивать навыки речевого общения в различных сферах деятельности, ускорить процесс овладения различными стилями речи (научным, разговорным, художественным) и т.д.

Роль, место, время и выбор конкретного технического средства на занятиях по русскому языку как иностранному определяются, прежде всего коммуникативными целями и задачами и включаются в процесс обучения в соответствии с речевыми навыками обучаемых.

Работа с учебными и художественными видеофильмами может проводиться как на подготовительном, так и на продвинутом этапах обучения, но при этом необходимо методически грамотно подходить к подбору видеоряда, учитывая степень подготовленности обучаемых и их коммуникативные потребности.

Установлено, что на начальном этапе обучения говорению целесообразнее использовать не полностью фильмы, а их отрывки. При этом видеотехника позволяет останавливать кадр, создавая статичность изображения, а следовательно возможность для адаптации иностранцев к созданной ситуации. На среднем и продвинутом этапах обучения (на уровне тематического и ситуативного высказываний) можно использовать как отрывки из видеофильмов, так и полностью видеофильмы (и учебные, и художественные).

Особенность работы с видеофильмом позволяет иностранным учащимся не только услышать, как говорят носители языка в конкретной ситуации, но и при просмотре видеофильма с отсутствием видеоряда воспроизвести разговор в зрительно воспринимаемой ситуации, прокомментировать увиденные речевые ситуации.

Преподавателями разработаны варианты различных упражнений и заданий в рамках сознательно-практического метода с использованием видеоряда и на подготовительном, и на продвинутом этапах обучения, в задачи которых входит развитие слушания и записи аудиотекста (запись сообщений по специальности), монологической речи (на примере учебных и художественных фильмов).

Методические разработки предусматривают комплексное использование технических средств обучения: демонстрация видеофильма, про-

слушивание текста диктора (участников фильма) в лингафонном кабинете, обработку грамматических и лексических конструкций с помощью компьютерных программ, использование аудиомгнитофонов для записи ответов студентов и их комментариев по поводу просмотренных кадров.

Итак, использование учебных видеофильмов на занятиях по русскому языку как иностранному должно быть направлено прежде всего на обучение общению в сфере учебно-научной и профессиональной деятельности.

Докт. филол. наук Л.А.Шкатова (Челябинск)

ФОРМИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ УЧАЩИХСЯ ПРАВОСЛАВНОЙ ГИМНАЗИИ

В докладе предполагается осветить опыт работы в начальных классах негосударственного общеобразовательного учреждения «Челябинская православная гимназия во имя Святого Праведного Симеона Верхотурского Чудотворца». В течение двух лет автор ведет уроки этикета, основанные на идее формирования национального языкового сознания в процессе концептуального обучения и руководит научной работой учителей по теме «Духовно-нравственное воспитание на уроках словесности». Воспитание культуры речевого поведения мы относим к образовательной области «русская словесность», поскольку цель дисциплины определяется нами как обучение культуре речевого поведения и воспитание в духе традиций нравственности, сложившихся у русского народа и отразившихся в языке и литературе.

Уроки в православной гимназии – это совместное нравственное переживание сказанного и содеянного, а также оценка своих и чужих поступков с позиций христианского этикета и кодекса чести русского народа. Поскольку обучение начинается с первого класса, когда дети еще не вполне овладели грамотой, но уже начали изучать буквы, первые уроки посвящены беседам о важнейших концептах мировоззрения православных россиян.

В качестве учебника используется наше учебное пособие «Задачник по этикету», изданное Южно-Уральским книжным издательством, в котором на примерах из художественной литературы и поэзии поясняются ключевые слова русской культуры, даются задачи, способствующие их осознанию и освоению.

Базовыми концептами выступают следующие: РОДИНА (родная земля, род, народ, родной, Богородица, Рождество, родители, родственники), ДОМ (домашний, домовничать, домострой, бездомный), РОССИЯ (Русь, русские, россияне), СЛОВО (бессловесный, словарь, богословие), ДУХ (духовный, духовник, душа, душевный) и др.

Каждый урок строится вокруг концепта, объединяющего общей идеей ряд корневых слов (словообразовательное гнездо), которые не только «об-

говариваются» в процессе беседы, но и сопровождаются определенным учебным действием. Так, урок на тему «Родина» сопровождается не только расширением словарного запаса за счет введения незнакомого слова «родословная», но и домашним заданием – нарисовать вместе с родителями родословное древо семьи, тема «Дом» - придумыванием герба и девиза.

Таким образом, на уроках этикета формируется тезаурусный уровень языковой личности, выстраивается единство СЛОВО-ДЕЛО, готовится встреча с российской словесностью на более высоком уровне восприятия, чем в обычной школе, воспитывается трепетное отношение к слову как к величайшему дару предков.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редколлегии.....	3
<i>Канд. филол. наук И.Ф.Шувалов (Пенза)</i>	
ИЗ ИСТОРИИ ПЕНЗЕНСКОГО ПЕДУНИВЕРСИТЕТА	4
Проблемы языка и мышления в генетическом и сопоставительном аспектах <i>Докт. филол. наук А.И.Бахарев (Балашов)</i>	
ГРАММАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ ЧИСЛА В РУССКОМ И УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКАХ	10
<i>Н.П.Генералова (Саратов)</i>	
ОБРАЗ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОЙ НЕМЕЦКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА (на основе метафорических обозначений)	11
<i>Канд. филол. наук С.В.Кезина (Пенза)</i>	
ОРГАНИЧНОЕ СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ КАК ОПТИМАЛЬНАЯ СИСТЕМА ДЛЯ СЕМАСИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ.....	12
<i>Е.Е.Краснова (Пенза)</i>	
К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ ЭВФЕМИЗМОВ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ).	16
<i>Соискательница Л.Н.Мирошниченко (Краснодар)</i>	
КОНЦЕПТ «ТРУДОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ» В РУССКОМ, ГРЕЧЕСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ.....	17
<i>Канд. филол. наук Е.А.Нивина (Тамбов)</i>	
ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ СО СЛОВОМ ГОЛОВА В ТАМБОВСКИХ ГОВОРАХ.....	18
<i>Н.Г.Першина (Пенза)</i>	
ВЛИЯНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ НА ЯЗЫКОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОБЩНОСТЕЙ	20
Логико-структурные аспекты языка и мышления <i>Докт. филол. наук Е.В. Алтабаева (Мичуринск)</i>	
ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ КАТЕГОРИИ ОПТИМИЗМА.....	22
<i>Докт. филол. наук В.Н.Базылев (Москва)</i>	
ВНЕРАЦИОНАЛЬНОЕ ПОСТИЖЕНИЕ ЯЗЫКА	23
<i>Докт. филол. наук А.Г.Баранов (Краснодар)</i>	
ВИДЫ ЗНАНИЯ И ПРОБЛЕМЫ ИХ ДИСКУРСИВНОСТИ.....	24
<i>Соискатель А.Л.Бронникова (Краснодар)</i>	

ВОСПРИЯТИЕ ИНФОРМАЦИИ В АСПЕКТЕ ИСТИННОСТИ	26
<i>Канд. филол. наук Т.В.Ващекина (Москва)</i>	
АЛЛОМОРФНОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ КОРНЯ В СЛОВОИЗМЕНИТЕЛЬНОЙ ПАРАДИГМЕ	27
<i>Докт. пед. наук П.А.Гагаев (Пенза)</i>	
О СООТНОШЕНИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫХ И НЕДЕЯТЕЛЬНОСТНЫХ ФОРМ БЫТИЯ ЧЕЛОВЕКА.....	28
<i>Аспирант А.А. Гвоздева (Тамбов)</i>	
ЯЗЫК ОПРЕДЕЛЯЕТ МЫШЛЕНИЕ ИЛИ МЫШЛЕНИЕ ОПРЕДЕЛЯЕТ ЯЗЫК?	30
<i>Канд. филол. наук З.В. Демидова (Краснодар)</i>	
К ВОПРОСУ О ДУАЛИСТИЧЕСКОЙ ПРИРОДЕ ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА	32
<i>Соискатель М.А.Живокينا (Воронеж)</i>	
КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ ОТРАЖЕНИЯ НАИМЕНОВАНИЙ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ СОБИРАТЕЛЬНЫЕ ПОНЯТИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ.	33
<i>Докт. филол. наук Л.Г. Зубкова (Москва)</i>	
ЯЗЫКОВОЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ В УЧЕНИИ И.А.БОДУЭНА ДЕ КУРТЕНЭ	34
<i>Аспирант А.Г.Иванова (Москва)</i>	
СТРУКТУРА СЛОГА В ЯЗЫКАХ РАЗЛИЧНЫХ ТИПОВ	38
<i>Канд. филол. наук А.Ф.Калинин (Балашов)</i>	
ПРЕДЛОЖЕНИЯ СТРУКТУРНОГО ТИПА <i>МОЖНО ВЫСТУПАТЬ;</i> <i>ПРИКАЗАНО ЗАДЕРЖАТЬСЯ</i> В СИСТЕМЕ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ	39
<i>О.В. Камнева (Тамбов)</i>	
ФАКТОР ИСТИННОСТИ КАК КРИТЕРИЙ СУБЪЕКТИВНОСТИ/ОБЪЕКТИВНОСТИ ОЦЕНКИ	41
<i>Докт. филол. наук Н.А. Красавский (Волгоград)</i>	
ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ КОНЦЕПТОСФЕРА: МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	42
<i>Докт. филол. наук А.В.Лемов (Саранск)</i>	
О СУБЪЕКТИВНОСТИ В ЯЗЫКОЗНАНИИ	44
<i>Канд. психол. наук Г.Н.Малюченко (Балашов)</i>	
ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПОНИМАНИЮ ОБРАЗА МИРА НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА	46
<i>Соискатель Н.В.Мартемьянова (Воронеж)</i>	
КОГНИТИВНЫЕ КЛАССИФИКАТОРЫ КОНЦЕПТА «ИГРУШКА»	47
<i>Аспирант А.А.Мытарева (Москва)</i>	
СИНОНИМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ РАЗНОУРОВНЕВЫМИ ЯЗЫКОВЫМИ СРЕДСТВАМИ	49
<i>О.А.Михайлина (Краснодар)</i>	

ГЛАГОЛ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОСТРОЕНИЯ БАЗЫ ЗНАНИЯ.....	50
<i>Аспирант Н.В.Павлова (Тверь)</i>	
КОМИЧЕСКОЕ КАК СПОСОБ ОТРАЖЕНИЯ	
МЫШЛЕНИЯ В ЯЗЫКЕ	51
<i>Канд. филол. наук Т.А.Полукарова (Пенза)</i>	
СИНТАКСИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ, ВЫРАЖАЮЩИЕ СРАВНЕНИЕ,	
В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ.....	52
<i>Е.В.Полянина (Саратов)</i>	
ПРОИЗВОДНЫЕ ГЛАГОЛЫ	
С МЕТАФОРИЧЕСКОЙ МОТИВАЦИЕЙ	53
<i>Докт. филол. наук А.А.Пузырев (Пенза)</i>	
ЗАКОН ЭКОНОМИИ УСИЛИЙ В АСПЕКТЕ ТЕТРАХОТОМИИ	
ВСЕОБЩЕЕ – ОБЩЕЕ – ОСОБЕННОЕ – ЕДИНИЧНОЕ.....	54
<i>Канд. филол. наук В.К.Радзиховская (Москва)</i>	
ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ ВЗАИМНОСТИ	
В ПСИХОФИЗИЧЕСКОМ ПОЛЕ	
РАЗУМНО-ЖИЗНЕННОГО ОБЩЕНИЯ.....	66
<i>Докт. филол. н. И.М. Румянцева (Москва)</i>	
ЕЩЕ РАЗ О МЫШЛЕНИИ И РЕЧИ	
(в аспекте обучения иностранным языкам через ИЛПТ).....	68
<i>Канд. филол.н. Э.А.Салихова (Уфа)</i>	
ЯЗЫК КАК ДИФФЕРЕНЦИРУЮЩИЙ ПРИЗНАК	
НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ.....	69
<i>Аспирант И.А.Рёбрушкина (Саранск)</i>	
СИСТЕМНО ОРИЕНТИРУЮЩИЕ ТЕРМИНЫ ЛИНГВИСТИКИ	71
<i>Аспирант А.В.Самарин (Воронеж)</i>	
ГИПЕРОНИМ «ПТИЦА» И ЕГО ГИПОНИМЫ	
В СЛОВАРЕ И ТЕКСТЕ	74
<i>Докт. филол. наук Е.П.Сеничкина (Самара)</i>	
ЭВФЕМИЗМЫ РУССКОГО ЯЗЫКА: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ	75
<i>Канд. филол. наук Е.Н.Сердобинцева (Пенза)</i>	
СЕМНЫЙ СОСТАВ КОННОТАЦИЙ	
В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА.....	76
<i>Канд. филол. наук К.Я. Сигал (Москва)</i>	
К ПРОБЛЕМЕ СЕМАНТИКИ СОЧИНИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ	
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ	80
<i>Докт. филол. наук И.В.Труфанова (Москва)</i>	
РАССЛОЕНИЕ ГОВОРЯЩЕГО	87
<i>Соискатель Е. С. Фомина (Пенза)</i>	
ЧЕТЫРЕ СТУПЕНИ СУЩНОСТИ ЯЗЫКОВОГО ВЫРАЖЕНИЯ	
ИЗМЕНЁННЫХ СОСТОЯНИЙ СОЗНАНИЯ	90
<i>Канд. филол. наук А.Л.Чубарова (Пенза)</i>	

РЕАЛИЗАЦИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО МЫШЛЕНИЯ НА СИНТАКСИЧЕСКОМ УРОВНЕ ЯЗЫКА	92
--	----

Динамические аспекты проблемы языка и мышления

Л.Ю.Веретенкина (Пенза)

ГЛАГОЛ КАК СРЕДСТВО МАНИПУЛЯТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА АДРЕСАТА В ПЬЕСАХ А.Н.ОСТРОВСКОГО	94
---	----

Канд. психол. наук А.А.Голованова (Саратов)

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ И КОММУНИКАТИВНАЯ КРЕАТИВНОСТЬ – ДВЕ СТОРОНЫ ОДНОЙ (ТВОРЧЕСКОЙ) ЛИЧНОСТИ	96
--	----

Д.П. Казанникова (Пенза)

К ВОПРОСУ О ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ РАССМОТРЕНИЯ ИНТОНАЦИИ	97
--	----

Студентка Т.А.Питерскова (Пенза)

ПРОБЛЕМА СМЫСЛА ЖИЗНИ В СТУДЕНЧЕСКОЙ АУДИТОРИИ	94
---	----

Канд. филол. наук С.А.Ремизова (Краснодар)

СТРАТЕГИИ И СХЕМЫ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ КОММУНИКАНТОВ В СИТУАЦИИ КОНФЛИКТА	99
--	----

Аспирант Е.Ю.Спиридонова (Москва)

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ И ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАЗЛИЧНЫХ ПОДГРУПП КЛАССА	101
---	-----

Канд. психол. наук В.И.Страхов, Н.С.Аринушкина (Саратов)

РЕЧЕ-МЫШЛЕНИЕ В СТРУКТУРЕ МАССВНИМАНИЯ	102
--	-----

Канд. филол. наук Т.Ю.Тамерьян (Владикавказ)

ДИАЛОГ КУЛЬТУР – ДИАЛОГ СОЗНАНИЙ	104
--	-----

К. пед. наук Г.В.Фадина, к. пед. наук Е.Ю.Филатова (Балашов)

РАЗВИТИЕ РЕЧЕВОГО И ТВОРЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА	105
--	-----

Соискатель Т.В.Фетисова (Москва)

ДЕЛЕНИЕ УЧАЩИХСЯ ПО ИХ СПОСОБНОСТИ РАЗЛИЧАТЬ ЛИНГВИСТИЧЕСКУЮ И ПАРАЛИНГВИСТИЧЕСКУЮ ИНФОРМАЦИЮ	106
---	-----

Функциональные аспекты исследования языка и мышления

Канд. филол. наук А.А.Алемпьев (Саратов)

ВОСПРИЯТИЕ ЖАРГОНИЗМОВ ПРИ ЧТЕНИИ ИНОЯЗЫЧНОГО ТЕКСТА	110
---	-----

Аспирантка Л.П.Амири (Ростов-на-Дону)

ЯЗЫК РЕКЛАМЫ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ	111
--	-----

<i>Докт. филол. наук А.П.Бабушкин (Воронеж)</i> ДЕФОРМАЦИЯ И ПРИРАЩЕНИЕ СМЫСЛА В ЦИТАТАХ, СТАВШИХ «КРЫЛАТЫМИ ВЫРАЖЕНИЯМИ»	112
<i>Канд. филол. наук З.В.Баишева (Уфа)</i> ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ОБВИНИТЕЛЬНОЙ РЕЧИ (НА МАТЕРИАЛЕ ОБВИНИТЕЛЬНЫХ РЕЧЕЙ А.Ф.КОНИ)	114
<i>Аспирант С.А.Баранов (Краснодар)</i> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ПРИЁМОВ В РЕКЛАМЕ	115
<i>Аспирант Е.В.Ваганова (Челябинск)</i> ТИПИЧНЫЕ РЕЧЕВЫЕ ОБОРОТЫ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЕ	116
<i>Канд. филол. наук Г.В.Векшин (Москва)</i> О КАТЕГОРИЯХ И ГРАНИЦАХ ФОНОСТИЛИСТИКИ ТЕКСТА	117
<i>Докт. психол. наук В.В.Гриценко (Балашов)</i> МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ КАК ОСНОВА ПРОДУКТИВНОГО МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ.....	119
<i>Канд. филол. наук В.В.Громова (Ростов-на-Дону)</i> ТРАНСФОРМАЦИЯ ЗАГЛАВИЙ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ	120
<i>Аспирант А.Е.Гульшина (Тамбов)</i> ВОСПРИЯТИЕ ГИПЕРТЕКСТА ГЛОБАЛЬНОЙ СЕТИ.....	122
<i>Г.А.Дунаев (Москва), канд. филол. наук С.В.Начёрная (Тамбов)</i> СПЕЦИФИКА ИДИОРЕЧЕВОГО ДЕЙСТВИЯ РИТОРА-АКТЕРА.....	123
<i>Н.В.ЕЛИСЕЕВА, Л.П.АМИРИ (РОСТОВ-НА-ДОНУ)</i> КОНТЕКСТ КАК ПОСРЕДНИК МЕЖДУ ЯЗЫКОМ И МЫШЛЕНИЕМ ПРИ СИНХРОННОМ ПЕРЕВОДЕ.....	124
<i>Аспирант Е.А.Зайцева (Самара)</i> О СПЕЦИФИЧЕСКОМ СПОСОБЕ ДЕРИВАЦИИ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ – НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ	125
<i>Докт. филол. наук С.В.Ильясова (Ростов-на-Дону)</i> СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ИГРА В ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ТЕКСТАХ (На материале заголовков русской прессы конца XX – начала XXI вв.)	126
<i>Соискатель И.Ф. Исламова (Уфа)</i> УЛИЧНОЕ ОБЪЯВЛЕНИЕ КАК РЕЧЕВОЙ ЖАНР (НА МАТЕРИАЛЕ УЛИЧНЫХ ОБЪЯВЛЕНИЙ ГОРОДА УФА).....	128
<i>Канд. филол. наук С.Б.Козинец (Саратов)</i> ЭКСПРЕССИВНАЯ ГЛАГОЛЬНАЯ МЕТАФОРА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ.....	129
<i>Кандидат филол. наук М.Н.Кунина (Краснодар)</i>	

ЯЗЫКОВОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ КОГНИОТИПА ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ «ТЕРРОРИЗМ».....	131
<i>Соискатель П.В.Лихолетова (Краснодар)</i>	
МЕТАФОРА КАК ВЫРАЖЕНИЕ ЗНАНИЯ-ПЕРЕЖИВАНИЯ	132
<i>Докт. филол. наук М.Н.Макеева (Тамбов)</i>	
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ И ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ РЕЦИПИЕНТА: СПОСОБЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ И ТЕХНИКИ ПОНИМАНИЯ	133
<i>Аспирант А.В.Малюгина (Воронеж)</i>	
КОНТЕКСТ КАК ДЕТЕРМИНАТОР ТИПА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО КОНЦЕПТА.....	134
<i>Соискательница В.С.Манджиева (Элиста)</i>	
ГЕНДЕРНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В КАЛМЫЦКОМ ФОЛЬКЛОРЕ.....	136
<i>Аспирант И.Ю.Петрова (Самара)</i>	
К ВОПРОСУ О СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ ЗАИМСТВОВАННЫХ СЛОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ	138
<i>Аспирант А.А.Пихурова (Саратов)</i>	
ЯЗЫКОВАЯ РЕФЛЕКСИЯ КАК ОДИН ИЗ АСПЕКТОВ СУДЬБЫ СОВЕТИЗМОВ	141
<i>Т.Б.Польская (Новороссийск)</i>	
РЕАЛИЗАЦИЯ КОГНИОТИПА ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ «МОРСКИЕ КАТАСТРОФЫ» В МОРСКОМ ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ	142
<i>Соискатель Ю.Н.Потемкина (Пенза)</i>	
ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ВОЕННОЙ НЕКОДИФИРОВАННОЙ ЛЕКСИКИ В РАМКАХ НАЦИОНАЛЬНЫХ СУБКУЛЬТУР	144
<i>Докт. филол. А.В.Пузырёв (Пенза)</i>	
ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА В РУССКИХ АНЕКДОТАХ (Опыт системного подхода).....	145
<i>Канд. филол. наук О.И.Семянкова (Пенза)</i>	
К ВОПРОСУ О ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ВОСПРИЯТИИ РЕКЛАМНОГО ТЕКСТА.....	158
<i>Т.А.Степина (Пенза)</i>	
ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ НА СТЕРЕОТИПЫ ВОИНСКОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ	160
<i>Д. филол. н. С.А.Сухих (Краснодар), соискатель А.Ш.Калашава</i>	
ПРИНЦИПЫ АНАЛИЗА СОЦИАЛЬНОГО ВЛИЯНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА.....	161
<i>Канд. филол. наук А.П.Тимонина (Пенза)</i>	
ОТРАЖЕНИЕ В ЯЗЫКЕ МОРАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИХ НОРМ ПОВЕДЕНИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РАЗЛИЧНЫХ СОЦИУМОВ.....	163
<i>Канд. филол. наук Е.В.Харченко (Челябинск)</i>	
ОТРАЖЕНИЕ В ЯЗЫКЕ СИСТЕМЫ КОРПОРАТИВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ	164

Эстетические аспекты взаимодействия языка и мышления <i>Канд. филол. наук Н.А.Аверьянова (Пенза)</i>	
АЛЛЮЗИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ	167
<i>Канд. филол. н. Л.И.Андреева (Балашов)</i>	
ОНОМАСТИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ И СИСТЕМА НАИМЕНОВАНИЙ ПЕРСОНАЖЕЙ А.Н.ОСТРОВСКОГО	168
<i>А.Т.Анисимова (Краснодар)</i>	
ФЕНОМЕН КОНФЛИКТА В ДИСКУРСИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	170
<i>Аспирант Е.М.Барановская (Тамбов)</i>	
ПОКАЗАТЕЛЬ И ОЦЕНКИ ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ОТНОШЕНИЙ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТА	171
<i>П.Ф.Беседин (Балашов)</i>	
СИНЕСТЕТИЧЕСКИЕ МЕТАФОРЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (На материале произведений И.А.Бунина).....	172
<i>Аспирант Т.А.Беспалова (Тамбов)</i>	
«ЧАС ДУШИ» М. ЦВЕТАЕВОЙ. СЕМАНТИКА И ФОРМА ТЕМПОРАЛЬНОГО СЛОВА <i>НОЧЬ</i>	174
<i>Аспирант Е.А.Братчикова (Балашов)</i>	
О ЗВУКОСМЫСЛОВЫХ СВЯЗЯХ В ПОЭЗИИ (На материале стихотворения Э.А.По «The Bells» и перевода К.Бальмонта «Колокола и колокольчики»)	175
<i>Соискатель М.В.Викторова (Пенза)</i>	
ПРОДЛЕНИЕ ЗВУКОВ В АВТОРСКОЙ ПЕСНЕ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ (На материале песен Ж.Бреля и В.Высоцкого).....	177
<i>Л.А.Горшкова (Самара)</i>	
ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ НЕОПРЕДЕЛЕННЫХ МЕСТОИМЕНЕЙ В ТВОРЧЕСТВЕ Б.К ЗАЙЦЕВА	180
<i>Соискатель Н.А.Давыдкина (Самара)</i>	
ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ НАРЕЧИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ В.НАБОКОВА	182
<i>Аспирант С.И.Исаева (Тамбов)</i>	
«БЕЛОЕ» И «КРАСНОЕ» В ТЕКСТАХ Е.ЗАМЯТИНА	183
<i>Докт. филол. наук С.В.Пискунова (Тамбов)</i>	
ВОСПРИЯТИЕ И ПОРОЖДЕНИЕ ЗНАЧЕНИЙ СЛОВА В ТЕКСТЕ: ПОЭТИЧЕСКАЯ СИМВОЛИКА М.ЦВЕТАЕВОЙ.....	184
<i>Докт. филол. наук А.В.Пузырев, студ. И.А.Макарова (Пенза)</i>	185
ЯЗЫКОВОЕ ВЫРАЖЕНИЕ СУБЛИЧНОСТЕЙ В РОМАНЕ Л.Н.ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИР».....	185
<i>Доктор филол. наук В.С.Соловьева (Балашов)</i>	

ФУНКЦИИ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ЛИНГВОАНАЛИЗА ТЕКСТА (На основе стихотворений «Памятник» А.С.Пушкина и В.С.Высоцкого)	186
<i>З.М.Степанова (Пенза)</i>	
ДИНАМИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРЕДЛОЖНЫХ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ КОНСТРУКЦИЙ В РОМАНЕ А.ТРУАЙЯ «АННА ПРЕДАЙЛЬ».....	189
<i>Докт. филол. наук Е.А.Яковлева, асп. А.С.Кудрякова (Уфа)</i>	
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ В ЛИНГВО-ПРАГМАТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ: РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЛИРИЧЕСКОЙ ГЕРОИНИ (На примере поэзии А.Ахматовой и М.Цветаевой)	199
Педагогические аспекты исследований взаимосвязи языка и мышления <i>Е.С.Афанасенко (Пенза)</i>	
ПРОБЛЕМА ЭФФЕКТИВНОСТИ РАБОТЫ ПСИХОЛОГО- ПЕДАГОГИЧЕСКИХ СЛУЖБ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ СИСТЕМЫ СОЦЗАЩИТЫ.....	202
<i>Канд. техн. наук В.А.Баранов, И.В. Пахомова (Пенза)</i>	
ИНТЕГРАТИВНАЯ МОДЕЛЬ ОБУЧЕНИЯ РЕЦЕПТИВНЫМ ВИДАМ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ-НЕФИЛОЛОГОВ (НАЧАЛЬНЫЙ И СРЕДНИЙ ЭТАПЫ ОБУЧЕНИЯ).....	203
<i>Канд. пед. наук Г.В.Захарова (Волгоград)</i>	
ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ АСПЕКТА СОДЕРЖАНИЯ И АСПЕКТА ОТНОШЕНИЙ В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ	205
<i>И.В.Зубкова (Саратов)</i>	
КОГНИТИВНЫЙ КОМПОНЕНТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ВНИМАНИЯ	207
<i>О.С.Иванова, И.А.Романова (Пенза)</i>	
НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ СИНТАКСИСУ НОСИТЕЛЕЙ АРАБСКОГО ЯЗЫКА НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ОБУЧЕНИЯ	208
<i>Канд. пед. наук Г.Н. Можайцева (Балашов)</i>	
О ПУТЯХ ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ УЧАЩИХСЯ В ПРОЦЕССЕ ПОДГОТОВКИ К ЕГЭ.....	210
<i>Канд. филол. наук Н.Несмелова, Т.Н.Леплейская (Пенза)</i>	
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВИДЕОФИЛЬМОВ НА ЗАНЯТИЯХ С ИНОСТРАННЫМИ УЧАЩИМИСЯ ПОДГОТОВИТЕЛЬНОГО И ОСНОВНОГО КУРСОВ.....	212
<i>Докт. филол. наук Л.А.Шкатова (Челябинск)</i>	
ФОРМИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ УЧАЩИХСЯ ПРАВОСЛАВНОЙ ГИМНАЗИИ	213
ОГЛАВЛЕНИЕ	215

Российская Академия наук
Институт языкознания

Пензенский государственный педагогический университет
им. В.Г.Белинского

Пензенский институт повышения квалификации
и переподготовки работников образования

Администрация г. Пензы

Язык и мышление:
Психологический и лингвистический аспекты

4-я Всероссийская
научная конференция

(Пенза, 12-15 мая 2004 г.)

Материалы

Ответственный редактор	А.В.Пузырев
Электронный набор	А.В.Владимиров
Компьютерная верстка	А.В.Владимиров
Редактор	Л.И.Дорошина

План университета 2004 (поз. 301)

ЛР № 020490

Сдано в набор	1.04.2004	Подписано к печати	24.04.2004
Формат	60 X 84 1/16	Бумага	писчая
Уч.-изд. л.	13.75	Усл. печ. л.	13.5
Печать офсетная		Тираж	200 экз.
Цена	С. 63	Заказ №	122/04

Издательство ПГПУ им. В.Г.Белинского: 440011, г. Пенза, ул. Лермонтова, 37, корп. 5, комн. 466

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «Типо-Ризо»